ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 186⅔ году, по поводу даннаго намъ Правительствомъ порученія, объѣхали мы Острожскій и Кременецкій уѣзды Волынской губерніи, были почти въ каждомъ приходѣ перваго, не многіе опустили во второмъ. Мы старались собрать изустныя преданія, обозрѣть замѣчательные памятники тѣхъ мѣстъ, кои посѣтили и находили не далеко отъ пути своего. Къ этимъ замѣткамъ мы присоединили свои собственныя воспоминанія, будучи знакомы съ нѣкоторыми изъ описываемыхъ мѣстъ еще въ отроческомъ своемъ возрастѣ. Можетъ быть кое-что, замѣченное нами въ прежнее время, отнесли мы къ настоящему, такъ какъ представленія эти могли слиться въ нашемъ воображеніи въ одну нераздѣльную картину; можетъ быть и страны свѣта опредѣлены не вездѣ правильно, потому что пришлось обозначать ихъ приблизительно по неимѣнію подъ рукою компаса. Здѣсь же мы должны еще замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ объѣздъ нашъ происходилъ не въ томъ порядкѣ, въ какомъ здѣсь представленъ; это отъ того, что мы желали изобразить нашъ обзоръ въ болѣе послѣдовательномъ, округленномъ видѣ. Замѣтки эти мы издавали особыми статьями, напечатанными въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ; теперь мы желаемъ сдѣлать ихъ общензвѣстными напечатавъ особою книжкою;—да по-

служитъ это какимъ нибудь пособіемъ для будущихъ изыскателей, кои могутъ принести плоды болѣе богатые и совершенные въ общую сокровищницу человѣческихъ познаній! Во всякомъ случаѣ теперешнее изданіе нужно считать вторымъ, такъ-какъ въ немъ многое исправлено противъ прежняго, другое перемѣнено, третье вставлено, особенно тирады, опущенныя въ прежнемъ изданіи.

Л. Рафальскій.

ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО ОСТРОЖСКОМУ УѢЗДУ
ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНІИ
ВЪ 186½ ГОДУ.

---

1. ЗАМКОВОЕ ВОЗВЫШЕНІЕ ВЪ Г. ОСТРОГѢ.

Возвышеніе, о которомъ хотимъ говорить, находится на супротивъ соборной церкви, не далеко отъ владѣльческаго дома, отъ которыхъ отдѣляется глубокимъ рвомъ; съ двухъ другихъ сторонъ—южной и восточной возвышеніе это примыкаетъ къ низменности, орошаемой рѣкою Виліею и заселенной части города. Кромѣ замка, здѣсь находится опустѣвшая Богоявленская церковь, бывшая замковою, и одна башня. Стѣны опустѣвшей церкви занимаютъ, какъ бы, сѣверовосточную часть возвышенія, башня пристроена къ югозападной сторонѣ его, а замокъ —къ юговосточной. Возвышеніе когда-то было соединено съ прилежащею къ оврагу, или правильнѣе рву, площадью мостомъ, который могъ быть подъемнымъ. Теперь вмѣсто моста, устроена земляная насыпь, по которой происходитъ сообщеніе замковой горы съ городомъ.

Богоявленская церковь основана въ первой половинѣ XV вѣка Василіемъ Ѳеодоровичемъ Краснымъ, княземъ

Острожскимъ, однимъ изъ потомковъ Владиміра Святаго (скончался онъ 1450 года по Стебельскому). Стиль ея архитектуры Византійскій; храмъ имѣлъ 5 куполовъ, подобно Успенскому собору въ Москвѣ, Мижирицко-Троицкой церкви и другимъ зданіямъ тогоже рода. Внутри церкви было четыре колонны и алтарная арка, на нихъ опирался средній большой куполъ и четыре меньшихъ боковыхъ. Алтарная арка, какъ кажется, подраздѣлялась на три части: главную и двѣ боковыя; были ли послѣднія вмѣстилищемъ двухъ иконостасовъ у боковыхъ придѣловъ, или онѣ заложены были стѣнами наглухо, которыя, такимъ образомъ отдѣляли церковь отъ пономарни и ризницы (для послѣднихъ въ зданіи невидно удобнѣйшихъ помѣщеній),—трудно опредѣлить, тѣмъ болѣе, что стѣны, отдѣлявшія боковыя части отъ главнаго алтаря, уже обрушились. Таже участь постигла одну изъ переднихъ колоннъ, поддерживавшихъ сводъ; этого послѣдняго и слѣда нѣтъ, а изъ пяти куполъ—главной нѣтъ, югозападной передней есть только остатки; изъ трехъ остальныхъ имѣются остовы только двухъ, какъ бы для того, чтобы по нимъ можно было заключать о формѣ уже разрушившихся. Окна продолговатыя, вверху закругленныя. Въ сѣверной стѣнѣ они поменьше: надъ ними довольно высоко надъ поверхностію земли, на песчаникѣ, видны остатки высѣченныхъ надписей: надъ *первымъ* сѣверовосточнымъ, начиная съ горняго мѣста, к҃в; ниже строкою ⁂, надъ *другимъ*—initium hujus operis ăno Domini—далѣе слѣдуетъ изображеніе года, но снизу его нельзя разобрать; надъ *третьимъ* в҃л҃ѧ ҁ҃л҃к҃в; надъ *четвертымъ* ăno Domini—опять изображеніе года не ясное. Вѣроятно въ надписи сохранившейся надъ третьимъ окномъ, послѣ ҁ слѣдовала буква ρ; въ такомъ случаѣ вся эта надпись имѣла такой видъ: в҃л҃ѧ ≠ ҁ҃ρ҃к҃в—въ лѣто 7129-е отъ сотворенія міра, соотвѣтствующее 1621 году послѣ Рождества Христова. Значитъ эта надпись сдѣлана не во время основанія церкви, а по случаю какихъ нибудь придѣлокъ при Аннѣ Алоизіи, когда подъ руками могли быть художники, приглашенные для постройки іезуитскаго

Коллегіума (основанъ 1624 года). То была эпоха развитія религіозной Брестской уніи; стремленіе сродить православно-славянское образованіе съ латинопольскимъ; время близкое къ тому, когда изъ окрестныхъ селъ и деревень собирали въ Острогъ крестьянъ въ праздникъ *Божьяго тѣла* (второй четвергъ по Сошествіи Св. Духа) и у богато украшенныхъ и разставленныхъ на открытыхъ мѣстахъ алтарей читали на Славянскомъ языкѣ Евангеліе (1). Тогда могли смѣшивать надписи латинскія съ славянскими, а особенно іезуиты, старавшіеся утвердить латинство въ бывшемъ стольномъ городѣ «свѣтила Православія великаго милостника (любителя) православія въ церкви восточной» (2); тогда уже и князья Острожскіе—послѣдній по мужеской линіи Янушъ (сконч. 1620 г.) и послѣдняя по женской линіи Анна Алоизія (сконч. 1654 г.)—перешли въ католицизмъ. Въ тоже время могли быть вставлены въ стѣну пониже оконъ въ мѣстахъ, соотвѣтствующихъ имъ, камни песчаники съ вырубленными амбразурами. Пушки, очевидно, обращены были жерлами къ площади, примыкавшей ко рву, который отдѣлялъ ее отъ замковой горы, и къ мосту, составлявшему единственно-удобный проходъ въ замокъ.

Дверей въ Богоявленскомъ храмѣ было двое: западныя и южныя; въ нижнихъ частяхъ ихъ стѣны сильно попорчены; потрескались онѣ и въ другихъ мѣстахъ. Въ настоящее время Правительство отпустило порядочную сумму для возстановленія, въ прежнемъ видѣ, этого драгоцѣннаго памятника старины въ югозападномъ краѣ;

---

(1) Кіевлянинъ на 1840 г. Михаиломъ Максимовичемъ ст. 98. Собственно началось это чтеніе послѣ 1636 года. Стебельскій Tom III, Wilno, 1783, Genealogia XX na Ostrogu Ostrogskich.

(2) Такъ называли Константина II Константиновича князя Острожскаго; онъ самъ говоритъ, что современники считали его «начальникомъ Православія. (Окружн. послан. въ 1595 году).

остается только пожелать не только искуснаго, но и добросовѣстнаго исполненія этого предпріятія. Пора намъ перестать быть посмѣшищемъ для иновѣрцевъ въ дѣлѣ возстановленія обветшавшихъ святынь, или постройки новыхъ въ этомъ краѣ. Извѣстно, что многіе изъ храмовъ Божіихъ, недавно построенныхъ, или возобновленныхъ въ Волынской губерніи, не смотря на то, что Правительство израсходовало на тотъ предметъ большія суммы, пали, или близки къ разрушенію. Не мѣшало бы гг. архитекторамъ не забывать, что имена ихъ подвергаются вѣчному поруганію и безславію, если поручаемыя ихъ руководству и наблюденію работы преждевременно разрушаются; и напротивъ съ вѣковымъ существованіемъ ихъ увѣковѣчивается память самихъ строителей. Впрочемъ причина злоупотребленій заключается еще въ способѣ производства публичныхъ работъ; т. е. въ системѣ подрядовъ; а потому лучше всего было бы производить тѣ работы, особенно постройку храмовъ Господнихъ, хозяйственнымъ образомъ, подбирая для строительныхъ комитетовъ людей нетолько знающихъ, но и добросовѣстныхъ.

Находящаяся въ углу возвышенія башня (югозападомъ), очевидно, составляетъ остатокъ прежнихъ замковыхъ; а, можетъ быть и городскихъ укрѣпленій; она походитъ на двѣ другія, такой же самой постройки, башни —одну у Дубенскаго въѣзда въ прежній Острогъ, а другую у Ровенскаго. Гдѣ-то я читалъ, или слыхалъ, что въ замковой башнѣ могла помѣщаться колокольня церкви, о которой только мы говорили; догадка эта невѣроятна, потому что башня эта, пронизанная со всѣхъ сторонъ амбразурами, составляетъ укрѣпленіе, какія строились въ прежнія времена, и нисколько не способна къ удобному помѣщенію колокольни. Колокола могли находиться въ одной или въ двухъ башенькахъ церкви, да и по возобновленіи ея можно устроить колокольню тамъ же. Сопровождавшій меня молодой человѣкъ—полякъ—по народности, замѣтилъ, что эта башня составляетъ собственность землевладѣльца и въ доказательство прибавилъ,

что прежнія городскія укрѣпленія продавалъ онъ на слому, какъ полную собственность. Поэтому, заключилъ этотъ господинъ, и съ настоящею башнею можетъ поступить землевладѣлецъ подобнымъ же образомъ. Не опровергая вполнѣ этого положенія, мы не можемъ не замѣтить, что если эта башня разрушится отъ времени и падетъ, землевладѣлецъ воленъ поступить съ оставшимся матеріаломъ по своему усмотрѣнію; но ускорить какимъ бы то ни было образомъ это разрушеніе никто не въ правѣ, потому что остающіяся въ цѣлости укрѣпленія Острожскія составляютъ, въ настоящее время, еще болѣе собственность исторіи, чѣмъ землевладѣльца.

Приступимъ теперь къ описанію третьяго предмета, занимающаго описываемое возвышеніе; именно самаго замка, по сдѣланному нами выше замѣчанію, на юговостокъ отъ бывшей церкви. Замокъ этотъ пристроенъ къ возвышенію, описываемому нами, такъ, что одною стороною примыкаетъ къ нему, которая поэтому остается глухою; открыта же противоположная ей и отчасти боковыя. Вслѣдствіе того двѣ нижнія части или ярусы зданія остаются теперь и, по всей вѣроятности, всегда оставались погребами: въ нихъ князья Острожскіе, можетъ быть, держали узниковъ; въ новѣйшія времена здѣсь помѣщалась городская тюрьма; теперь же находится здѣсь, какъ мнѣ говорили, винный складъ, а нѣкоторыя части, по увѣренію многихъ, остаются засыпанными землею на глухо. Въ этихъ погребахъ я небылъ: они заперты, а посылать за ключами было неудобно. Верхній этажъ осмотрѣлъ я, равно какъ и часть находящагося подъ нимъ этажа; этотъ послѣдній стоитъ въ уровень съ площадью возвышенія, а на верхній надобно взбираться по лѣстницѣ, пристроенной къ зданію съ боковой, какъ бы югозападной стороны. Канцелярскіе чиновники говорили, что, по преданію, надъ верхнимъ этажемъ былъ еще одинъ этажъ, снятый въ позднѣйшія времена. Зданіе это я помню лѣтъ за сорокъ и больше; знаю старожиловъ, коимъ оно было извѣстно лѣтъ за шестьдесятъ; но никто не помнитъ существованія

этого последняго этажа. Крыша на замкѣ тесовая, состоящая изъ гонты. Мы прежде вошли въ верхній этажъ, по устроенной лѣстницѣ; здѣсь теперь помѣщается уѣздный Судъ съ дворянскою опекою. Въ этомъ этажѣ, въ настоящее время, 8—10 комнатъ: именно родъ коридора, привходъ, съ комнаткою въ сторонѣ для сторожа, передняя, двѣ комнаты для канцеляріи и одна для присутствія уѣзднаго суда—все это занимаетъ югозападную, со входа, правую сторону дома; по лѣвой же одна комната для канцеляріи и двѣ подъ архивомъ. Всмотрѣвшись ближе въ характеръ постройки, нельзя не удивляться страшной толщинѣ стѣнъ, даже на верхнемъ этажѣ. Объемъ внутреннихъ стѣнъ зданія привелъ насъ къ открытію дѣйствительнаго количества комнатъ въ прежнемъ княжескомъ помѣщеніи: между прежними капитальными стѣнами и позднѣйшими простѣнками, деревянными и каменными, была разница; а это-то и послужило аріадниною нитью для нашихъ изысканій. Направо отъ входа, устроеннаго у югозападной стѣны дома, идетъ, какъ бы по направленію отъ юга къ сѣверу, внутренняя, каменная, толстая стѣна; другая также внутренняя проведена, какъ бы отъ югозападной внѣшней къ сѣверовосточной таковой же и перерѣзываетъ первую. По всей вѣроятности, только и было прежнихъ внутреннихъ капитальныхъ стѣнъ и онѣ-то разрѣзывали внутренность дома на четыре части или комнаты: первую, занимающую югозападный уголъ и составлявшую сѣни, вторую сѣверозападную, третью сѣверовосточную и четвертую-юговосточную; изъ этихъ четырехъ частей или комнатъ, по всей вѣроятности, и состоялъ верхній этажъ княжескаго дома. Тотъ же самый выводъ подтвердился, когда мы сошли въ предпослѣдній этажъ тогоже дома. Одна часть его занята архивомъ; вошедши туда мы нашли двѣ комнаты, соотвѣтствующія двумъ верхнимъ, которыя, по нашему предположенію, должны были находиться въ прежнемъ княжескомъ домѣ. Двухъ другихъ комнатъ описываемаго этажа мы не видѣли по той причинѣ, что онѣ заперты и служатъ вмѣсто

амбара, для храненія овса мѣстному содержателю почты. Взобравшись снова на верхній этажъ, мы повторили свои изысканія и прежніе выводы подтвердились. Были мы и на балконѣ, который устроенъ изъ досокъ у одной изъ стѣнъ дома, обращенной къ низменности, орошаемой рѣкою Виліей, и утвержденъ на каменныхъ стѣнахъ и контрафорсахъ, идущихъ отъ самаго основанія дома; видъ отсюда, равно какъ и изъ оконъ всей этой половины дома, на прилежащую болотистую низменность, вдали отороченную опушкою лѣса и, ближе, къ зрителю, наполненную раскинутыми въ безпорядкѣ домами и хижинами восточной, юговосточной и сѣверовосточной частей города и новаго мѣста—прекрасный! Случившійся притомъ канцелярскій чиновникъ замѣтилъ, что настоящаго расположенія комнатъ замка надобно искать въ древнемъ инвентарѣ Константина II-го Константиновича князя Острожскаго (скончался 1608 г.). Этотъ инвентарь удалось ему, канцелярскому чиновнику, видѣть въ тяжебномъ дѣлѣ, которое ведено было около 1838 года Графомъ Илинскимъ и ксендзами Мижиричскаго кляштора, по поводу разрытія первымъ нѣкоторыхъ окоповъ въ мѣстечкѣ Мижиричѣ (Междурѣчіи) и нанесенія тѣмъ самымъ урона какимъ-то интересамъ ксендзовъ. Инвентарь, по словамъ тогоже чиновника, внесенъ въ актовыя книги Луцкаго замка въ 1603 году (1); онъ отосланъ вмѣстѣ съ дѣломъ въ Волынскую Палату Государственныхъ имуществъ, по поводу поступленія монастырскихъ имѣній въ вѣденіе казенное; слѣдовательно инвентарь можно найти или въ Житомірѣ, или въ Кіевѣ въ центральномъ архивѣ, состоящемъ при университетѣ Святаго Владиміра. Этотъ же самый господинъ прибавилъ, что настоящій замокъ князей Острожскихъ расположенъ былъ по всей южной окраинѣ описываемаго возвышенія; а домъ называемый

(1) См. описаніе г. Острога «Пермитейна въ чтеніяхъ Исторіи и друг.; гдѣ планъ и топографія Острога взяты изъ упоминаемаго инвентаря.

теперь замкомъ, имѣвшій еще одинъ этажъ, какъ это замѣчено выше, служилъ только вѣжею настоящаго, т. е. дѣйствительнаго замка; что всѣ укрѣпленія, лежавшія на замковомъ возвышеніи, составляли верхній этажъ; что за замковымъ рвомъ на сѣверъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ домъ, занимаемый уѣзднымъ училищемъ былъ другой замокъ, называвшійся нижнимъ. И дѣйствительно г. Смотритель уѣзднаго училища П. В. Л. отчасти подтвердилъ эти слова, замѣтивъ, что въ цвѣтникѣ, устроенномъ предъ фронтономъ училищнаго дома, открываются слѣды, какъ будто подземныхъ построекъ; дождевая вода, стекающая съ окрестныхъ мѣстъ и уходящая въ цвѣтникѣ во внутренность земли, даетъ поводъ подозрѣвать существованіе въ томъ мѣстѣ большаго погреба (1).

У юговосточнаго угла, занимаемаго училищемъ дома, по словамъ тогоже Смотрителя, образовался было обрывъ, открывшій большой проходъ къ дому Успенской церкви, находящемуся на церковномъ погостѣ, какъ бы на югозападъ отъ храма. Позднѣйшія разысканія подтвердятъ или опровергнутъ переданныя намъ извѣстія на счетъ этихъ открытій; наше же дѣло было передать ихъ всецѣло безъ собственныхъ прибавленій.

Есть преданіе, достойное всякаго вѣроятія, что въ исходѣ прошлаго столѣтія, въ верхнемъ этажѣ замка князей Острожскихъ проживалъ первый епископъ Волынско-Житомірскій Варлаамъ, пока шла починка поіезуитскихъ зданій, опустошенныхъ было пожаромъ и предназначенныхъ для помѣщенія Волынскаго Архіерейскаго дома. Прибавляютъ, что въ одномъ изъ нижнихъ этажей тогоже

(1) О существованіи верхняго и нижняго замка упоминается у Стебельскаго. Tom III, Wilno, 1783, стр. 139, Genealogia XX na Ostrogu Ostrogskych. Также упоминается о замкѣ «окольномъ» или наружномъ въ Острогѣ въ описи документамъ и движимаго имущества, принадлежавшаго Луцк. еписк. Кириллу Терлецкому. (акты, относящ. къ ист. южной и западной Россіи, т. I, грам. 218, стр. 261).

замка стояли экипажи тогоже епископа; а въ нынѣшнемъ столѣтіи тутъ же находилась тюрьма. По этому можно заключать, какимъ перемѣнамъ подвергался этотъ замокъ; притомъ онъ былъ свидѣтелемъ многихъ событій, касавшихся исторіи князей Острожскихъ. Здѣсь, вѣроятно, имѣлъ жительство и отдыхалъ на побѣдныхъ лаврахъ Русскій Сципіонъ и Литовскій Аннибалъ (1) по мужеству и ратному искуству Константинъ 1-й Ивановичъ (сконч. 1533 г.). Здѣсь, можетъ быть, принялъ изъ рукъ Ивана Ѳедорова (2) первую, напечатанную въ г. Острогѣ,

(1) Такъ его называетъ въ своей Genealogii XX na Ostrogu Ostrogskich Игнатій Стебельскій Tom III w Wilnie 1783 стр. 88.

(2) Иванъ Ѳедоровъ, Гостунскій дьяконъ, извѣстный во времена Ивана Грознаго книгопечатникъ Московскій, напечатавшій въ Москвѣ въ 1564 году первую книгу дѣяній Апостольскихъ. Будучи обвиненъ въ ереси, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ сотрудникомъ своимъ Петромъ Мстиславцомъ, въ западную Русь, въ которой радушно былъ принятъ воеводою Кіевскимъ и Литовскимъ гетманомъ Григоріемъ Ходкевичемъ, заведшимъ типографію въ городкѣ *Заблудовѣ*, въ нынѣшней Гродненской губерніи. Отсюда Иванъ Ѳедоровъ перешелъ въ червоную Русь, гдѣ въ Львовѣ началъ заводить въ 1570 году типографію, но скоро вызванъ въ Острогъ, въ коемъ образовалъ новую типографію. Тогдашній князь Острожскій Константинъ II Константиновичъ желалъ напечатать Славянскую библію перевода Кирилла и Меѳодія, но нигдѣ не нашелъ списка ея, исключая Москвы, въ которой испросилъ этотъ списокъ у Ивана Грознаго писарь великаго княжества Литовскаго Михаилъ Гарабурда, неоднократно бывшій посломъ въ Москвѣ. Но, по сличеніи многихъ списковъ Библіи, найдены были разногласія (не только разночтенія, но и развращенія); по общему совѣту сотрудниковъ избранъ былъ въ руководство при исправленіи текста Библіи переводъ 70 толковниковъ. По совершеніи этого важнаго

славянскую библію 1581 года, Константинъ II-й Константиновичъ; здѣсь, по всей вѣроятности, онъ же принималъ бывшаго при немъ Ректоромъ Острожскаго училища Кирилла Лукариса, впослѣдствіи возведеннаго въ санъ патріарха Константинопольскаго; въ этомъ замкѣ, можно предполагать, писалъ тотъ же князь свои протесты противъ уніи и окружныя письма къ православнымъ, стараясь поддержать въ нихъ прадѣдовскій духъ и неизмѣнность православно-христіанскихъ вѣрованій. Здѣсь, по показанію Стебельскаго, происходило похищеніе и принужденный бракъ памятной своими несчастіями, Елисаветы Острожской съ княземъ Димитріемъ Сангушко (1). А Татары, производившіе нападенія на Русскія и Польскія земли, вѣроятно, встрѣчали тутъ самый сильный отпоръ, находили такую крѣпкую твердыню, о которую сокрушалось ихъ оружіе. Вообще это зданіе какъ памятникъ драгоцѣнный для насъ по воспоминаніямъ, не мѣшало бы поддержать для позднѣйшихъ временъ. Если онъ мраченъ и уныль, то не таково-ли наше прошедшее, котораго онъ былъ свидѣтелемъ?!...

2. ДВА ГРОБА ВЪ БЫВШЕМЪ ІЕЗУИТСКОМЪ ОСТРОЖСКОМЪ КОЛЛЕГІУМѢ.

Будучи въ Дерманскомъ монастырѣ и перелистывая книги въ библіотекѣ Настоятеля П. І. мы нашли на чистыхъ листахъ одной изъ нихъ записку бывшаго Насто-

---

предпріятія, Иванъ Ѳедоровъ, на первый разъ, представилъ князю новый завѣтъ и Псалтирь въ 1580 году (въ осьмушку); за тѣмъ въ томъ же году и полную Славянскую библію; Библія же напечатанная въ 1581 году составляетъ второе изданіе. Наконецъ знаменитый «друкарь Москвитинъ» возвратился во Львовъ, въ которомъ и скончался въ 1583 году (Письма о князьяхъ Острожскихъ; Кіевъ 1866, стр 35—39).

(1) Genealogia XX na Ostrogu Ostrogskich Tom III, стр. 95.

ятеля Свято-Михайловской, что въ мѣстечкѣ Аннополѣ Острожскаго уѣзда, церкви Протоіерея Аврамія Яворскаго, теперь уже покойнаго. Сообщаемъ эту записку измѣнивъ нѣсколько языкъ подлинника въ томъ убѣжденіи, что онъ характеризуетъ въ извѣстномъ отношеніи личность автора, но не время и описываемое событіе, и что, бывъ оставленнымъ въ прежнемъ видѣ, оказался бы тяжелымъ въ чтеніи. Во всякомъ случаѣ основный смыслъ первоначальнаго текста оставленъ неизмѣннымъ.

Князь Янушъ Острогскій, Кастеланъ Краковскій, Староста Бухарскій (1) Черкаскій, Владимірскій, Бѣлоцерковскій, Переяславскій, Каневскій, родился 1555, умеръ 1620 г, спустя два года послѣ повторепнаго въ пятый разъ акта ординаціи имѣній Острогскихъ, сентября 7-го дня. Послѣ него осталось: городовъ и мѣстечекъ 80, селъ 2,760, червоныхъ злотыхъ 600,000, чеканенныхъ талеровъ (твердыхъ) 400,000, разной монеты 2,900,000, серебра въ сломкахъ 30 закупоренныхъ бочекъ, въ окладахъ, драгоцѣнностяхъ, дорогихъ обояхъ, столовомъ серебрѣ 400,000, упряжныхъ лошадей (wozni-kow) цуговъ 60, верховыхъ 700, клячей старыхъ матокъ (maciorek) 4000, прочаго скота и овецъ безъ числа. Таковую вѣдомость подалъ посполитой рѣчи Тризна, котораго нарочно для того командировали. Прочее наслѣдственное неординатское имѣніе получила княжна Анна (Алоизія) Острогская, оставшаяся вдовою по смерти Ходкевича, отступившая, подобно Янушу, отъ Православія и умершая въ латинской вѣрѣ іезуиткою. И на этихъ-то двухъ отродьихъ погибло имя и родъ славныхъ князей Острожскихъ! Страшное наказаніе за вѣроотступничество! Если бы княжна сія вышла замужъ за королевича Владислава, искавшаго въ числѣ другихъ ея обожателей по смерти Ходкевича, руки ея быть можетъ, Богъ благословилъ бы ее дѣтьми и племя Св. Владиміра, навѣрно, возсѣло бы

(1) Очевидно, это описка въ копіи или подлинникѣ, за то не ручаемся.

на тронѣ Ягеллоновъ (родоначальницею коего была княжна Тверская Іуліанія, отъ супружества которой съ Ольгердомъ родился Ягелло, до отступничества, ради Ядвиги, называвшійся Яковомъ въ Православіи). Но Анна, предавшись вполнѣ волѣ непримиримыхъ враговъ православія іезуитовъ, погубила себя и огромныя Острогскія имѣнія. Измѣнивъ вѣрѣ предковъ и тѣмъ самимъ заслуживъ ненависть своихъ подданныхъ, коихъ обращала насильно въ латинство, преслѣдуемая мстительными за вѣроотреніе казаками, Анна Алоизія не могла оставаться спокойною и въ наслѣдственномъ своемъ достояніи; — поэтому, опасаясь хищныхъ, не на шутку, казацкихъ рукъ, она скиталась по великопольскимъ городамъ, предоставляя изувѣрнымъ, хотя и умнымъ, чадамъ Лойолы торжествовать на руинахъ Православія въ Острогскомъ новоустроенномъ и украшенномъ ими коллегіумѣ, и только по смерти своей была привезена въ Острогъ.

Я видѣлъ ея останки по слѣдующему случаю. Преосвященный Стефанъ, епископъ Волынскій, въ Острожскомъ поіезуитскомъ зданіи, обращенномъ въ православный монастырь (уже обобранномъ отъ сокровищъ своихъ, прежде самыми іезуитами при изгнаніи ихъ въ 1773 году, потомъ базиліанами), заблагоразсудилъ устроить для ранней службы Божіей, по православному обычаю, придѣлъ къ бывшей іезуитской ризницы (sacristia) около 1815 года. Когда представилась необходимость, для этого пробило въ ризничной стѣнѣ три продома: для царскихъ вратъ, сѣверныхъ и южныхъ дверей иконостаса, то при взломѣ стѣны нежиданно показались два задѣланныя въ ней гроба, величиною въ средній ростъ человѣческій, выкованные изъ желтой мѣди, изрядной работы. Оба гроба стояли на землѣ и покрыты были изъ тогоже матеріала крышками, подобно ящикамъ. Оба были внутри и снаружи весьма хорошо вылужены особенно внутри и казались, какъ бы новыми; снаружи же на бѣломъ полѣ выбиты были цвѣтки въ разводы, блѣдно-зеленаго цвѣта (на подобіе рытаго плиса). Но во время нахожденія въ каменной

стѣнѣ, листки цвѣтовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ протерлись и сквозь полуду видна была желтая мѣдь. По вскрытіи перваго гроба, по истлѣвшему на костяхъ убору, всѣ признали, что то была Анна (Aloizia): портретъ ея еще висѣлъ на правой стѣнѣ высоко, въ позолоченной овальной рамѣ, надъ гробницею чернаго мрамора, выдавшеюся на половину изъ каменной стѣны, гдѣ, какъ полагали, находилось тѣло ея. Но открытіе гробовъ въ ризничной стѣнѣ показало, что это мнѣніе было ошибочное. Когда разнеслась объ открытіи молва, то множество народа обоихъ вѣроисповѣданій (православнаго и унитско-католическаго) сбѣжалось въ монастырь, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго чина, не только изъ города, но и окрестныхъ селеній. На портретѣ Анна изображена не тою красавицею, какою она была въ молодыхъ лѣтахъ, когда за нею ухаживали гетманъ, князья и королевичъ, а въ зрѣломъ возрастѣ съ чорными глазами и бровями, съ круглымъ, полнымъ ничего особеннаго не выражающимъ лицемъ, въ одѣяніи католической монахини, въ какое облекли ее поклонники Лойолы, которое она обыкновенно нашивала и въ которомъ во гробъ положена, въ шапочкѣ, опушенной соболемъ и съ крестикомъ на груди. По прикосновеніи къ одеждѣ, въ перстахъ оставался только прахъ, черепъ съ зубами покрывала истлѣвшая шапочка, тѣло осунулось и истлѣло. Грудная кость была покрыта сплетенною изъ волосъ сѣткою съ узлами, еще довольно крѣпкою, на коей лежалъ металическій крестикъ, какъ изображено на портретѣ. Что же касается другаго гроба, то, открывъ его, увидѣли только одне отвалившіяся отъ остова съ черепомъ кости, одежду же съ тѣломъ истлѣвшими. И какъ ни на одномъ гробѣ не было надписи, то о находящихся костяхъ въ другой гробницѣ мнѣнія были различны: одни говорили, что это былъ отецъ фундаторки конвента, другіе, что братъ ея, или родственникъ; были и такіе, кои утверждали, что это знакомецъ ея, или іезуитъ. На третій день Преосвященный Стефанъ велѣлъ поставить оба гроба въ склепъ, въ коморкѣ, по лѣвой сторонѣ большой залы,

подъ церковью. Чрезъ два, или три мѣсяца послѣ того, прибывъ въ Острогъ, узналъ я, что новобрачная княгиня Заславская съ мужемъ своимъ сенаторовичемъ (1) Островскимъ и графомъ Ходкевичемъ испросили у епископа позволеніе видѣть гробы, и склепъ открытъ; въ то время, присоединившись къ незначительному числу людей, пошелъ и я по отдѣленіямъ склепа и видѣлъ множество гробовъ съ костями людей свѣтскихъ, и іезуитовъ, и базиліанъ, и одного бывшаго настоятелемъ Острогскаго монастыря архимандрита Авдія, переведеннаго изъ Курской Коренной пустыни. Большой залъ находящійся подъ церковью, свѣтелъ, но штукатурка вся осыпалась; въ каморку же надобно входить со свѣчами. Графъ Ходкевичъ, замѣтивъ, что въ другомъ гробѣ лежитъ предокъ его, знаменитый гетманъ Ходкевичъ (2) взялъ, съ дозволенія епископа, сердце гетмана, въ каморкѣ стоявшее въ сосудѣ, похожемъ на чашу (урну) и повезъ его съ собою въ фамильный склепъ графовъ Ходкевичей. Вышедши изъ склепа, я еще разъ взглянулъ на портретъ знаменитаго гетмана, висѣвшій около фундаторки на стѣнѣ. Хотинскій герой изображенъ въ латахъ, смотрящимъ въ сторону голубыми своими глазами, съ булавою въ рукѣ, съ бритою бородою и головою, но не съ запорожскимъ оселедцемъ, а съ ляшскою, черною, наполовину сѣдою чуприною. Онъ глядѣлъ марсомъ; впрочемъ въ этомъ взорѣ ничего небыло отвратительнаго, а мужественная пріятность, хотя лобъ морщиноватъ, а сѣдоватая чуприна нѣсколько поднялась вверхъ».

«Теперь, когда послѣдній пожаръ 1820 года опустошилъ до конца, какъ внутри, такъ и снаружи, зданіе Острожскаго монастыря, когда оно епископомъ, консисторіею и семинаріею оставлено и передано въ завѣдываніе

(1) У поляковъ обычай: называть воеводы сына воеводичемъ, сенатора—сенаторовичемъ и т. д.

(2) Мужъ фундаторки Анны или Галшки Острожской былъ воевода Виленскій Карлъ Ходкевичъ.

городской полиціи,—приходитъ оно со дня на день въ большее и большее разрушеніе. Солдаты живутъ въ каменныхъ стѣнахъ, если онѣ представляютъ убѣжище, удобное для помѣщенія; говорятъ, что обѣ гробницы похищены изъ склепа и кости выброшены изъ нихъ на землю».

«Итакъ фундаторка, въ стольномъ отцевъ своихъ градѣ, въ каменномъ. стоившемъ милліоновъ, зданіи, въ которомъ столько зла причинено православнымъ составленіемъ плановъ объ уничтоженіи, или обращеніи въ римскіе костелы Острожскихъ каменныхъ православныхъ церквей, пролежала въ основанномъ ею Острожскомъ коллегіумѣ только полтораста съ небольшимъ лѣтъ, напослѣдокъ бренными остатками увеличила массу человѣческихъ костей, раскиданныхъ по всему земному шару. Произошло по писанію: «разсыпа Богъ кости человѣкоугодниковъ». Напротивъ того, останки знаменитыхъ предковъ ея: Константина Ивановича, Св. Ѳеодора—князей Острожскихъ, Ярослава и Св. Владиміра родоначальниковъ русскихъ князей, не смотря на плачевное состояніе храмовъ Божіихъ и многолѣтнее ихъ запустѣніе послѣ погрома татарскаго,—благочестно почиваютъ и благоговѣйно чествуются до нынѣ въ Кіево-печерской Лаврѣ и старо-Кіевскомъ Софійскомъ Соборѣ. «Хранитъ «Господь вся кости праведныхъ и ни едина отъ нихъ «сокрушится». Послѣ всего этого станемъ ли поносить память Януша и фундаторку Острогскаго іезуитскаго конвента по смерти ихъ?—Да не будетъ! Лучше вознесемъ наши сердечныя молитвы къ Господу Богу, да отпуститъ имъ согрѣшенія ихъ!—А виновникамъ всего зла, вреднымъ для рода человѣческаго іезуитамъ да возластъ достойно по дѣламъ ихъ!—1845 года, Января 31 дня».

Аннопольскій Протоіерей *Яворскій*.

3. МѢСТЕЧКО МЕЖИРИЧЪ

Острожскаго уѣзда.

Съ замковаго Острожскаго возвышенія представляется глазамъ чудная панорама: съ юга у ногъ вашихъ разстилаются обширные луга, по которымъ протекаетъ рѣка Вилія; вдали на право, луга эти примыкаютъ къ скатамъ плоскаго возвышенія, по которому раскинуты хижины *Бельмажа* (belle image, красивая картина); прямо предъ вами окаймляющія эти луга съ югозапада и юговостока; *мѣстечко Межиричъ* съ его кляшторомъ, бывшею нѣкогда *православною Троицкою церковью*, воздвигнутою однимъ изъ князей Острожскихъ; *колонія нѣмецкая*, такъ поразительно отдѣляющаяся отъ другихъ поселеній правильнымъ рядомъ своихъ усадебъ; *новое мѣсто съ Воскресенскою церковью*, которую вѣнчаютъ три зеленые купола, — и съ востока *часть города Острога*, лежащая по сю сторону Виліи. Вдали кругозоръ оканчивается опушкою хвойнаго лѣса, который простирается на значительное пространство, на югозападъ, по дорогѣ въ Кременецъ, югъ,— по направленію къ Заславлю и востокъ, по направленію въ Корецъ и Новоградволынскъ.

Спустимся по первому направленію — по дорогѣ въ Кременецъ. На лѣво предъ выѣздомъ изъ города, увидимъ одноглавую деревянную *Пятницкую церковь*. Не смотря на простоту архитектуры и не слишкомъ роскошный видъ она возбуждаетъ въ умѣ истинно-русскаго драгоцѣнныя воспоминанія: здѣсь въ 20 годахъ текущаго столѣтія Императоръ Александръ Благословенный, во время бытности въ Острогѣ слушалъ обѣдню, которую совершалъ, имѣвшій свою каѳедру въ этомъ городѣ, епископъ Волынско-Житомірскій Стефанъ.

Спустившись съ возвышенія, по которому расположенъ городъ, придется намъ проѣзжать по берегамъ луга, о которомъ мы выше говорили, у подошвы плоской возвышенности, прежде чрезъ выдавшуюся впередъ улицу города, потомъ — деревню Бельмажь, наконецъ — о бокъ

усадебъ, принадлежащихъ мѣстечку Межиричу. Проѣхавъ 34 версты чрезъ почти-сплошное населеніе и переправившись чрезъ глубокій Межиричскій прудъ по проложенной плотинѣ, мы увидимъ себя въ Межиричѣ. Тутъ на нѣкоторое время остановимся.

Межиричъ можно назвать предмѣстіемъ г. Острога. Названіе свое Межиричъ—междурѣчье очевидно получилъ отъ того, что находится между довольно большими водами. Въ немъ князь Иванъ Василіевичъ Острожскій во второй половинѣ XV вѣка, построилъ Свято-Троицкую каменную (1) церковь видомъ похожую на храмъ Богоявленія, воздвигнутый въ Острогѣ отцемъ его Василіемъ Ѳеодоровичемъ (1450 или 1453); послѣдній потомокъ по мужеской линіи князей Острожскихъ Янушъ, перешедши въ католицизмъ и будучи ревнителемъ этого вѣроисповѣданія, передалъ Свято-Троицкую Межиричскую церковь францишканцамъ, построилъ при ней жилый корпусъ и обратилъ въ кляшторъ, существующій по нынѣ. Вслѣдствіе того храмъ, основанный благочестивымъ княземъ, предназначенный для православія и построенный во вкусѣ чисто византійскомъ, находился долгое время въ рукахъ монаховъ иноземнаго исповѣданія (2).

Снаружи онъ совершенно походитъ на церковь Богоявленскую въ Острогѣ: четыре главы по сторонамъ, пятая большая—посреди храма; на одномъ изъ его куполовъ, или на колокольнѣ крестъ совершенно такой же, какъ на Хоровской колокольни, который взятъ съ Богоявленскаго Острожскаго храма. Межиричскій храмъ построенъ на востокъ по обычаю древне-православному; внутри четыре толстыхъ столба поддерживаютъ главный

(1) Можно о томъ прочитать у Стебельскаго: Zywoty ss. Ewtrozyny i Parascenzy genealogia XX na Ostrogu Ostrogskich chronologia 1783 Wilno.

(2) Теперь Межиричскій храмъ возвращенъ православному духовенству и желательно, чтобы этотъ памятникъ XV вѣка сохраненъ былъ до позднѣйшихъ временъ.

церковный куполъ; алтарная часть построена въ формѣ трехъ выступовъ, — все также, какъ и въ Острогѣ, въ бывшей церкви Богоявленія. Правда изъ четырехъ столбовъ къ двумъ переднимъ придѣланы хоры и, вслѣдствіе того, самые столбы соединены перетяжками со стѣнами; но эта позднѣйшая пристройка съ перваго разу видна и какъ-бы отдѣляется отъ древней постройки. Башни въ укрѣпленіяхъ бывшаго монастыря совершенно цѣлыя и напоминаютъ архитектурою своею Острожскія, которыя теперь въ полуразвалившемся состояніи. Бывшій монастырь окруженъ каменными высокими стѣнами и былъ окопанъ рвами, коихъ слѣды видны и теперь. Кромѣ этихъ укрѣпленій вокругъ мѣстечка воздвигнуты другія въ большемъ размѣрѣ, въ окружности коихъ заключены монастырскія, составляющія часть ихъ, какъ бы кремль. Межиричскія укрѣпленія состоятъ изъ глубокихъ, широкихъ рвовъ и высокой насыпи или вала, по угламъ послѣдняго есть выступы какъ бы для угловыхъ башенъ. Жители, какъ разсказывалъ намъ священникъ, находятъ здѣсь пули; что даетъ поводъ подозрѣвать, что валовыя укрѣпленія мѣстечка воздвигнуты въ позднѣйшія времена.

Изъ Межирича, слѣдуя по Кременецкой дорогѣ вы находите себя въ сосновомъ лѣсѣ — скучномъ и однообразномъ, въ добавокъ къ тому и дорога песчаная, ухабистая; только частыя поселенія нѣсколько разнообразятъ ваше путешествіе. Вотъ наконецъ мы въ м. *Куневѣ*, лежащемъ въ болотистой низменности, среди песковъ и хвойнаго лѣса, грязномъ и бѣдномъ. Только не давно выстроенный каменный костелъ нѣсколько ослабляетъ дурное впечатлѣніе, производимое унылою мѣстностію; что же касается православной церкви, то она помѣщается въ зданіи деревяномъ, ветхомъ, въ сторонѣ отъ большой дороги, на одной изъ самыхъ грязныхъ, невидныхъ улицъ; внутри имѣетъ утварь бѣдную, старинную. Мѣстечко Куневъ казенное, и мы удивляемся какъ неудосужились до сихъ поръ построить здѣсь приличную и на болѣе удобномъ мѣстѣ православную церковь.

Поворотимъ изъ Кременецкой дороги на право въ сторону и проѣхавъ нѣсколько верстъ, достигнемъ села *Новомалина*. По разсказамъ туземцевъ оно нѣкогда называлось *Глуховомъ* или *Глухомъ*, отъ слова глушь. Названіе это носилъ въ прежнее давнее время Новомалинъ по причинѣ большихъ, окружавшихъ его лѣсовъ; и въ актахъ относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи дѣйствительно встрѣчается названіе *Глуха* (1), хотя тамъ оно принадлежитъ мѣсту, коего положеніе съ точностію опредѣлить невозможно. Обративъ однакожъ вниманіе на то, что оно должно было находиться въ смежности съ владѣніями князей Острожскихъ, можемъ его принять за прежнее названіе Новомалина, тѣмъ болѣе, что не находимъ вблизи другаго съ подобнымъ именемъ пункта и что наше признаніе совпадаетъ съ мѣстнымъ преданіемъ. Въ Глухѣ или позднѣйшемъ Новомалинѣ, существовалъ нѣкогда замокъ, обращенный теперь во дворецъ землевладѣльца. Замокъ этотъ окруженъ былъ водами пруда съ трехъ сторонъ, а съ четвертой отдѣлялся отъ матерой земли ровомъ, слѣды коего видны и теперь; чрезъ этотъ ровъ перекинутъ каменный мостъ, бывшій можетъ быть подъемнымъ. Основаніе замка приписываютъ Свидригайлу, который, какъ гласитъ мѣстное повѣрье, пріѣзжалъ въ лѣса, окружавшія Глуховъ, для охоты (2). Этотъ замокъ и имѣніе, ему принадлежавшее,

(1) Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи. Томъ I. СПБургъ, 1863 стр. 261, грам. 218.

(2) Изъ исторіи намъ извѣстно, что Свидригайло былъ сыномъ великаго князя Литовскаго Ольгерда и русской княжны Іуліаніи; родился 1355 года, по смерти матери овладѣлъ Витебскомъ, который былъ отнятъ Витовтомъ, плѣнившимъ Свидригайлу и выдавшимъ его королю Ягайлу въ 1395 году. Впослѣдствіи Свидригайло отъ Витовта получилъ въ удѣлъ Новгородъ Сѣверскъ, Брянскъ и Стародубъ; но въ 1408 году бѣжалъ изъ своихъ владѣній въ Москву и подущалъ великаго князя Московскаго Ва-

впослѣдствіи перешли въ руки Малинскихъ, переименовавшихъ его въ Новомалинъ, для отличія отъ Малина, который и теперь есть въ Дубенскомъ уѣздѣ. Отъ Малинскихъ имѣніе это перешло въ руки нынѣшнихъ владѣльцевъ Сосновскихъ.

силія Димитріевича къ войнѣ съ тестемъ. Вѣроятно, вслѣдствіе неудовольствія къ Василію, послѣ примиренія его съ Витовтомъ, Свидригайло оставилъ Москву и возвратился въ Литву, опустошивъ по дорогѣ многіе города Восточной Руси. Вскорѣ послѣ того Витовтъ успѣлъ плѣнить Свидригайло и посадилъ въ заключеніе въ Кременецкомъ замкѣ; но Руссы, преданные Свидригайлу за его расположеніе къ православію и русской народности, подъ предводительствомъ Ѳеодора князя Острожскаго, освободили узника изъ подъ стражи. По смерти Витовта, скончавшагося въ 1430 году, Свидригайло занималъ великокняжескій Литовско-Русскій столъ, но свергнутъ Сигизмундомъ, который, въ свою очередь, убитъ князьями Чарторыйскими. Тогда великокняжескій Литовско русскій столъ занятъ былъ Казиміромъ Ягеллоновичемъ; а въ рукахъ Свидригайла оставался одинъ Луцкъ съ своимъ удѣломъ до смерти его, постигшей въ 1452 году. Какимъ образомъ Свидригайло, находясь подъ стражею въ Кременецкомъ замкѣ, могъ посѣщать лѣса, бывшіе въ округѣ Глуха, для охоты, какъ говоритъ народное преданіе, это для насъ непонятно. Скорѣе можно допустить, что Свидригайло, по освобожденіи своемъ изъ заключенія Ѳеодоромъ княземъ Острожскимъ, проживалъ нѣкоторое время подъ защитою находившагося вблизи Ѳеодора; или построилъ замокъ въ Глухѣ, занимая великокняжескій Литовско-Русскій престолъ; или же будучи Луцкимъ удѣльнымъ владѣтелемъ, тѣмъ болѣе, что въ составъ этого удѣла могъ входить и Глухъ съ своими лѣсами. (Смотр.. истор. Россійск. Государства Карамзина томъ V; также Акты, относящ. къ исторіи Южной и Западной Россіи т. I, грам. 218, и справочн. Энциклопед. словарь Старчевскаго, томъ IX).

Во дворцѣ землевладѣльца есть весьма замѣчательный предметъ—*это чаша, изъ которой, по преданію, пріобщался святой Владиміръ.* Уполномоченный владѣльца передалъ намъ исторію этой чаши въ слѣдующемъ очеркѣ. Чаша эта прежде находилась въ рукахъ князей Четвертинскихъ, родоначальникомъ коихъ считаютъ великаго князя Кіевскаго Святополка-Михаила (1093—1113). Изъ фамиліи Четвертинскихъ происходили два весьма замѣчательныхъ Іерарха православной церкви: *Гедеонъ-Святополкъ князь Четвертинскій, прежде епископъ Луцкій и Острожскій* съ 1657—1685, и съ этого послѣдняго года по 1690 Митрополитъ Кіевскій, и *Сильвестръ Четвертинскій епископъ Бѣлорусскій.* Съ фамиліей Четвертинскихъ породнились владѣвшіе Новомалиномъ Сосновскіе; тогда родственныя фамиліи Четвертинскихъ и Сосновскихъ раздѣлили между собою драгоцѣнный памятникъ, составлявшій фамильную собственность: на долю Сосновскихъ выпалъ колпакъ, или внѣшняя оболочка чаши (calix); а подножіе, привинчивавшееся къ нему, какъ можно судить по отверстію во днѣ колпака, вѣроятно, осталось у Четвертинскихъ вмѣстѣ съ внутреннею стороною чаши, состоявшею изъ чистаго золота. Уполномоченный владѣльца (уже умершій г. Бартницкій) говорилъ намъ, что въ архивѣ, хранящемся во дворцѣ, богатомъ разными письменными памятниками, есть описаніе поминаемой чаши; но кѣмъ оно составлено и когда—неизвѣстно. По одному этому отзыву уполномоченнаго нельзя оцѣнить степень достовѣрности самаго письменнаго акта, о которомъ здѣсь говорится, а слѣдовательно и подлинность историческаго памятника. Намъ показывали этотъ колпакъ; онъ серебряный, внутри почернѣвшій вслѣдствіе окиси металла; снаружи усаженъ гранатами величиною въ гороховое зерно, между которыми изрѣдка проглядываютъ сѣровато-бѣленькіе, похожіе видомъ на жемчугъ, горошины, состоящіе изъ неизвѣстной массы. Гранаты расположены въ четырнадцати правильныхъ рядахъ, начиная отъ основанія до вѣнчика колпака; но нѣкоторые камешки затерялись. Въ

окружности мѣста, гдѣ привинчивалось подножіе колпака, насажено шестнадцать гранатовъ, а у края чаши, гдѣ касаются устами, двадцать семь. Края эти обнимаютъ въ діаметрѣ ровно два вершка, а глубина имѣетъ около двухъ. Хотя нельзя доказать критически подлинность этого остатка старины, а тѣмъ менѣе достовѣрность преданія, что изъ этой чаши пріобщался св. Владиміръ; но съ другой стороны, нѣтъ достаточныхъ причинъ подозрѣвать тутъ подлогъ. Если бы этотъ колпакъ находился въ православной церкви, частномъ русскомъ домѣ, даже костелѣ, можно было бы предполагать поддѣлку; но въ домѣ иностранца—по народности, латинянина—по религіи и, нужно прибавить, художника—по призванію (1),—кому придетъ охота заниматься поддѣлкою такого предмета, который имѣетъ интересъ для одной православной церкви и составляетъ принадлежность Русской исторіи?—Съ этой поддѣлкой не можетъ быть соединено никакой корысти; а подобной шалостью могутъ заняться дѣти, но не въ зрѣломъ возрастѣ люди. При томъ только такимъ путемъ, т. е., чрезъ посредство князей Четвертинскихъ, ведущихъ родъ свой отъ древней княжеской фамиліи, имѣвшей удѣлы на Волыни, могъ подобнаго рода памятникъ остаться въ нашемъ краѣ и дойти до временъ позднѣйшихъ. Въ подлинности его лучше всего можно было бы удостовѣриться, прочитавъ описаніе, хранящееся въ Новомалинскомъ архивѣ, если въ немъ дѣйствительно находится оно. Но мы два раза были во дворцѣ г. Сосновскаго, входили въ сношеніе съ двумя уполномоченными его, изъ коихъ одинъ уже умеръ, и на всѣ просьбы открыть доступъ въ архивъ, встрѣчали отказъ. Причиною тому представляли разстройство архива, а также и то, что онъ опечатанъ собственноручно владѣльцемъ предъ отъѣздомъ за границу. Но развѣ можно сокрывать предъ наукой какой нибудь историческій фактъ? Не есть ли это своего рода

(1) Г. Сосновскій, говорятъ, занимается скульптурою и проживаетъ обыкновенно въ Римѣ.

святотатство, вандализмъ, недостойный нашего образованнаго вѣка? Между тѣмъ въ югозападномъ русскомъ краѣ польскіе владѣльцы ни зачто не откроютъ русскому дверей въ свой фамильный архивъ. И неужели это логично и справедливо сокрывать историческія данныя, потому только, что они говорятъ не въ пользу нашей исторіи и противорѣчатъ нашимъ народнымъ интересамъ? Развѣ истинная наука не въ состояніи отдѣлить вопросовъ религіозныхъ, національныхъ, историческихъ, поставить каждый на своемъ мѣстѣ и воздать каждому надлежащую цѣну? Странное и не извинительное ослѣпленіе!.

Изъ Новомалина въ Дермань двѣ дороги: ближняя и дальняя. Первая идетъ чрезъ плоскую возвышенность, лежащую между этими двумя селами, или, по мѣстному выраженію, чрезъ гору. Считаютъ по ней 10 верстъ пространства; частію проходитъ она густымъ лѣсомъ, а частію пахатными полями. По выѣздѣ изъ Новомалина тотчасъ взбираетесь на возвышеніе,—начинается лиственный лѣсъ, прежде рѣдкій, а потомъ большой густой. Дорога такъ извилиста, узка и ухабиста, что скорая ѣзда въ двухконномъ маленькомъ экипажѣ трудна, а въ темную осеннюю ночь и въ ненастное время можно считать невозможною. При томъ на этой возвышенности, покрытой густымъ лѣсомъ, по сторонамъ дороги, глубокіе овраги и трущобы, въ нихъ, по всей вѣроятности, водятся волки, стало быть проѣздъ въ ночное время здѣсь небезопасенъ.

По дальней дорогѣ по выѣздѣ изъ Новомалина, нужно поворотить на лѣво, послѣ чего дорога входитъ въ лощину, тянущуюся на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ: представьте себѣ двѣ параллельныя цѣпи горъ, которыя будутъ идти довольно далеко, посреди нихъ течетъ ручей, по обѣ стороны коего, находятся луга. У подошвы правой возвышенности, которая, равно какъ и ея покатости, покрыта лѣсомъ и по коей изъ Новомалина въ Дермань проложена прямая дорога, идетъ вамъ путь до самой Бущи. Вы чуть что выбрались изъ песчаной, покрытой хвойнымъ лѣсомъ, и отчасти болотистой низменности,

однообразіе которой и унылый видъ наводили на васъ скуку и возбуждали нерасположеніе духа; теперь вы переѣхали въ другую сферу—въ мѣстность гористую, торжественный и серіозный видъ которой можетъ поразить каждаго и произвести въ душѣ сильныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ неудобообъяснимыя впечатлѣнія. Эта замкнутость кругозора, съ обѣихъ сторонъ сдавливаемаго высокими горными кряжами, этотъ легкій туманъ, прикрывающій сѣроватою пеленою зелень кустарниковъ, лугъ и лежащее впереди васъ пространство, наконецъ этотъ глухой гулъ, свойственный гористымъ мѣстностямъ, владѣющимъ способностію воспроизводить раздающіеся въ нихъ звуки, могутъ породить въ вашей душѣ особенныя чувства, возвысить васъ надъ самимъ собою, возбудить восторгъ—неизъяснимый для другихъ, знакомый только тому, кто его испытываетъ! Но вотъ и село Буща, растянувшееся на право отъ вашей дороги у подошвы возвышенности, покрытой лѣсомъ и въ оврагѣ, глубоко врѣзавшемся во внутренность ея. Высокія горы, тоже поросшія деревьями, ограждающія этотъ оврагъ и на одной изъ нихъ три воздвигнутые креста—символъ нашего избавленія—даютъ новую пищу вашему воображенію! Вотъ вы проѣзжаете этотъ оврагъ, взбираетесь на возвышенность, слѣдуете нѣкоторое время по поверхности ея. Наконецъ въ Дерманѣ, поселеніи, хотя называемомъ селомъ, но весьма замѣчательномъ своими особенностями, заслуживающими особаго изученія и описанія.

СЕЛО ДЕРМАНЬ

(Дубенскаго Уѣзда).

Село Дерманъ принадлежитъ Дубенскому уѣзду, хотя лежитъ ближе къ уѣздному городу Острогу, чѣмъ къ Дубну, отъ перваго находится въ 22-хъ верстахъ, а отъ послѣдняго будетъ около 40 по ближайшимъ дорогамъ.

Село Дерманъ занимаетъ довольно значительную часть мѣстности, по коей простираются Дерманскія горы. За

широкою песчаною ложбиною, лежащею по обѣ стороны рѣки Иквы, между городами Кременцемъ и Дубно, не далеко разрѣза, прерывающаго Кременецкія горы, начинаются гористыя мѣстности, состоящія изъ каменныхъ породъ: налѣво отъ р. Иквы онѣ носятъ названіе *Дубенскихъ садовъ*, а на право—*Дерманскихъ горъ*. Эти послѣднія обнимаютъ значительное пространство, на коемъ раскинуты села съ полями и другими угодіями: Листвинъ, Куницъ, м. Мизочь и другія; Дерманъ занимаетъ сѣверо-восточную часть сего протяженія. Село это, расположенное по отлогостямъ Дерманскихъ горъ, представляетъ, какъ бы, собраніе хуторовъ, раскинутыхъ на довольно большомъ пространствѣ; хутора эти скромно и будто боязливо выглядываютъ изъ за тѣни фруктовыхъ садовъ, среди которыхъ расположены. Посреди села находится православный, первоклассный мужескій Острожско-Дерманскій монастырь, приходская церковь и кладбищенская церковь, потому что кладбище помѣщено не далеко отъ монастыря и приходской церкви, на одной изъ высокихъ горъ. На югъ отъ монастыря, по направленію отъ запада къ востоку, лежитъ широкій и длинный оврагъ, чрезъ который теперь протекаетъ незначительный ручей. Но прежде, даже въ настоящемъ столѣтіи, оврагъ этотъ служилъ вмѣстилищемъ глубокаго и обильнаго рыбою пруда, который назвали *мнихъ* (mnich—монахъ). Это названіе приводитъ насъ къ предположенію, что прудъ мнихъ устроенъ былъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія, когда унія стала усиливать себѣ польскую культуру и оставила южно-русскій языкъ, замѣнивъ его польскою рѣчью, или прудъ прежде носилъ другое названіе; а можетъ быть подобно другимъ прудамъ, не имѣлъ собственнаго имени. Въ сѣверной части тогоже села, на отлогостяхъ возвышенія, построено палаццо княгини Любомирской, отдѣланное только вчернѣ; въ южной и частію западной—сплошныя возвышенности, по коимъ лежатъ тамъ и сямъ крестьянскія усадьбы; и только на востокъ отъ монастыря эти усадьбы гуще, да у палаццо княгини Любомирской сгруп-

пировались какъ будто чаще, чѣмъ въ другихъ частяхъ села. Взобравшись на возвышенности по дорогамъ въ Новомалинъ, Бущу, Бударажъ, Кушинъ, вы видите овраги и долины; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ возвышенности, такъ и углубленія между ними покрыты сплошными и въ другихъ отдѣльными рощами. Вслѣдствіе такого расположенія Дермань весною и лѣтомъ представляется зеленѣющимся садомъ, усѣяннымъ скромными бѣленькими хижинами до сѣровато-пестрыми, помѣщенными возлѣ нихъ ригами (клунями) и сараями. «Посреди садовъ своихъ вы живете, какъ въ раю» замѣчали мы Дерманскимъ жителямъ; и они, скромно улыбаясь, умиленнымъ видомъ, какъбы подтверждали основательность замѣчанія. Какое множество фруктовъ здѣсь бываетъ лѣтомъ! Намъ, не шутя говорили мѣстные жители, что вишень и особенно черешень не успѣваютъ собирать съ деревьевъ, потому что издержки на сборъ не оплатились бы доходомъ, выручаемымъ отъ продажи; а для домашняго обихода было бы ихъ слишкомъ много. Кромѣ того въ Дермани добывается превосходный известнякъ, который пережигается въ известь, какъ кажется для одного домашняго употребленія; по крайней мѣрѣ намъ неизвѣстно составляетъ ли онъ предметъ внѣшняго торговаго промысла.

Говорятъ, что Дермань нѣкогда расположенъ былъ на площади, занимаемой теперь пахатнымъ полемъ, и лежащей на востокъ отъ нынѣшняго села всплошь до монастырскаго пруда и мельницы. Тогда онъ имѣлъ названіе *Рай-городка;* говорятъ, что на этихъ поляхъ и теперь попадаются кирпичи, намекающіе на существованіе жилищъ, устроенныхъ искуствомъ человѣческимъ. Тоже самое подтверждаетъ проходящій на южной сторонѣ того мѣста ручей и на восточной—прудъ; извѣстно, что болѣе значительныя поселенія устраивались вблизи водъ прѣсныхъ и морскихъ. По другую сторону ручья, протекающаго съ запада на востокъ у подошвы одного изъ небольшихъ возвышеній, находится весьма замѣчательный ключь называемый «*Батыевкою*». Можетъ быть Татары

посѣщавшіе неоднократно стольный городъ князей Острожскихъ, разорили Рай-городокъ въ отмщеніе за смерть вождя своего, погибшаго въ борьбѣ съ туземцами; можетъ быть они дали названіе самой мѣстности, въ коей осталась могила погибшаго мужа, Дермани, слово это по увѣренію знатоковъ турецкаго языка, значитъ *«мѣсто покоища знаменитаго мужа»*. Преданіе объясняетъ еще иначе тоже самое названіе: говорятъ, на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣшнимъ селомъ, были большіе лѣса и въ нихъ одинъ изъ охотниковъ былъ растерзанъ медвѣдемъ. Которая изъ этихъ догадокъ справедлива, неберемся рѣшать. Самое замѣчательное зданіе въ Дерманѣ—православный монастырь (1). Основаніе его приписывается Острожскому князю Василію Ѳеодоровичу Красному, въ первой половинѣ XV вѣка,—тому самому, который построилъ Острожскую Богоявленскую церковь, Острожскія, Заславскія и Дубенскія укрѣпленія. Мнѣніе это основано на замѣткѣ, найденной противъ имени князя Василія въ помянникѣ Дерманскаго монастыря, писанномъ въ первой половинѣ XVII вѣка. Замѣчено, что этотъ князь «церковь и звонницу (колокольню) муровалъ (строилъ) и самъ на закладаню (закладчинѣ) былъ и всего монастыря Дерманскаго фундаторъ». Есть предположеніе, что на мѣстѣ нынѣшняго монастыря былъ загородный домъ князей Острожскихъ, при которомъ князь Василій построилъ церковь съ колокольнею и обратилъ все зданіе въ монастырь. Что обитель существовала въ исходѣ XV-го и въ XVI вѣкѣ, на то указываютъ письменные акты. Такъ князь Острожскій Константинъ Ивановичъ пожертвовалъ обители: во 1-хъ, въ году 1499 книгу Каликстовыхъ поученій (патріарха Константинопольскаго въ XIV вѣкѣ); во 2-хъ, въ 1507 году Евангеліе, писанное типографскимъ шрифтомъ

(1) Исторія Дерманскаго монастыря составлена по актамъ, помѣщеннымъ въ памятникахъ, изданныхъ временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Томъ IV, Кіевъ, 1859 года.

и 10 другихъ книгъ, въ числѣ коихъ и Минею на Декабрь мѣсяцъ; въ 3-хъ, въ монастырѣ имѣется запись, данная въ 1512 году княземъ Янушомъ Михайловичемъ Сангушковичемъ и его супругою Анастасіею, дочерью пана Семена Олизаровича, въ которой говорится, что тесть князя панъ Семенъ Олизаровичъ купилъ село Бѣлашовъ за тридцать копъ грошей и отписалъ его въ той же самой суммѣ на Свято-Троицкую церковь Дерманскаго монастыря, каковую уступку князь Янушъ съ своею супругою подтверждаетъ; въ 4-хъ, въ 1538 году какой-то Еловицкій съ женою и дѣтьми пожертвовали въ монастырь писанный Апостолъ. Всѣ упомянутыя книги находятся въ монастырѣ Дерманскомъ и теперь; оставляя драгоцѣнный остатокъ временъ протекшихъ, они служатъ лучшими историческими памятниками. Поэтому, если существованіе монастыря въ XVI вѣкѣ и даже въ концѣ XV-го не подлежитъ сомнѣнію, то можно допустить, что обитель основана въ первой половинѣ XV вѣка Василіемъ Краснымъ, который любилъ созидать подобнаго рода зданія.

Первоначально Дерманская обитель была на полномъ содержаніи и въ полномъ распоряженіи князей Острожскихъ. Это видно изъ записи Константина II Константиновича князя Острожскаго, въ 1602 году данной, въ которой сказано: «до того а бы се досыть (довольно) стало «воли Божой и расказанію (приказанію) церкви святое «далисмо (мы дали) и симъ листомъ даемо монастырь «нашъ Дерманьски зо всимъ на все з селы и з кгрунтами «(землями) и вшелякими (всякаго рода) его пожитками «на житье общее черницомъ, которые бы призволили (со-«гласились) на общее житие по законоположению» и проч... Эта записка показываетъ, что князь Константинъ II довершилъ основаніе Дерманскаго монастыря, преобразовалъ его въ общежительный; онъ же, въ той же самой записи предоставилъ ему право самоуправленія, а за собою удержалъ только патронатство.

Сверхъ того князь Константинъ II завелъ въ монастырѣ типографію, изъ подъ пресса которой, въ 1604 году

вышелъ Октоихъ, хранящійся въ монастырской библіотекѣ и теперь. Подлинная запись, касающаяся преобразованія монастыря въ общежительный и его самоуправленія, была подписана княжескою рукою и снабжена печатью; 1622 г. внесена въ акты г. Луцка. Есть впрочемъ и другая копія той записи въ рукописномъ Евангеліи, подаренномъ монастырю княземъ Острожскимъ Константиномъ Ивановичемъ въ 1507 году, о которомъ мы упоминали выше. Эта послѣдняя, по поступленіи монастыря отъ уніатовъ въ вѣдѣніе православнаго духовенства, оказалась заклеенною и расклеена уже по распоряженію нынѣшняго настоятеля, Преосвященнаго Епископа Острожскаго Іероѳея. Относительно этой заклейки, а равно и оказавшагося на счетъ времени и мѣста составленія записи разнорѣчія въ копіи монастырской—мѣстной и таковой же Луцкой—урядовой, объяснены причины въ прибавленіяхъ къ письменнымъ древностямъ Дерманскаго монастыря такъ удовлетворительно, что намъ нечего болѣе говорить объ этомъ предметѣ. Мы только упомянемъ, что изъ этого факта можно видѣть, какъ успѣшно и быстро уніаты усвоивали себѣ духъ и правила іезуитской политики—стремиться къ достиженію предположенной цѣли всевозможными средствами.

Здѣсь замѣтимъ, что по словамъ князя Острожскаго, высказаннымъ въ письмѣ къ королю, въ Дерманскомъ монастырѣ проживалъ нѣкоторое время Лжедимитрій 1-й (бѣглый діаконъ Григорій Отрепьевъ (1). Въ хронографѣ говорится, что князь Острожскій посылалъ въ Дерманскій монастырь спутниковъ Лжедимитрія Варлаама, да Мисаила. Въ Дерманской обители уніаты содержали въ заключеніи, впродолженіи нѣкотораго времени, знаменитаго поборника православія въ угнетенной поляками украинѣ, во второй половинѣ XVIII вѣка, игумена Мотронинскаго монастыря Мелхиседека—Значко-Яворскаго Изъ этого заключенія

(1) Карамзина Исторія государства Россійскаго. Томъ XI, стр. 66 примѣч. 200. СПБ. 1824 года.

Мелхиседекъ былъ освобожденъ какими-то неизвѣстными русскими купцами. (1).

Изъ прежде сказаннаго можно заключить, что Дерманскій монастырь не избѣжалъ участи, постигшей всю Западную Русь—уніи. Но по всему видно, что она водворялась вездѣ, а равно и въ Дерманскомъ монастырѣ, мало-помалу; что признавали ее прежде начальствующіе, потомъ навязывали послѣдніе свои убѣжденія подчиненнымъ. Такъ извѣстный составитель Славянской грамматики, по которой учился Ломоносовъ, Архіепископъ Полоцкій, по принятіи уніи—Іерапольскій Мелетій Смотрицкій (2) былъ, подъ конецъ своей жизни, настоятелемъ Дерманскаго монастыря, здѣсь скончался и погребенъ въ 1633 году; безъ сомнѣнія въ послѣднее время своей жизни онъ посѣялъ сѣмена уніатскаго ученія между иноками Дерманской обители. (3) Архимандритъ Іоаннъ Дубовичъ, горячій приверженецъ уніи (скон. 1652 года), какъ можно судить по сочиненіямъ его, направленнымъ противъ православія (4) былъ тоже настоятелемъ описываемаго нами монастыря и, по всей вѣроятности, употреблялъ усилія къ обращенію въ унію подчиненныхъ иноковъ. Видно однакожъ, что старанія этихъ и другихъ

---

(1) Архивъ югозападной Россіи, часть первая томъ II, Кіевъ, 1864 года, стран. CLXXIII.

(2) Славянская Грамматика Мелетія Смотрицкаго была издана въ Евью 1819, Вильно 1629 и Москвѣ 1848 г. (Правосл. обозрѣніе, Іюль 1861).

(3) Православн. обозрѣніе августѣ 1861 года стр. 448, 449, 450.

(4) Въ прибавленіи къ письменнымъ древностямъ Дерманскаго монастыря, которое помѣщено въ памятникахъ временной коммисіи для разбора древнихъ актовъ (т. IV), показаны слѣдующія сочиненія Дубовича: Соборъ Кіевскій Схизматицкій, Митрополитомъ Петромъ Могилою составленный и совершенный, Варшава 1641, и Іерархія Церковная, Львовъ 1644 г.

подобныхъ имъ приверженцевъ уніи не сопровождались полнымъ успѣхомъ, какъ можно заключить изъ того, что монастырь имѣлъ послѣ нихъ настоятелей православныхъ. Таковымъ былъ Епископъ Перемышльскій Антоній Жолкевскій, который умеръ въ 1702 году; до смерти своей неизмѣнно исповѣдывалъ онъ православіе. По всему видно, что унія исподоволь пробиралась въ Дерманскій монастырь. Благочестивый и просвѣщенный Архипастырь епископъ Іероѳей полагаетъ, что она прочно утвердилась въ Дерманскомъ монастырѣ не прежде замостьскаго собора, бывшаго въ 1720 году.

Возвращенъ этотъ монастырь православному духовенству въ 1821 году, вслѣдствіе Высочайшаго повеленія, послѣдовавшаго по поводу представленія Епископа Волынско-Житомирскаго Стефана. Не задолго предъ тѣмъ зданія Острожскаго православнаго монастыря были опустошены пожаромъ: для пріобрѣтенія другаго соотвѣтственнаго помѣщенія для иноковъ его Преосвященный Стефанъ входилъ съ представленіемъ къ Высшему начальству о возвращеніи древле-православной Дерманской обители православному духовенству, отторгнутой отъ Восточной Церкви уніатами во время невзгоды отечества. Въ доказательство того, что Дерманскій монастырь основанъ для иноковъ православныхъ, представлена была выпись изъ Луцкихъ актовъ, вышеполсненной записи Константина Константиновича. Представленіе сопровождалось полнымъ успѣхомъ: уніатамъ предписано было очистить Дерманскую обитель для православнаго духовенства. Такимъ образомъ желаніе благочестивыхъ фундаторовъ исполнилось: монастырь считается нынѣ православнымъ и въ немъ возносятся молитвы объ упокоеніи душъ ихъ и причтеніи къ лику праведныхъ.

Говорятъ что предъ поступленіемъ обители въ вѣдѣніе православнаго духовенства, когда ей принадлежали богатыя помѣстья, церковь была покрыта соломою, нынѣшняя величественная, пяти ярусная колокольня составляла простыя въѣзжія ворота съ особою вверху пристройкою

для колоколовъ. Въ помѣщеніи настоятельскомъ, гдѣ нынѣ устроенъ прекрасный залъ для библіотеки, при послѣднемъ Базиліанскомъ начальникѣ, была пустая не отдѣланная, неимѣвшая потолка комната, въ коей красовалась, развѣшанная по разнымъ мѣстамъ, конская сбруя; на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ училищный флигель, были экипажная и конюшни; послѣдній уніатскій начальникъ монастыря страстно любилъ лошадей, выѣзжалъ съ особенною пышностію, въ сопровожденіи гайдука, слѣдовавшаго при экипажѣ на особой лошади. Всѣ эти факты вѣрно характеризуютъ прежнее и нынѣшнее положеніе обители; и потому при описаніи ея трудно было обойти.

Неисповѣдимыми судьбами Провидѣнія суждено было Дерманскому монастырю, послѣ духовнаго возрожденія, подвергнуться перерожденію наружному—измѣненію и улучшенію внѣшняго вида. Нынѣшній настоятель разсказывалъ намъ, что, скоро по отнятіи монастыря отъ базиліанъ, Преосвященный Стефанъ пожелалъ служить литургію въ церкви новоприобрѣтенной обители. Причтъ прибылъ еще на канунѣ обѣдни въ Дерманъ и ночь проведена была всѣми вмѣстѣ. Въ числѣ находившихся гостей были: Преосвященный Іероѳей, состоявшій въ то время въ санѣ архимандрита Загаецкаго монастыря, и каѳедральный протоіерей Григорій Рафальскій, который впослѣдствіи поступилъ въ монашество, подъ именемъ Антонія, былъ первымъ православнымъ епископомъ Варшавскимъ и скончался въ санѣ Митрополита въ Петербургѣ. Тогдашній Загаецкій архимандритъ, на другой день, въ обществѣ сослужителей, разсказывалъ свой сонъ: «мнѣ снилось, говорилъ онъ, что посреди здѣшняго монастырскаго погоста выросло дерево, которое было какъ бы облито бѣлымъ цвѣтомъ.» «Это значитъ, замѣтилъ каѳедральный протоіерей, что монастырь Дерманскій, подъ вашимъ управленіемъ, процвѣтетъ, какъ видѣнное вами во снѣ дерево.» Предсказаніе сбылось: монастырь Дерманскій былъ опустошенъ въ 1828 году пожаромъ, въ томъ же году, въ управленіе архимандрита Загаецкаго возобновленъ его

попеченіемъ и приведенъ въ то благообразіе и цвѣтущее состояніе, въ которомъ находится и до нынѣ.

Въ настоящее время монастырскія зданія состоятъ:

1-е Изъ небольшой монастырской, однопрестольной, объ одномъ куполѣ, церкви. Зданіе это древнее, вѣроятно, то самое, на которое указывается въ помянникѣ, какъ на постройку Краснаго.

2-е Изъ главнаго двухэтажнаго монастырскаго корпуса, въ которомъ помѣщается настоятель съ братіею.

3-е Двухэтажнаго флигеля, который, въ настоящее время замѣняетъ гостинницу для пріѣзжихъ посѣтителей.

4-е Каменнаго домика, въ которомъ помѣщается монастырская кухня.

5-е Одноэтажнаго флигеля, построеннаго для помѣщенія уѣзднаго духовнаго училища.

6-е Пяти ярусной, имѣющей 16-ть саженъ высоты, монастырской колокольни, служащей вмѣстѣ съ тѣмъ въѣзжими монастырскими воротами.

7-е Внѣ монастыря, на особомъ дворѣ, находятся разныя хозяйственныя заведенія. Выстроенъ одноэтажный, весьма приличной архитектуры, домъ для помѣщенія службъ, экипажей, конюшни и проч. Другой каменный, двухъ-этажный съ лицевой стороны и трехъэтажный съ противуположной, построенъ по другую сторону проѣзжей дороги. Въ немъ теперь помѣщается смотритель и учителя уѣзднаго училища.

Главное зданіе монастырское окружено рвомъ, обнесено окопами и нѣкогда обведено было каменными стѣнами, отъ которыхъ теперь есть только остатки съ сѣверной и южной стороны. Впрочемъ окопъ съ юга и запада замѣнялся глубокою низменностію луга, на которомъ нѣкогда стояла вода обширнаго и глубокаго пруда, по разказу старожиловъ. Въ самомъ дѣлѣ, существуютъ еще и теперь остатки плотины, задерживавшей воды пруда; если бы возобновить плотину, то протекающій вдоль луга ручей, вѣроятно обратился бы снова въ прудъ. Этотъ-то

прудъ—тотъ самый, о которомъ мы говорили выше; назывался онъ иныхъ. Преосвященный Іероѳей, изучившій всѣ подробности, касающіяся состоящей подъ его вѣдѣніемъ обители, справедливо предполагаетъ, что прудъ можно было бы возстановить,—обитель имѣла бы подъ рукою хорошую рыбу и въ лѣтнее время удобныя мѣста для купанья. Но за то, отъ стоячихъ водъ пруда, исходило бы не малое количество гнилыхъ испареній, которыя могли бы вредить здоровью обитателей сосѣднихъ мѣстъ.

Внутри церкви вся утварь построена вновь, послѣ пожара, слѣдовательно принадлежитъ новѣйшему времени. Достопримѣчательности Дерманскихъ древностей, какъ мы уже замѣтили, были представляемы во Временную Коммисію и описаны въ томѣ IV ея памятниковъ съ надлежащею отчетливостію и точностію. Но есть въ монастырѣ предметъ невошедшій въ составъ этого описанія, который между тѣмъ нельзя оставить безъ вниманія. Это чаша, небольшая, обыкновенной формы, подножіе ея въ діаметрѣ имѣетъ два съ половиною вершка; на подножіи сдѣланномъ въ формѣ круга вырѣзана слѣдующая надпись: «сей келихъ надалъ отецъ Ѳеодоръ Савичъ пресвитеръ Вербскій тамъ же до храму Св. Троицы и на верху этой надписи «и спатиною и з звѣздою Року Божого ѦАМД. (Эту чашу пожертвовалъ Священникъ Вербскій Ѳеодоръ Савичъ въ храмѣ тогоже села Св. Троицкій съ дискосомъ и со звѣздою въ 1044 г.) Итакъ, по смыслу надписи, чашу эту надобно отнести ко временамъ княженія Ярослава 1 Владиміровича, 1019 по 1054 г. Составляла она принадлежность села Вербки, находящагося въ Волынской губерніи недалеко уѣзднаго города Ковля. Село это лежитъ на разстояніи 3-хъ 4-хъ верстъ отъ г. Ковля, на берегахъ р. Турія. По причинѣ низменныхъ береговъ своихъ, рѣка эта нерѣдко разливаетая на довольно значительное пространство, которое, по спаденіи воды, остается болотнымъ, поросшимъ травою, тростникомъ и ольховыми деревьями. Въ селѣ Вербкѣ ложбина рѣки

особенно разширяется. Среди болотъ, облегающихъ теченіе рѣки съ обѣихъ сторонъ находится довольно далеко отъ сухаго материка, небольшой островъ, къ которому добираются не иначе, какъ по кладкамъ, или деревяннымъ бревнамъ, положеннымъ на высокоприподнятыя надъ водою сваи.

Кладки эти, на пространствѣ, имѣющемъ около 400 сажень, устроены къ острову, съ одной стороны, отъ села Вербки, и съ другой—нѣсколько меньшемъ, отъ деревни Колодницы, принадлежащей Вербскому приходу. На островѣ, поросшемъ деревьями, находится однопрестольная, объ одномъ купулѣ, Свято-Троицкая церковь, довольно уже ветхая, но приличной архитектуры; въ ней есть чудотворный образъ Святителя Николая, къ которому прибѣгаютъ съ молитвами многіе изъ жителей близкихъ и отдаленныхъ мѣстъ.—Профессоръ Иванишевъ, бывшій въ тѣхъ мѣстахъ для отысканія древностей, открылъ въ Вербской церкви гробъ князя Андрея Курбскаго. Изъ оффиціальныхъ актовъ видно, что этотъ Московскій бѣглецъ, спасавшійся отъ жестокостей Іоанна Грознаго, по прибытіи въ Литву, получилъ во владеніе отъ Польскаго короля Ковельское имѣніе; видно также и то, что не далеко города Ковля на Вербкѣ, былъ Свято-Троицкій монастырь. Вербская Свято-Троицкая церковь составляетъ остатокъ этого монастыря; въ ней то и погребенъ князь Андрей Курбскій. Мѣстное преданіе тоже подтверждаетъ существованіе на Вербкѣ монастыря; наконецъ появляются или, покрайней мѣрѣ, появлялись прежде лѣтъ за 40, въ землѣ кирпичи, можно предполагать, остатки фундамента бывшаго каменнаго корпуса, или погребовъ монастырскихъ.—Въ Тойже церкви Преосвященный Епископъ Іероѳей, викарій Волынскій, посѣщая епархію, нашелъ описываемую нами чашу. Надпись ея обратила вниманіе преосвященнаго Святителя; желая сохранить этотъ предметъ, повидимому, принадлежащій исторіи, Преосвященный взялъ чашу въ монастырь Дерманскій, возна-

градивъ приходскую церковь другою новою чашею, болѣе годною для употребленія въ настоящее время.

Теперь остается рѣшить, можетъ ли описываемая чаша принадлежать времени, на которое указываетъ надпись? Едвали. Хотя построеніе бывшаго Ковельскаго, что на Вербкѣ, монастыря можетъ быть отнесено ко временамъ весьма древнимъ; но всё же не къ первымъ временамъ существованія Христіанства въ Россіи.

Правда, основаніе Владиміра Волынскаго, находящагося за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Ковля, приписывается Просвѣтителю Россіи христіанскою вѣрою; тоже самое говорится и насчетъ Зимнскаго монастыря, (село Зимно, по преданію, составляло предмѣстіе г. Владиміра Волынскаго; оно отстоитъ отъ уѣзднаго города, какъ говорятъ, верстъ на 5). Предположимъ, что и нынѣшній г. Ковель тогда существовалъ, и что во времена, близкія къ княженію Владиміра великаго, основанъ Ковельскій, что на Вербкѣ, монастырь. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, тоже самое преданіе, которое говоритъ о построеніи Владиміра Волынскаго и Зимнскаго монастыря, сохранило бы какія нибудь воспоминанія и насчетъ Вербскаго, или Ковельскаго; но тутъ преданіе молчитъ. Слѣдовательно и построеніе чаши для церкви, не существовавшей въ ту эпоху, не правдоподобно. Напротивъ слова: *кемихъ* и *патина*, вмѣсто которыхъ, въ первыя времена христіанства въ Россіи, употребили бы названія Греческія: *потиръ* и *дискосъ*, а равно и буквы—полуславянскія, полускоро писанныя, указываютъ на эпоху новѣйшую, именно, на то время, когда унія стала вводить слова польскія въ книжный Церковно-славянскій языкъ. Однимъ словомъ, надобно допустить, что описываемая чаша сдѣлана въ 18-мъ вѣкѣ, и что въ надписи выпущена славянская буква ѱ между А и М; такъ что надпись вмѣсто того, чтобы означать аѱмд (1744), выражаетъ амд (1044 г). Произошло ли это опущеніе отъ невѣдѣнія составителя надписи, или отъ небреженія рѣзчика, все равно; дѣло въ томъ, что описываемой чаши нельзя отнести къ 1044 году.

Здѣсь не мѣшаетъ прибавить, что предполагаютъ перенести самостоятельную приходскую церковь изъ села Вербки въ деревню Дубову, на томъ основаніи, что въ послѣдней, въ составѣ Вербскаго прихода, народонаселеніе болѣе значительно по численности, и что Дубова лежитъ на Кіево-Брестскомъ шоссе. Предположеніе это, конечно, основательно: но, съ другой стороны, изъ уваженія къ живописности мѣста, занимаемаго Вербскою церковью, а также воспоминаніямъ, имъ возбуждаемымъ, хорошо было бы образовать здѣсь пустынь, приписную къ Мѣлецкому монастырю, находящемуся не далеко отъ Вербки. Тогда домъ священника былъ бы помѣщеніемъ для иноковъ, которые проживали бы въ этой пустыни, а доходъ отъ богослуженія, тѣмъ болѣе значительный, что тутъ есть чудотворная икона, покрывалъ бы, хотя отчасти, издержки, необходимыя для содержанія пустыни. Издержки эти тѣмъ справедливѣе возложить на Мѣлецкій монастырь, что, по существующему преданію, онъ составляетъ колонію бывшей Ковельской, что на Вербкѣ, обители.

Кромѣ монастырскаго окопа, о которомъ мы говорили, въ Дерманѣ есть еще другой, называемый замчискомъ или городищемъ. Замчиско расположено, какъ бы, въ югозападной части села (принявъ центромъ его приходскую и монастырскую церковь), на высокой горѣ. Весьма крутая съ двухъ сторонъ покатость ея и глубокіе рвы съ насыпями, или валами, вѣроятно, дѣлали ее, въ свое время, недоступною. Крестьянинъ, имѣвшій вблизи замчиска свою усадьбу и считавшій себѣ около 60 лѣтъ (въ 1861 году), передалъ намъ разсказъ своей матери, 113 лѣтней старухи, насчетъ этого замчиска. По словамъ крестьянина, она, по выходѣ замужъ, прибыла въ Дерманъ изъ одной сосѣдственной деревни и застала на мѣстѣ этого замчиска погреба съ желѣзными дверьми; теперь ничего этого нѣтъ, хотя и встрѣчаются, внутри замчиска, ямы или впадины. Когда и кѣмъ построенъ былъ замокъ, если онъ когда нибудь существовалъ, никто не знаетъ; крестьянинъ на наши вопросы, направлен-

ныя къ раскрытью какихъ нибудь свѣденій на счетъ замка, отвѣчалъ, что всё это осталось со времени «*Татарщины*». Вѣроятно, во времена удѣльнаго господства и польскаго владычества, когда набѣги «своихъ» враговъ и Крымскихъ Татаръ были опустошительны и страшны, владѣлецъ Дерманской мѣстности и жители ея искали убѣжища въ укрѣпленномъ замкѣ и, запершись въ окопахъ и стѣнахъ его, отражали враговъ вооруженною рукою. Вблизи Солтыща, одной изъ частей Дерманя, есть и третій окопъ, заслуживающій описанія. Пробравшись изъ монастыря въ Солтыще и отсюда повернувъ на право, по дорогѣ въ мѣстечко Гульчу и деревню Лебеди, по въѣздѣ въ лѣсъ, скоро увидите рвы, идущіе параллельно одинъ другому; это начало окоповъ. Перейдите нѣсколько рвовъ и, взобравшись на весьма крутую насыпь, вы увидите себя въ искуственномъ земляномъ окопѣ, на которомъ и внутри котораго растетъ лѣсъ, состоящій изъ липовыхъ, грабовыхъ, кленовыхъ деревъ; между ними есть нѣкоторыя довольно старыя. Внутри окопа вы увидите толстыя пни тоже старыхъ срубленныхъ уже деревьевъ, которыхъ согнившіе обрубки лежатъ тутъ-же. Однимъ словомъ, по существующимъ деревьямъ и остаткамъ срубленныхъ, можно заключить, что этотъ окопъ давно заросъ лѣсомъ и, слѣдовательно, построенъ давно, очень давно. Окопъ имѣетъ форму острокопечнаго треугольника, котораго основаніе, обращенное къ востоку, представляетъ видъ дуги, правая и лѣвая сторона—прямыхъ линій; верхняя же часть почти острокопечна. Окруженъ окопъ значительною насыпью, составляющею какъ бы вѣнецъ, опоясывающій его; но у западной (1) острокопечности насыпь прерывается и открытъ выходъ, изъ котораго былъ устроенъ спускъ внизъ. Окопъ примыкаетъ, съ двухъ сторонъ, именно съ сѣверозападной и югозападной, къ двумъ глубокимъ оврагамъ; покатость, опускающаяся

(1) Страны свѣта опредѣлены приблизительно по теченію солнца въ лѣтнее время.

въ эти овраги, поросла деревьями, какъ и всѣ окрестности окопа, и такъ наклонна, что по ней трудно идти. На другомъ югозападномъ склонѣ былъ насыпанъ еще и ровъ, хотя покатость, ведущая въ оврагъ, тоже довольно крута и всходъ по ней вверхъ труденъ.

Внутри окопа, между растущими деревьями, есть довольно значительныя ямы, которыя, вѣроятно, выкопаны добывавшими корни большихъ деревьевъ; посреди же окопа есть большая, глубокая, кругообразная яма. Чтобы тутъ было? По всей вѣроятности, колодезь или осунувшійся погребъ; но первое вѣроятнѣе, какъ можно заключать по правильному очертанію круга осунувшейся ямы.

Пространство этого окопа не велико; отъ основанія треугольника до вершины, съ востока на западъ, до 150 шаговъ, и отъ правой линіи до лѣвой, въ самомъ широкомъ мѣстѣ, до 90 шаговъ. Мы уже замѣтили, что съ двухъ сторонъ, именно, сѣверозападной и югозападной, онъ примыкаетъ къ двумъ весьма глубокимъ оврагамъ; съ покатости перваго виднѣются тополи и усадьбы мѣстечка Гульчи, а за вторымъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, лежитъ Солтыще, часть Дерманя, ближайшая, по положенію, къ мѣстечку Мизочу. Съ восточной же стороны, окопъ примыкаетъ къ ровной мѣстности, на которой вездѣ растетъ лѣсъ, принадлежащій, кажется, Графу Илинскому. Эта сторона окопа отдѣлена отъ сопредѣльной мѣстности пятью рвами, изъ конхъ одинъ другаго глубже, по мѣрѣ приближенія ихъ къ окопу; рвы начинаются у оврага сѣверозападнаго и оканчиваются у югозападнаго.

Къ окопу не проложено даже проѣзда; но вблизи его идутъ двѣ дороги: одна изъ Солтыща, по нашему заключенію, идущая въ м. Гульчу, а другая, составляющая незначительный, почти заросшій травою, проѣздъ къ плотинѣ, лежащей у Дерманской мельницы княгини Любомірской; отсюда легко пройти къ плотинѣ у мельницы монастырской, по которой идетъ большая дорога въ Дерманскій монастырь изъ Острога. По всѣмъ соображеніямъ, этотъ окопъ, во времена до историческія, устроенъ

нашими предками—Бужанами или Дулѣбами, а можетъ быть, и Хорватами; всѣ эти поколѣнія могли тутъ между собою сталкиваться. Во всякомъ случаѣ, онъ древнѣе замчиска, лежащаго недалеко монастыря, по другую сторону оврага, составлявшаго нѣкогда вмѣстилище пруда—мниха.

Неможетъ быть сомнѣнія, что населеніе села Дермани, подобно населенію всей Волыни, нѣкогда принадлежало православной Церкви и потомъ совращено было въ унію.

— Православіе начали здѣсь возстановлять въ 1794 году. Изъ офиціальныхъ бумагъ видно, что крестьяне этого села возвратились къ вѣрѣ своихъ предковъ въ послѣдніе дни 1794 года и поручены были въ наблюденіе—одна половина Мизочскому священнику, а другая Точевикскому. Вѣроятно, таковыя, по церковнымъ дѣламъ, отношенія оказались тягостными для жителей с. Дермани, когда они обратились съ просьбою къ Епископу житомірскому Варлааму о назначеніи имъ особаго священника; при чемъ испрашивали дозволенія совершать богослуженіе (литургію) «въ каплицѣ на Скавинѣ» до дальнѣйшаго воспослѣдованія «объ уніатской церкви, находящейся въ «уніатскомъ базиліанскомъ монастырѣ, среди селенія со«стоящей, которую они за приходскую себѣ имѣли и «нужное о благолѣпіи оной попеченіе прилагали, также и «во всѣхъ требахъ христіанскихъ къ проживающимъ въ «оном монастырѣ монахамъ всегда относились» и проч. (1). Изъ этого видно, что, въ исходѣ прошлаго столѣтія, приняли православіе одни Дерманскіе крестьяне, а монастырь коснѣлъ въ уніи; а изъ выше изложенной исторіи Дерманскаго монастыря мы знаемъ, что онъ поступилъ въ вѣдѣніе православнаго духовенства едва въ 1822 году. Въ вышеприведенномъ прошеніи Дерманскихъ прихожанъ встрѣчаются слова: «каплица на Скавинѣ». Ка-

(1) Такъ сказано въ прошеніи Дерманскихъ прихожанъ къ епископу Варлааму.

плицею или капеллою называется у католиковъ небольшая церковь, въ которой можно совершать богослуженіе или литургію, принадлежащая какому нибудь приходскому костелу, или монастырю; капеллою же называютъ всякую домовую церковь. А слово «Скавинъ» непонятно и для мѣстныхъ жителей. Можно предполагать, что писавшій просьбу для Дерманскихъ прихожанъ къ преосвященному Варлааму разумѣлъ подъ этимъ названіемъ высокую гору, на которой теперь помѣщается сельское кладбище и помѣщалось, по всей вѣроятности, и въ прежнія времена. Тамъ существовала издавна небольшая, деревянная, кладбищенская церковь, называвшаяся, помѣстному, каплицею. На мѣстѣ ея построена теперешняя кладбищенская; но мы еще помнимъ прежнюю, составлявшую ветхое, маленькое зданіе. Ее-то, можно предполагать, назвали Дерманскіе жители, въ своемъ прошеніи, «каплицею на Скавинѣ». Дерманскіе прихожане, разумѣется, находили для себя ее тѣсною и непомѣстительною;—а потому взоры ихъ могли обращаться на монастырскую, находившуюся въ рукахъ базиліанъ, которая, въ прежнія времена, замѣняла для мѣстныхъ жителей приходскую. Тогда базиліане, какъ разсказываютъ туземцы, желая отвести ударъ, котораго опасались, построили, на собственный счетъ, нынѣшнюю каменную, православную, приходскую, церковь. Это было уже въ 1810 году; она существуетъ и теперь. Архитектура зданія и живопись, находящихся въ немъ иконъ, ясно указываютъ строителей: извѣстно, что, въ послѣднее время существованія своего, въ этомъ краѣ, уніаты стали сливаться съ латинами, держались только церковнославянскаго языка въ богослуженіи; но въ выговорѣ слова коверкали самымъ страшнымъ образомъ. Можетъ быть, многіе изъ уніатовъ, въ ту пору, непрочь были замѣнить славянское богослуженіе латинскою миссою; но сохраненіе прежняго богослужебнаго языка соотвѣтствовало видамъ папской куріи, желавшей, посредствомъ ихъ, вліять на славянскія племена для подчиненія ихъ римской обедіенціи. Неудивительно потому, что построен-

ная приходская церковь имѣетъ продолговатую форму, алтарную и переднюю части съуженныя, внутреннюю— украшенную двумя рядами столбовъ, (колоннъ), отдѣляющихъ среднюю главную отъ боковыхъ, по направленію, соотвѣтствующихъ главной. Внутри церковь украшена и обставлена иконами въ такомъ порядкѣ и такого стиля, что стоитъ снять иконостасъ и—выйдетъ совершенный костелъ; есть даже хоры, на коихъ удобно помѣстить органъ.

Говорятъ, что иконостасъ въ эту приходскую церковь перенесенъ изъ главной монастырской, которой базиліане желали придать совершенное подобіе костела. Внѣшній видъ зданія приходской церкви тоже приноровлено къ тому, чтобы ее современемъ можно было обратить въ костелъ; нужно только снять средній большой куполъ, который на немъ одинъ и есть, и на мѣстѣ его утвердить маленькій, обыкновенно, устраиваемый на костелахъ, для помѣщенія звонка. Таковъ, или почти таковъ, планъ многихъ церквей на Волыни; особенно, построенныхъ помѣщиками, по требованію правительства, въ первую четверть текущаго столѣтія: строители имѣли въ виду обратить тѣ храмы въ уніатскіе современемъ, какъ только увѣнчаются успѣхомъ замышляемыя ими революціи и польша будетъ возстановлена. Но увы! Ожиданія остались тщетными. *Не суть совѣты Мои, якоже совѣты ваши, ниже якоже путіе ваши, путіе Мои, глаголетъ Господь. Но якоже отстоитъ небо отъ земли, тако отстоитъ путь Мой отъ путей вашихъ, и помышленія ваша отъ мысли Моея.* (Исаіи гл. 55 ст, 8, 9).

СѢВЕРОЗАПАДНЫЙ УГОЛЪ

ОСТРОЖСКАГО УѢЗДА.

Оставивъ Дерманъ, поворотимъ на сѣверовостокъ и осмотримъ села и мѣста сѣверозападнаго угла Острожскаго уѣзда.

Рѣка Горынь два раза пересѣкаетъ, въ теченіи своемъ, Острожскій уѣздъ. — Въ первый — протекаетъ по южной его части, по направленію отъ запада къ востоку, возлѣ Тихомля, Сушовецъ, Ляховецъ, Жизниковецъ и Гулевецъ, послѣ чего входитъ въ Заславскій уѣздъ. Во второй,—вышедши изъ этого уѣзда въ Острожскій у села Крупца, принимаетъ прежде направленіе къ западу до города Острога, а у этого города поворачиваетъ на сѣверъ къ Дорогобужу и Расникамъ, гдѣ начинается Ровенскій уѣздъ. Пространство между городомъ Острогомъ и рѣкою Горынью съ востока, почтовымъ трактомъ острожско-дубенскимъ съ юга, и границами сѣверозападными со стороны Ровенскаго и отчасти Дубенскаго уѣздовъ мы принимаемъ за сѣверозападный уголъ Острожскаго уѣзда, достопримѣчательности котораго желаемъ теперь описать.

Первое село, которое встрѣтимъ по избранной нами дорогѣ, будетъ *Верховъ*. Мѣловыя, или известковыя горы, виднѣющіяся издали, даютъ возможность путнику опредѣлить издали его мѣстоположеніе. Вотъ мы въѣзжаемъ на почтовую дорогу, идущую изъ г. Дубна въ Острогъ; вотъ налѣво—почтовая станція; въ прежнія времена, когда послѣдняя находилась въ мѣстечкѣ Гульчѣ, зданіе это было корчмою. Каменное это зданіе пахнетъ стариною; можно думать, что оно построено въ былыя времена ординаціи острожской кѣмъ нибудь изъ ординаторовъ, можетъ быть, въ исходѣ XVII вѣка или въ XVIII-мъ, какъ можно заключать по толстотѣ каменныхъ стѣнъ, какихъ не любятъ теперь строить; и по келейно-монастырскому характеру архитектуры его. Впрочемъ не ручаемся, что село Верховъ входило въ составъ ординаторскихъ имѣній; а говоримъ, основываясь на одной догадкѣ, поводомъ къ которой послужила близость с. Верхова къ г. Острогу.

На право отъ нашей дороги раскинуто по отлогостямъ возвышеній, опускающихся къ пруду, село. Между сельскими хижинами виднѣется деревенская церковь; нѣсколько далѣе, на возвышенности стоитъ домъ землевладѣльца,

составляющій каменное двуэтажное зданіе. Жаль, что оно, подобно палацо княгини Любомірской, не окончено; а то служило бы украшеніемъ живописной мѣстности. Особенно она имѣетъ очаровательный видъ весною, когда находящіеся вокругъ сады покрываются бѣлымъ цвѣтомъ и свѣжею зеленью лѣса, начинающагося у с. Верхова и, по волнообразной мѣстности, тянущуюся до города Острога, съ довольно большими однакожъ промежутками, особенно отъ сс. Точевикъ и Бѣлашева. Впрочемъ пространство, перерѣзанное почтовою дорогою въ городъ Острогъ, покрыто лѣсомъ только на протяженіи нѣсколькихъ верстъ; вообще говоря, верстъ за 10-ть до города, или около того, начинаются открытыя пашни, весьма плодородныя и хорошо обработанныя. Предъ выѣздомъ изъ лѣса, на лѣво возлѣ каменной корчмы, вы замѣчаете нѣсколько крестьянскихъ хижинъ: это *мьстечко Михалполь.* По всей вѣроятности, одинъ изъ предмѣстниковъ нынѣшняго землевладѣльца даровалъ право здѣсь селиться вольнымъ людямъ и открывать торги въ извѣстные сроки; можетъ быть эта привилегія подтверждена формальною грамотою котораго нибудь изъ польскихъ королей. Такимъ образомъ изъ Михалполя могло возникнуть мѣстечко, хотя оно не успѣло надлежащимъ образомъ обстроиться и заселиться. Покамѣсть существовало крѣпостное право, то грамота эта, по всей вѣроятности, была подъ спудомъ: народонаселеніе мѣстечка Михалполя, можетъ быть, захотѣло бы отыскивать мѣщанскія права, и панъ лишился бы барщины. Но теперь—послѣ 19 февраля 1861 года, подобныя опасенія не могутъ имѣть мѣста; а потому и грамота явилась на свѣтъ Божій. Это выгоднѣе для землевладѣльца: жители мѣстечекъ, вслѣдствіе особенныхъ постановленій, не могутъ пользоваться правомъ винокуренія, которымъ пользуются крестьяне—собственники, проживающіе на собственныхъ земляхъ. Такова, вѣроятно, исторія Михалполя.

Проѣхавъ лѣсъ и поравнявшись съ деревенькою *Гремяче*, которая находится на возвышеніи, лежащемъ у

небольшаго пруда и на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ города (Острога), поворотимъ, по проселочной дорогѣ, на лѣво. Взобравшись на эту дорогу, будемъ проѣзжать среди полей, покрытыхъ въ лѣтнее время, въ періодъ жатвы, безчисленнымъ множествомъ копенъ ржи, пшеницы, или другаго хлѣба. Въ иные годы, проѣзжая по этимъ мѣстамъ около Петрова дня (въ концѣ іюня), замѣтите, что земледѣльцы тутъ засѣваютъ гречиху. «Когда же она поспѣетъ?,» спросите ихъ.—«Небезпокойтесь,» отвѣтятъ вамъ; «гречиха созрѣетъ къ Покрову (Пресвятой Богородицы»). И въ самомъ дѣлѣ, если придется здѣсь быть въ концѣ сентября, или началѣ октября, то вы увидите, что идетъ сборъ гречихи, и сборъ богатый, при томъ гречиха такая рослая, что ее вяжутъ въ снопы. По отлогостямъ возвышеній растетъ терновый кустарникъ. Весною онъ окрашиваетъ мѣстности своимъ бѣлымъ цвѣтомъ, а осенью даетъ плоды, похожіе на сливы, вкусомъ чрезвычайно терпкія; ихъ мѣстные жители собираютъ для домашняго употребленія.

Сдѣлавъ нѣсколько верстъ проселочною дорогою, вы пріѣзжаете въ село *Хоровъ*. Это село, по описанію туземцевъ, расположено на двухъ параллельно-лежащихъ возвышеніяхъ, между коими проходятъ пруды, получающіе начало изъ ближайшихъ ключей. Говорятъ, что теперешнее названіе Хоровъ есть испорченное слово *Горовъ*: такъ село называлось прежде, по причинѣ гористаго своего мѣстоположенія. Церковь въ немъ каменная, построенная во второй половинѣ прошлаго столѣтія, владѣльцемъ Хорова референдаріемъ Станиславомъ Малаховскимъ. Въ надписи, имѣющейся на юговосточномъ углу храма, помѣщенъ и годъ построенія его, именно, 1781-й (ѧлѱпа). Указываютъ на существованіе прежней церкви, которой теперь нѣтъ и слѣдовъ: она была посвящена въ честь Воскресенія Христова и находилась по направленію праваго угла нынѣшней. Предположивъ, что послѣдняя построена на сѣверовостокъ, выйдетъ, что прежняя лежала отъ нея на востокъ. Нынѣшняя церковь освящена

въ честь Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла. Говорятъ, что какой то арендаторъ села Хорова (по мѣстному поссесоръ), замѣтивъ, что крестьяне прекращаютъ на нѣсколько дней полевыя работы по случаю храмоваго праздника, пожелалъ перенесть послѣдній на осеннее время, когда всѣ работы въ полѣ прекращаются—именно, на день Покрова Божіей Матери; для чего въ церковь пожертвовалъ икону этого праздника. Пожертвованная икона находится и теперь въ Хоровской церкви и помѣщена надъ царскими вратами; икона эта служитъ восполненіемъ и подтвержденіемъ вышеизложенной исторіи. По разсказамъ мѣстнаго приходскаго священника, котораго отецъ и дѣдъ были предмѣстниками въ дѣлѣ священно-служенія, на Хоровскомъ храмѣ утвержденъ крестъ, бывшій на Острожскомъ Богоявленскомъ, нынѣ находящемся въ запустѣніи. Говорятъ, что этотъ крестъ перенесенъ изъ г. Острога въ с. Хоровъ насильственнымъ образомъ. Основатель Хоровской церкви Малаховскій, управлявшій въ ту пору и Острожскимъ имѣніемъ, выразилъ желаніе взять крестъ изъ г. Острога, но встрѣтилъ сопротивленіе со стороны мѣстныхъ жителей и принужденъ былъ послать козаковъ своихъ въ городъ; эти послѣдніе сняли крестъ въ ночное время съ опустѣвшаго Богоявленскаго храма и доставили на теперешнее мѣсто. Такъ разсказываютъ одни; но по словамъ другихъ, описываемый крестъ былъ въ г. Острогѣ еще въ началѣ текущаго столѣтія. Извѣстно, что въ первую четверть этого столѣтія, Волынскою Епархіею управлялъ епископъ Стефанъ, по распоряженію его, говорятъ, этотъ крестъ былъ выданъ какому-то генералу Новицкому, окончившему постройку Хоровской церкви, которая оставлена была основателемъ не оконченною. Которое изъ этихъ двухъ преданій справедливо, мы не знаемъ; но приходскій священникъ, передавшій намъ первое, положительно опровергаетъ послѣднее. На колокольнѣ, составляющей нераздѣльную часть церковнаго зданія, не нашли мы ничего особеннаго; есть впрочемъ колоколъ, вылитый въ 1723

году.—Церковь внутри имѣетъ форму костела; но православный иконостасъ, довольно удачно поставленный, и живопись, украшающая стѣны церкви, сглаживаютъ первое впечатлѣніе и придаютъ храму характеръ Греко-православной святыни. Во время своего посѣщенія Хоровской церкви мы нашли въ ней порядочный пѣвческій хоръ, составлявшійся изъ крестьянскихъ мальчиковъ—учениковъ мѣстной церковно-приходской школы.

Въ томъ же храмѣ нашли мы важный историческій памятникъ, заслуживающій описанія. Подъ престоломъ, въ алтарѣ, вставлена въ помостъ каменная плита, по преданію составлявшая надгробный памятникъ препод. Ѳеодора князя Острожскаго. Но намъ извѣстно, что препод. Ѳеодоръ умеръ и погребенъ въ Кіевѣ, гдѣ и теперь, въ пещерахъ Лавры, почиваютъ блаженные остатки его. Потому можно предполагать, что преданіе смѣшиваетъ князя Ѳеодора съ его сыномъ Василіемъ, скончавшимся въ половинѣ XV вѣка (въ 1450 или 1453 г.) и погребеннымъ въ основанномъ имъ, въ г. Острогѣ, Богоявленскомъ замковомъ храмѣ; впослѣдствіи, какъ говоритъ преданіе, тѣло этого князя было перенесено въ Кіево-печерскую Лавру. Что же касается надгробнаго памятника основателя Богоявленской церкви, то онъ въ ней находился до конца прошедшаго столѣтія (1), а въ настоящемъ его уже тамъ не было; не онъ ли лежитъ въ каменномъ помостѣ подъ престоломъ Хоровской церкви? На плитѣ высѣчена надпись, которую, въ полномъ составѣ, разобрать невозможно, потому что на плитѣ утвержденъ кирпичный престолъ, не закрывающій однихъ начальныхъ словъ каждой строки, а равно и концовъ этихъ строкъ; оставлена также не закрытою половина послѣдней строки; такъ что можно разобрать нѣкоторыя буквы, не имѣющія впрочемъ никакого смысла. Эти буквы суть:

---

(1) Кіевлянинъ 1840, Острожская старина стр. 107.

Є. р. д. ѵ ч
Т є С т о г о

Въ концѣ одной строки остается явственнымъ слово, дающее нѣкоторое понятіе; это: остроз —. На той же плитѣ начертаны слѣдующія буквы, заключенныя въ фигурѣ:

Нельзя не пожелать, дабы этотъ памятникъ, достойный сохраненія въ лѣтописяхъ православной Волыни, вынутъ былъ изъ подъ престола при передѣлкѣ пола въ алтарѣ Хоровской церкви. Тогда вѣроятно можно будетъ вычистить засоренную надпись, снять съ нее копію, и, помѣстивъ ее на видномъ мѣстѣ, самую надгробную плиту положить на прежнее ложе, подъ престолъ. Такимъ образомъ достойный замѣчанія памятникъ будетъ сохраненъ отъ истребленія и находящаяся на немъ надпись останется доступною для прочета и соображеній каждому любителю отечественной старины.

Изъ Хорова по большой торговой дорогѣ, идущей изъ г. Ровно въ Острогъ отправимся въ село *Розважъ*, находящееся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Хорова и не далеко г. Острога. Окрестности Розважа очаровательны: помѣстившись у подошвы холма на которомъ находится церковь и обратившись лицемъ къ востоку, увидимъ предъ собою р. Горынь съ ея плоскими, отороченными, на значительномъ пространствѣ, лозою берегами; на право-Острожско – Вельбовскую длинную (около 4-хъ верстъ) плотину, усаженную деревьями, между коими красиво выдаются

высокія тополи; налѣво—деревушку *Курганы*, которая издали скрывается въ тѣни деревъ;—за ними—горы; онѣ, равно какъ и опушка лѣса за рѣкою, замыкаютъ обозрѣваемый нами горизонтъ. Возвышенности, закрывающія г. Острогъ, нѣкогда украшалъ монастырь Честнаго и Животворящаго креста Господня, коего несомнѣнное существованіе доказываютъ названіе деревни Монастыркою, а также двойные большіе насыпи и камни, которые достаютъ изъ бывшаго монастырскаго фундамента, по увѣренію мѣстныхъ жителей; нѣсколько таковыхъ камней намъ показывали на погостѣ Розважской церкви. Убольшой дороги, идущей изъ г. Острога въ Ровно, въ сѣверозападной части с. Розважа, находится значительное возвышеніе, на коемъ есть множество кургановъ;—что въ нихъ заключается, неизвѣстно. Мѣстный приходскій священникъ, пастырь любознательный, говорилъ намъ, что вблизи его дома, у подошвы горы, нашли человѣческій остовъ съ воткнутымъ въ грудную полость желѣзкомъ копья: По этому можно заключать, что въ упомянутыхъ курганахъ похоронены человѣческіе трупы, принадлежавшіе людямъ погибшимъ, можетъ быть, во время битвъ, происходившихъ между удѣльными князьями, или отъ оружія Татаръ.

Держась въ своемъ слѣдованіи направленія по теченію р. Горыни, встрѣтимъ село *Бродовъ*. Оно занимаетъ низменную мѣстность, которую оторачиваютъ горныя полосы, сопровождающія ложбину рѣки. Низменность эта отчасти лежащая подъ селомъ Бродовомъ, наполняется, во время дождей и таянія снѣговъ, водою, стекающею съ окрестныхъ высотъ. Вода, останавливаясь во впадинахъ этой луговой полосы, образуетъ во многихъ мѣстахъ броды, можетъ быть, послужившіе поводомъ къ названію села «Бродова». Вблизи этого села на возвышенностяхъ, говорятъ, есть два кургана, изъ коихъ въ одномъ находится впадина; что находится внутри этихъ кургановъ неизвѣстно. Отъ нихъ по направленію къ рощѣ, лежащей противъ деревни *Черняхова*, идетъ ровъ; для чего и кѣмъ онъ устроенъ также никто незнаетъ. На счетъ окрестно-

стей рѣки Горыни можно вообще сказать, что онѣ весьма живописны. Такъ, изъ Бродова увидите предъ собою: зеленый лугъ, по коему вьется лентой рѣка; за нею низменный противуположный берегъ ея съ сельскими хижинами *Могилянъ, Милятина* и *Черняхова;* за тѣмъ отдаленныя возвышенности и раскинутыя рощи, закрывающія окрестности *Мышковецъ* и *Волосковецъ* (1) направо, по лугу рѣки, разбросанныя хижины деревни *Куриновъ*. Все это украшаетъ разнообразитъ картину до того, что нехочется отъ нея оторваться. Въ Бродовѣ есть православная церковь, построенная по одному образцу съ Хоровскою. Ихъ строилъ одинъ и тотъ же фундаторъ; но въ Хоровѣ церковь каменная, а въ Бродовѣ деревянная.

Въ селѣ *Краевѣ* церковь каменная, построенная въ первой половинѣ прошлаго столѣтія (1739 г.) помѣщицею Миссіоновою. Говорятъ, таже самая Миссіонова была основательницею каменной церкви въ *Тайкурахъ;* дѣйствительно храмъ Тайкурскій, архитектурою своею и внутренними украшеніями, припоминаетъ церковь Краевскую; живопись, украшающая стѣны той и другой, одного стиля; только Краевская церковь какъ будто поменьше Тайкурской.

Въ Краевѣ показывали намъ, въ помѣщичьей усадьбѣ, старый каменный домъ, называемый *муроанкою,* который служилъ, какъ говорятъ, казнохранилищемъ князей Острожскихъ. Домъ этотъ двуэтажный; мы невидали комнатъ перваго этажа,—онъ былъ запертъ во время нашей бытности; а второй удалось осмотрѣть. Весьма толстыя стѣны зданія, крѣпкая, окованная желѣзными прутьями, дверь, которою закрытъ былъ входъ въ нижній этажъ, какъ будто обличали назначеніе *муроанки.* Во второмъ верхнемъ этажѣ мы нашли двѣ обширныя комнаты, стариннаго устройства, отдѣленныя одна отъ другой длиннымъ и узкимъ

(1) Черняховъ—деревня; Могиляне, Милятинъ, Волосковцы—села, Мышковцы—урочище; всѣ въ Острожскомъ уѣздѣ.

поперечнымъ коррндоромъ; этотъ послѣдній, очевидно, нѣкогда составлялъ сѣни, въ кои вела дверь, служащая теперь для выхода на балконъ; вѣроятно, здѣсь прежде было крыльце, къ которому вела лѣстница, устроенная снаружи зданія. Теперь эта лѣстница уничтожена а входъ въ этажъ открытъ съ боку. Подъ домомъ, по разсказамъ завѣдывавшаго имъ человѣка, находятся большіе погреба; они и въ горѣ, лежащей по другой сторонѣ пруда подъ помѣщичьимъ садомъ; тамъ были такіе запутанные и притомъ столь обширные ходы, что онъ самъ, завѣдывая тѣми погребами, нѣкогда заблудился и оставался въ подземельи цѣлый день, покамѣстъ его не отыскали и не вывели на Божій свѣтъ.

Далѣе, на сѣверовостокъ отъ Краева, лежатъ села *Колесники* и *Вильгоръ*. Они находятся одно обокъ другаго, одно и другое имѣютъ церкви, но самостоятельная въ Вильгорѣ. Названіе это испорченное и происходитъ, конечно, отъ слова *велегоръ;* и въ самомъ дѣлѣ, мѣстность, занимаемая имъ, довольно холмистая, и на берегахъ рѣки Горыни значительно приподнята надъ уровнемъ воды. Въ Вильгорѣ на возвышенности, занимаемой церковью, есть довольно замѣчательный окопъ. Онъ примыкаетъ, съ одной стороны къ рѣкѣ, съ другой—къ глубокому оврагу, по коему протекаютъ и изливаются въ рѣку воды находящагося у села пруда; съ прочихъ сторонъ окопъ этотъ окруженъ ровомъ, у берега коего, вблизи церкви, устроенъ высокій земляной гребень, имѣющій, по словамъ дьячка (коего здѣсь усадьба), погреба. Внутри окопа прежде была церковь, которая сгорѣла; новая построена не въ дальнемъ разстояніи отъ прежней, внѣ окопа; внутри его помѣщаются усадьбы священника и дьячка. По словамъ перваго, въ огородѣ его выкапывается такое множество камней и кирпича, что они служатъ помѣхою при вспахиваніи земли; преданіе присовокупляетъ, что здѣсь былъ каменный замокъ.

Изъ Вильгора, придерживаясь рѣки Горыни, чрезъ село Бугринъ, въ которомъ тоже есть православная цер-

ковь, неизвѣстно кѣмъ и когда основанная, достигаемъ села *Томахова*. Въ послѣднемъ на берегахъ той же рѣки лежитъ земляное укрѣпленіе, окруженное съ тѣхъ сторонъ, гдѣ не касается рѣки, рвомъ, въ коемъ и теперь есть вода; укрѣпленіе это крестьяне называютъ замкомъ. Прибавьте къ тому, что оно находится не на лугу рѣки Горыни, а на примыкающей къ нему возвышенной плоскости; эта послѣдняя лежитъ въ уровень, или даже выше поверхности, занимаемой селомъ, и приподнята подъ далеко разстилающимся лугомъ на нѣсколько саженъ. Въ бывшемъ укрѣпленіи, по разсказамъ туземцевъ, искали спасенія окрестные жители во времена нашествія враговъ; но какихъ и когда, о томъ преданіе умалчиваетъ. Намъ тамже говорили, что валы укрѣпленія были раскапываемы; рылись и во внутреннихъ частяхъ его, но ничего тамъ не нашли: ни остатковъ каменныхъ стѣнъ, ни фундамента, ни погребовъ, обыкновенно устраивавшихся въ замкахъ. На противуположномъ берегу рѣки есть курганъ; такихъ кургановъ встрѣчается по берегамъ Горыни множество.

Какая богатая панорама открывается на окрестности Томаховскаго окопа! Помѣстившись на валахъ его, находите у ногъ обрывистый берегъ и, у подножія его, тихо текущія воды Горыни. За ними разстилаются, на значительномъ пространствѣ, луга, за коими тянутся опять возвышенные берега рѣчной ложбины; тамъ далѣе виднѣется и село Симоновъ съ верхами своихъ высокихъ тополей, обозначающихъ усадьбу князя Святополка—Четвертинскаго; на лѣво отъ Симонова—роща и село *Горбаковъ;* позади васъ—село *Бугринъ;*—картина чудная! Къ несчастію, рѣка, разнообразившая эту мѣстность, орошающая богатые и обширные луга, производитъ не мало и опустошеній: весною отъ тающихъ снѣговъ, а въ другія времена года отъ большихъ дождей, набирается въ ложбинѣ немало воды, которая разливается на большое пространство, затопляетъ луга, уноситъ сѣно; а въ селѣ Томаховѣ, подмывая лѣвый берегъ, производитъ значительные въ немъ обвалы. Отъ того русло рѣки пода-

ется все далѣе и далѣе. Говорятъ, что село это, находящееся теперь на лѣвомъ берегу Горыни, прежде было на правомъ; приходская Томаховская церковь, на счетъ коей въ клировыхъ вѣдомостяхъ показывается, что она построена въ 1500 году, нѣкогда находилась на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь течетъ рѣка: по случаю обвала произведеннаго водами ея, церковь должна была обрушиться, почему ее перенесли на нынѣшнее мѣсто. Только такимъ образомъ можно объяснить долговременное ея существованіе, если показаніе клировыхъ вѣдомостей безошибочно: быть можетъ у прежней церкви, основанной въ 1500 г. сняли верхъ, вынули полусогнившія подвалы, затѣмъ оставившіяся части ея поставили на катки и передвинули ихъ на нынѣшнее мѣсто, подальше отъ рѣчнаго берега. Это предположеніе оправдывается и тѣмъ, что у нынѣшней церкви, верхнія и нижнія части новы, а среднія ветхи. Иначе, какъ объяснить это послѣднее явленіе?

Изъ Томахова, придерживаясь лѣваго берега Горыни, можно чрезъ *Горбаковъ* достигнуть *Дорогобужа*. Это такой историческій пунктъ, у коего стоитъ приостановиться, для ближайшаго съ нимъ ознакомленія.

---

6. СЕЛО ДОРОГОБУЖЪ

ОСТРОЖСКАГО УѢЗДА.

Село Дорогобужъ лежитъ на возвышенныхъ берегахъ рѣки Горыни. Волнообразная мѣстность, имъ занимаемая, составляетъ одну изъ послѣднихъ вѣтвей Авратынской сплошной возвышенности или Волыно-Подольскаго плато, теряющагося на сѣверѣ Волыни въ топяхъ. Дорогобужъ составляетъ теперь топографическій пустырь; нѣкогда онъ былъ стольнымъ городомъ Дорогобужскаго княжества, можетъ быть, резиденціею Давида Игоревича, разыгравшаго слишкомъ печальную роль въ исторіи междоусобій втораго поколѣнія Ярославова дома. Укажемъ здѣсь

важнѣйшіе факты исторіи этого княжества, затѣмъ опишемъ все замѣчательнѣйшее въ мѣстности, которую, можно полагать, занималъ древній Дорогобужъ, и что имѣетъ видъ старины.

Названіе Дорогобужа очевидно происходитъ изъ того же корня, что и Бужане, Бужскъ (1), гора Бужья или Божья (2), рѣки южный и западный Бугъ, Межибожье или Межибожъ на Южномъ Бугѣ (3), рѣка Забужина (4). Признано (5), что Дулѣбы—славянское поколѣніе, занимало Западную Волынь, и что Бужане обитали у истоковъ обоихъ Буговъ—Южнаго и Западнаго. (Tabulæ geographicæ Evropæ ad statum, quo sub finem an. 700, 800, 900 post Christ. nat. fuit, descripta a C. Kruse, —(6). Принявъ это положеніе, можно допустить, что такъ-какъ переправа чрезъ р. Горынь прежде находилась у Дорогобужа и дорога въ страну Бужанъ въ этомъ мѣстѣ поворачивала къ югу, то и самое населеніе въ пунктѣ поворота названо Дорога—бужъ (7).

---

(1) Теперь Бускъ — мѣстеч. въ Галиціи, при запад. Бугѣ (Соловьевъ).

(2) Въ Кременец. уѣздѣ, вблизи мѣстечка Бережецъ.

(3) Въ Подольской губ. Летичевскомъ уѣздѣ.

(4) Въ Кременецкомъ уѣздѣ у мѣстечка Лановецъ протекаетъ рѣчка этого названія.

(5) Шафаринъ, Славян. древн.

(6) C. Kruse Atlas und Tabellen zur Übersicht das Geschichte Jahre. 1834.

(7) Ниже мы доказываемъ, что главный трактъ изъ Кіева во Владиміроволынскъ проходилъ чрезъ Дорогобужъ, возлѣ котораго была и переправа чрезъ р. Горынь. Конечно, во времена до-историческія нельзя предполагать такъ частыхъ сношеній, какъ во времена существованія удѣловъ, между этими пунктами; но нельзя совсѣмъ и отвергать ихъ, потому—что жившіе въ сосѣдствѣ славянскія поколѣнія, каковыми были Поляне и древляне, Дулѣбы и Бужане должны же были находиться между

Первоначально Дорогобужъ—на Горыни входилъ въ составъ Владиміроволынскаго княжества. Это мнѣніе основываемъ на допущеніи, что Владиміроволынскій князь Ярополкъ Изяславичъ питалъ злобу къ великому князю Всеволоду Ярославичу за отдѣленіе послѣднимъ Дорогобужа отъ Владиміроволынской области и предоставленіе его Давиду Игоревичу, въ качествѣ особой волости (3). Послѣ того на Дорбгобужъ можно смотрѣть какъ на пригородъ Владиміроволынска; затѣмъ замѣчаемъ, что въ эпоху споровъ между—княжескихъ Дорогобужъ предоставляли тому изъ князей, которому нехотѣли дать Владиміроволынска, какъ напримѣръ, Давиду Игоревичу.

Давидъ, о которомъ мы сейчасъ упомянули, былъ сыномъ Игоря Ярославича, занимавшаго, по смерти отца, Владиміроволынскій столъ и переведеннаго, по смерти брата своего Вячеслава, въ Смоленскъ, въ которомъ Игорь и скончался. Давидъ, оставшись по смерти отца изгоемъ, т. е. княземъ безъ волости, является прежде въ Тмуторокани, потомъ въ Днѣпровскомъ устьѣ для грабежа греческихъ купцевъ, ведшихъ торговлю съ Кіевомъ; затѣмъ въ 1084 г. получаетъ отъ Всеволода Ярославича Дорогобужскую волость, которая оставалась за нимъ до самой кончины. Но на первый разъ Дорогобужъ недолго составлялъ отдѣльное княжество. Великій князь Всеволодъ, недовольный Ярополкомъ Изяславичемъ, негодовавшимъ на него за отдѣленіе отъ Владиміроволынска Дорогобужской волости, послалъ противъ Ярополка сына своего Владиміра Мономаха, который и лишилъ его Владиміроволынска, отдавъ этотъ городъ въ 1085 г. Давиду Игоревичу. Хотя скоро послѣ того, именно въ 1086 г. Ярополкъ воротился снова въ Владиміроволынскъ, но какъ,

---

собою въ соприкосновеніи. Теперь изъ Дорогобужа въ югозападную часть Волыни и восточную Галицію путь идетъ чрезъ Бугрынъ, Вильгоръ, Острогъ, Куневъ и т. д. —Нѣтъ повода отвергать существованія дороги въ подобномъ направленіи во времена и до-историческія, къ которымъ относимъ возникновеніе Дорогобужа.

по прошествіи незначительнаго времени, былъ убитъ нѣкіимъ нерядцемъ, то Владиміроволынскъ, можно предполагать, былъ отданъ Давиду Игоревичу, за которымъ и утвержденъ былъ на Любечскомъ княжескомъ съѣздѣ въ 1097 г., потому—что до этого времени не находимъ извѣстій, чтобы Давидъ владѣлъ какимъ нибудь другимъ городомъ. Въ оба пріема своего господства во Владиміроволынскѣ, Давидъ Игоревичъ, повсей вѣроятности, владѣлъ и Дорогобужскою волостью. Этому предположенію находимъ основаніе въ словахъ Мстислава Изяславича, сказанныхъ Глѣбу Юрьевичу, спустя полвѣка слишнимъ, въ Корческѣ. «Ступай, братъ, къ отцу своему (Юрію) въ «Кіевъ; волость отца моего (Изяслава Мстиславича) и моя по Горынь». Вѣроятно, права свои Мстиславъ основывалъ на давности владѣнія, указывая на границу послѣдняго. р. Горынь; а Дорогобужъ находится на лѣвой, или Владимірской сторонѣ рѣки. Кромѣ того, нигдѣ не находимъ, чтобы, въ этотъ промежутокъ времени, Дорогобужъ принадлежалъ какому—нибудь другому князю; естественнѣе всего было оставить этотъ городъ въ рукахъ Владимірскаго князя, коему онъ принадлежалъ прежде.

За тѣмъ находимъ, что Святополкъ Изяславичъ, вышедъ противо Давида Игоревича вслѣдствіе обѣщанія князьямъ—наказать этого князя за ослѣпленіе Василька Теребовльскаго, ожидалъ своихъ полковъ въ Дорогобужѣ, вѣроятно—первомъ пограничномъ городѣ Владиміроволынскаго княжества. Для прекращенія этихъ междоусобій на съѣздѣ въ Витичевѣ, или Увѣтичахъ въ 1100 г. русскіе князья порѣшили отнять у Давида Игоревича Владиміроволынскую область и ограничить его владѣніемъ Дорогобужа, Дубна, Острога, Чарторыйска и Бужска. Въ Дорогобужской волости Давидъ провелъ остальные дни свои и въ ней скончался въ 1112-мъ г.; но потомству его не суждено было владѣть ею, потому что сына его Всеволодка и внука Бориса находимъ впослѣдствіи владѣтелями Городенскими.

Отъ кого зависѣлъ Дорогобужъ по смерти Давида Игоревича? Судя потому, что до временъ Ярополка Изя-

славича, князя Владиміроволынскаго, какъ мы сказали выше, Дорогобужъ входилъ въ составъ его владѣній, а также на основаніи яснаго указанія «въ трудахъ Волынскаго Статистическаго Комитета за 1867 г. (стр. 15), «что удѣлъ Давида Игоревича присоединенъ къ удѣлу «Ярослава Святополковича,»—можно допустить это послѣднее мнѣніе. Но при Владимірѣ Мономахѣ, когда Ярославъ Святополковичъ лишенъ былъ Владиміроволынской области, а потомъ при осадѣ Владиміроволынска убитъ, Дорогобужъ, вѣроятно, былъ отдѣленъ отъ этой волости и присоединенъ къ Кіевской. Такъ можно полагать на основаніи словъ Изяслава Мстиславича, сказанныхъ Дорогобужцамъ: «вы «люди дѣда моего и отца». Допустивъ это предположеніе выйдетъ, что Дорогобужъ, подъ конецъ княженія въ Кіевѣ Владиміра Мономаха, будетъ его городомъ, а потомъ сына его Мстислава, а затѣмъ и пріемниковъ его до утвержденія въ Кіевѣ послѣ Ольговичей Изяслава Мстиславича.

Современи вступленія на Кіевскій столъ Изяслава Мстиславича Дорогобужская волость имѣла собственныхъ князей, но ихъ можно считать подручниками двухъ князей —соперниковъ, боровшихся за первенство: самого Изяслава Мстиславича и дяди его Юрія Долгорукаго. И тотъ и другой смотрѣли на Дорогобужъ, какъ на точку опоры, какъ на ограду со стороны властолюбиваго и притязательнаго соперника. Нерѣдко столъ Дорогобужскій былъ соединяемъ съ Перссопницкимъ, и въ общемъ составѣ этотъ послѣдній занималъ первое мѣсто; но такъ-какъ судьбы ихъ были одинаковы, то, желая изложить исторію Дорогобужа, мы принуждены будемъ говорить о событіяхъ, касавшихся Пересопницы. Въ этомъ описаніи придется намъ слѣдовать за ходомъ событій, касающихся Кіевскаго стола; но это неизбѣжно при изложеніи исторіи, въ коей старѣйшій столъ—Кіевскій стоитъ на первомъ планѣ, а какая-нибудь Персопница и Дорогобужъ—на второмъ и даже третьемъ, и участь послѣднихъ зависѣла отъ положенія перваго.

Храбрый изъ храбрыхъ, доблестнѣйшій изъ Мономаховичей Изяславъ Мстиславичъ едва занялъ Кіевъ, разбивъ и плѣнивъ пользовавшагося правами старѣйшинства —Игоря Ольговича, какъ старшій изъ Мономаховичей Вячеславъ Владимировичъ сталъ играть роль великаго князя. Тогда Изяславъ показалъ, что онъ занялъ Кіевъ для себя, отнялъ у дяди Вячеслава Туровъ и заставилъ довольствоваться Пересопницею (1) и Дорогобужемъ. Слабодушный Вячеславъ замолкъ; но честолюбивый братъ его Юрій Суздальскій или долгорукій рѣшился отстаивать права свои на первенство. Въ завязавшейся по этому поводу борьбѣ между дядею Юріемъ и племянникомъ Изяславомъ княжившій въ Пересопницѣ и Дорогобужѣ Вячеславъ, разумѣется, былъ на сторонѣ перваго, тѣмъ болѣе, что тотъ занялъ и Кіевъ послѣ битвы, у Переяславля въ 1149 г.

Изяславъ, оставивъ Кіевъ и найдя пристанище во Владиміровольшскѣ, казалось отказывался за себя отъ Кіева, но требовалъ этого города для старѣйшаго между Мономаховичами Вячеслава Владиміровича. Изяславъ послалъ въ Пересопницу сказать дядѣ: «ступай, садись въ «Кіевѣ, а съ Юріемъ я не могу жить. Если же не хо«чешь принять меня въ любовь, и непойдешь въ Кіевъ на «столъ, то я пожгу твою волость.» Вячеславъ непринялъ предложенія и остался на сторонѣ Юрія. Зная, что къ Изяславу идутъ на помощь Венгры и Поляки, Вячеславъ, коего владѣнія граничились съ Изяславовыми, совѣтовалъ Юрію или мириться съ племянникомъ, или подать ему (Вячеславу) пособіе. Вслѣдствіе того Юрій вышелъ съ своими полками противъ Изяслава, повелѣлъ и сыновьямъ своимъ Ростиславу и Андрею идти противъ него; всѣ они собрались въ Пересопницѣ у Вячеслава. Съ своей стороны выступилъ съ Венграми и Поляками противъ дядей и Изяславъ; но союзники, угрожаемые собственными врагами,

(1) Пересопница теперь село, на рѣкѣ Стубелѣ, въ Ровенскомъ уѣздѣ.

предложили русскимъ князьямъ мириться. Когда же переговоры, начатые между дядьями и племянникомъ, пошли безуспѣшно, то Юрій распорядился, дабы сыновья его съ Половцами шли къ Луцку на Изяслава, куда двинулся и самъ съ Вячеславомъ. Вовремя похода Ростислава и Андрея Юрьевичей съ Половцами у Муравицы (1) послѣдніе чего то переполошились и оставили союзниковъ; тогда и Андрей отступилъ къ Дубну; здѣсь онъ соединился съ братьями и Половцами и, услышавъ что отецъ въ походѣ, двинулся съ союзниками къ Луцку, у стѣнъ коего пріобрѣлъ славу своимъ блестящимъ мужествомъ. Впрочемъ Юрій, неуспѣвъ взять этого города, вслѣдствіе заступничества Пересопницко-Дорогобужскаго Вячеслава и Галицкаго Владимірка, согласился примириться съ племянникомъ: Изяславъ явился къ дядямъ въ Пересопницу и русскіе князья, усѣвшись на одномъ коврѣ, уговорились возвратить другъ другу все захваченное послѣ Переяславской битвы.

Примирившись съ племянникомъ Юрій нехотѣлъ однакожъ исполнять условій заключеннаго съ нимъ договора; почему старался и укрѣпить себя стороны Изяслава, оставшагося владѣтелемъ Владиміроволынска, предоставленіемъ Пересопницы и Дорогобужа сыну своему Глѣбу; послѣ чего Вячеславъ остался владѣтелемъ одного Вышгорода. Обиженный дядею Изяславъ принужденъ былъ возобновить съ нимъ войну. «Изъѣхавъ» Глѣба въ Пересопницѣ, забравъ его дружину и имѣніе, Изяславъ заставилъ сына своего противника смириться. «Яко мнѣ Георгій «отецъ, тако мнѣ и ты отецъ,» говорилъ Глѣбъ Изяславу, «азъ ти кланяюсь; ты съ моимъ отцемъ самъ вѣдаешь, «а мене пусти къ отцю и цѣлуй къ мнѣ св. Богородицю, «яко мене не пріймеши (незадержишь).»—Изяславъ далъ требуемую клятву, позвалъ Глѣба къ себѣ на обѣдъ и взялъ съ собою въ Дорогобужъ. Оттуда отпустилъ, въ

(1) Муравица мѣстечко въ Дубенскомъ уѣздѣ, на большой почтовой дорогѣ между Луцкомъ и Дубно.

сопровожденіи сына своего Мстислава, въ Корческъ (1). Прощаясь съ Глѣбомъ, Мстиславъ сказалъ: «поѣдижъ, «брате, къ отцю (Юрію), а волость отца моего и моя «по-Горыню» (2). Изяславъ двинулся безпрепятственно на Кіевъ и, послѣ бѣгства Юрія, занялъ этотъ городъ.

На этотъ разъ недолго господствовалъ въ Кіевѣ Изяславъ. Союзникъ Юрія Владимірко Галицкій заставилъ его снова бѣжать во Владиміроволынскъ, причемъ Изяславъ занялъ По-горинскія мѣста и посадилъ въ Дорогобужѣ сына своего Мстислава. И Мстиславъ Изяславичъ недолго сидѣлъ въ Дорогобужѣ: узнавъ о приближеніи Владимірка, бѣжалъ оттуда, а союзникъ Юрія отдалъ Погоринскіе города сыну его Мстиславу Юрьевичу. Впрочемъ Юрій Долгорукій за лучшее счелъ отдать Погоринскія мѣста храбрѣйшему и благоразумнѣйшему изъ своихъ сыновей Андрею, желая лучше укрѣпиться со стороны Владиміроволынска. «Той же осени», говоритъ лѣтописецъ, «далъ ему Андрею отецъ волость Туровъ, Пинскъ, «и Дорогобужъ, и Пересопница. Андрей поклонился отцу, «пошелъ и сѣлъ въ Пересопницѣ.»

Не напрасны были опасенія Юрія. Тойже зимы (1150 г.) Изяславъ Мстиславичъ началъ пересылаться съ Андреемъ слѣдующими рѣчами: «примири меня, братъ, «съ отцемъ своимъ. Но присылалъ къ нему для того, чтобы разсмотрѣть нарядъ его и городскія укрѣпленія; «бѣ бо «прежѣ изъѣхалъ братъ его ту Глѣбъ, тогоже и здѣ «ловяше. Но не сбыся мысль его». Это значитъ: прежде удалось Изяславу напасть на неготоваго въ Пересопницѣ къ оборонѣ Глѣба и захватить послѣдняго въ свои руки; подобнымъ образомъ онъ хотѣлъ поймать и Андрея; но не сбылись его планы.—У Андрея все было въ порядкѣ и его невозможно было захватить въ свои руки посредствомъ нечаяннаго нападенія.

---

(1) Корческъ, нынѣ Корецъ, мѣстечко въ Новоградволынскомъ уѣздѣ, на Кіево-Брестскомъ шоссе.

(2) Кіевская лѣтопись.

Не смотря на эту неудачу Изъяславъ будучи въ дружбѣ съ Андреемъ Венгерскимъ и получивъ отъ него помощь двинулся въ 1151 году противъ Юрія. «Изъ-«яславъ, говорится въ лѣтописи, пришедши, сталъ выше «Пересопницы и пожегъ Зарѣческъ (1). Оттуда пошелъ «къ Дорогобужу съ сыномъ своимъ Мстиславомъ и Бо-«рисомъ Городенскимъ. Жители этого города вышли къ «нему съ крестами и поклонились. Изъяславъ сказалъ «имъ: «вы люди дѣда моего и Отца, Богъ вамъ въ по-«мощь».—«Съ тобою, князь, чужеземцы—Венгры; какъ бы «не сдѣлали зла нашему городу, говорили Дорогобужцы. —«Я вожу Венгровъ и всякихъ другихъ иноземцевъ не «на своихъ; а на враговъ, не бойтесь ничего».—«И пе-решедъ Горынь, пошелъ къ Корческу.» Корчане, вышедши, тоже поклонились ему; Изъяславъ здѣсь остановился, не достигнувъ до рѣки Случи. Между тѣмъ и союзникъ Юрія Владимірко выступилъ въ походъ и вызвалъ къ себѣ Андрея Пересопницкаго. Андрей поднялся съ дружиною (сняся) у Мыльска (2) послѣ чего къ Изъяславу скоро дошла вѣсть, что Владимірко Галицкій, Андрей Юрьевичъ и Владиміръ Андреевичъ пришли къ Дорогобужу съ боль-шими силами и переправляются чрезъ Горынь. Избѣгая безполезнаго столкновенія съ непріятелями, Изъяславъ перешелъ Случь, Ушу подъ Ушескомъ, Мичскъ (3), гдѣ встрѣченъ былъ дружиною, сидѣвшею на берегахъ Тете-

(1) Вѣроятно нынѣшній Зарѣцкъ въ Ровенскомъ уѣздѣ не далеко Пересопницы.

(2) Въ Острожскомъ уѣздѣ есть село Новый Мыльскъ; вблизи его и д. Здолбунова есть деревня Старый Мыльскъ; не тамъ ли находился Мылскъ, о которомъ здѣсь упоминается.

(3) Гдѣ были Ушескъ и Мичскъ опредѣлить трудно. Есть теперь мѣстечко Ушомиръ при р. Ушѣ; не называли ли его прежде Ускомъ? Мичскъ, какъ видно лежалъ гдѣ-то между рѣками Случью и Тетеревомъ; или, быть можетъ, при самомъ Тетеревѣ.

рева и жителями Минска. Перешедши Тетеревъ, Изъяславъ пошелъ на Вздвижень (1), и когда братъ его Владиміръ занялъ Бѣлгородъ (2), изъѣхавъ тамъ Бориса Юрьевича, то этотъ послѣдній убѣжалъ въ Кіевъ, и Изъяславу легко было занять этотъ городъ. Тогда и Вячеславъ прибылъ въ Кіевъ, будучи признанъ старѣйшимъ княземъ отъ племянника еще прежде, въ 1150 году.— Вячеславъ ограничился однимъ названіемъ отца, между тѣмъ какъ племянникъ, назвавшій себя сыномъ, управлялъ дѣлами княжества и дружиною своею и Вячеславовою.

Изъяславъ Мстиславичъ, придавъ своему господству въ Кіевѣ законный характеръ, удержался въ немъ до смерти; тогда и сыну Юрія Андрею нельзя было долѣе оставаться въ Переяславцѣ. Поэтому Андрей Юрьевичъ вмѣстѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ, явился къ отцу своему на лѣвой сторонѣ Днѣпра; но Юрій послалъ Владиміра Андреевича къ Владимірку Галицкому, просить его содѣйствія вслѣдствіе чего послѣдній посадилъ Владиміра Андреевича на Дорогобужскомъ столѣ (3). Тотъ возблагодарилъ своихъ покровителей особеннымъ образомъ. Юрій хотя и признавалъ старѣйшимъ Вячеслава, но требовалъ удаленія изъ Кіева Мстиславичей. Угрожаемый въ Кіевѣ Юріемъ изъ Переяславля, Изъяславъ готовился возобновить борьбу съ противникомъ. На помощь Изъяславу сынъ его Мстиславъ велъ Венгровъ и остановился съ

(1) Быть можетъ нынѣшняя деревня Здвашка на рѣкѣ Здвижи Радомысльскаго уѣзда Кіевской губерніи. Истор. Россіи Соловьева, томъ II, стр. 117.

(2) Бѣлгородъ, нынѣ Бѣлогородка, мѣстечко въ Кіевской губерніи, недалеко Кіева; оно лежитъ на старой почтовой дорогѣ, проходившей между Кіевомъ и Житоміромъ. Находящіеся тамъ валы показываютъ, что оно играло важную роль въ прежнія времена.

(3) Исторія Россіи Соловьева томъ II, примѣчаніе 260.

отрядомъ ихъ у Сапогыня (1) близъ Дорогобужа. Быть можетъ для угожденія Владимірку Галицкому и Юрію Владиміровичу, Владиміръ Андреевичъ прислалъ изъ Дорогобужа въ станъ Мстиславовъ много вина. Предавшись неумѣренной попойкѣ, Венгры уснули мертвецкимъ сномъ; этимъ воспользовался находившійся вблизи Владимірко Галицкій, напалъ на сонныхъ и перебилъ почти всѣхъ Венгровъ, такъ что Мстиславъ спасся бѣгствомъ въ г. Луцкъ, только съ своею дружиною. Несмотря на то, Юрій былъ вытѣсненъ изъ Переяславля, а потомъ и изъ Городка (2). Тогда Изъяславъ рѣшился отомстить и Владимірку Галицкому за содѣйствіе Юрію. Собравъ дружину свою и Вячеславову, Кіевлянъ и Черныхъ клобуковъ онъ соединился у Дорогобужа съ роднымъ братомъ Владиміромъ Мстиславичемъ, у Пересопницы съ двоюроднымъ—Владиміромъ Андреевичемъ. Поэтому заключаютъ, что въ 1152 г. Владиміръ Андреевичъ княжилъ уже не въ Дорогобужѣ, а въ Пересопницѣ; на Дорогобужскомъ же столѣ сидѣлъ Владиміръ Мстиславичъ (3). Отправившись противъ Владиміра, Изъяславъ окончилъ походъ выгоднымъ для себя договоромъ. Но какъ этотъ договоръ былъ не выполненъ со стороны Галицкаго князя, то Изъяславъ предпринималъ другой походъ уже противъ сына Владимірка Ярослава; на дорогѣ присоединились къ Изъяславу братъ его изъ Дорогобужа Владиміръ Мстиславичъ и Владиміръ Андреевичъ изъ Бреста; значитъ послѣдній перемѣнилъ Пересопницу на Брестъ. Мы здѣсь не касаемся дальнѣйшей исторіи княжества Кіевскаго въ княженіи Изъяслава Мстиславича, такъ какъ она не уясняетъ намъ судьбы Дорогобужа.

---

(1) Нынѣ деревня Сапожинъ, въ Острожскомъ уѣздѣ, не далеко Дорогобужа и мѣстечка Гощи.

(2) Городецъ Остерскій, иначе Юрьевъ. Исторія Россіи Соловьева, томъ II, примѣчаніе 226.

(3) Тамъ же примѣч. 274.

При Юріѣ Долгорукомъ (1155—1157) находимъ, что занимавшій Дорогобужскій столъ Владиміръ Мстиславичъ находился уже на Владиміроволынскомъ столѣ; но былъ лишенъ его Мстиславомъ Изъяславичемъ. У послѣдняго Юрій хотѣлъ было отнять Владиміроволынскъ и передать этотъ городъ Владиміру Андреевичу; но не имѣлъ успѣха въ предпріятіи. Прибывъ въ Дорогобужъ, Юрій сказалъ покровительствуемому имъ племяннику: «сынъ, мы цѣло-«вали крестъ вмѣстѣ съ отцемъ твоимъ, что кто изъ насъ «останется въ живыхъ, то будетъ отцемъ дѣтей умер-«шаго, волости за ними удержитъ; а потомъ я и тебѣ «поклялся имѣть тебя сыномъ и Владиміра искать тебѣ; «теперь, если Владиміра не добылъ, то вотъ тебѣ во-«лость: Дорогобужъ, Пересопница и всѣ Погоринскіе «города.»

Этотъ Владиміръ Андреевичъ былъ внукомъ Владиміра Мономаха и сыномъ князя, владѣвшаго прежде Владиміроволынскомъ, потомъ Переяславлемъ и заслужившимъ названіе добраго. Послѣ неудачнаго похода Юріева къ Владиміроволынску Владиміръ Андреевичъ долженъ былъ довольствоваться Пересопницею и Дорогобужемъ и въ послѣднемъ городѣ окончилъ свою жизнь.

Во время княженія въ Кіевѣ Ростислава Смоленскаго (1158—1168) находимъ Владиміра Андреевича принимающимъ участіе въ дѣйствіяхъ другихъ князей; по смерти же Ростислава, когда Мстиславъ Изъяславичъ задерживался съ прибытіемъ въ Кіевъ, Владиміръ Андреевичъ, желая располагать русскими волостями, вступилъ противъ него въ союзъ съ другими князьями. Тогда Мстиславъ поспѣшилъ исправить свою ошибку и союзники принуждены были отказаться отъ своихъ плановъ. За тѣмъ Владиміръ Андреевичъ принималъ участіе въ походѣ другихъ князей противъ Половцевъ для освобожденія Гречниковъ отъ ихъ хищности (1); по возвращеніи же

(1) Гречниками назывались русскіе и иноземные купцы, привозившіе изъ Греціи въ Кіевъ товары; обыкновенно

союзниковъ во свояси между ними самыми начала проявляться недовѣрчивость и завязалась вражда. И Владиміръ Андреевичъ питалъ неудовольствіе къ великому князю Кіевскому Мстиславу за то, что тотъ не далъ ему новыхъ городовъ во владѣніе. Таковыми отношеніями князей къ Мстиславу воспользовался Андрей Боголюбскій, господствовавшій въ сѣверовосточной или Суздальской Руси; изъ недовольныхъ онъ образовалъ союзъ и ополченіе 11-ти князей явилось въ 1169 году у Кіева. Какъ извѣстно, 8-го марта тогоже года «мать городовъ русскихъ взята копіемъ (посредствомъ приступа) и отдана на щитъ (разграбленіе, сожженіе) торжествующаго ополченія. Сколько было сдѣлано при этомъ зла можно судить потому, что разграблены были монастыри и храмы, даже Софійскій и Десятинный: побѣдители брали иконы, снимали колокола и уносили въ свои города. Видно и Дорогобужцы не отставали отъ прочихъ союзниковъ, потому что Дорогобужская дружина, припоминая зло, принесенное Кіевлянамъ во время грабежа, впослѣдствіи опасалась явиться въ Кіевъ съ тѣломъ своего князя и говорила князю Вышгородскому Давиду Ростиславичу: «князь, «самъ ты знаешь, что мы надѣлали Кіевлянамъ; нельзя «намъ идти — убьютъ насъ!» — Не удивительно, что и Мстиславъ Изъяславичъ, бѣжавшій изъ Кіева въ Владиміроволынскъ, въ томъ же 1169 году рѣшился отомстить ближайшему изъ своихъ непріятелей за нападеніе на Кіевъ — князю Дорогобужскому Владиміру Андреевичу. Вспомоществуемый Галичанами, Мстиславъ подступилъ къ самому Дорогобужу и бился подъ городомъ; но не успѣлъ взять его и долженъ былъ ограничиться опустошеніемъ волости.

Скоро послѣ этой невзгоды Владиміръ Андреевичъ скончался. Заслуживаетъ замѣчанія то, что кормильцемъ

эти купцы шли на лодкахъ р. Днѣпромъ и нерѣдко подвергались грабежамъ состороны Половцевъ.

его былъ *Паукъ*, посадникъ Шумскій (1); также Дорогобужскій боярин *Гаврило Васильевичъ*, при Владимірѣ Андреевичѣ, находился въ числѣ пословъ, которыхъ посылали русскіе князья къ Кіевскому князю Изяславу Давидовичу. Теперь у Дорогобужа явился князь, находившійся въ Волынскомъ городѣ Полонномъ (2), принадлежавшемъ въ то время Кіевской Десятинной церкви, Владиміръ Мстиславичъ. Онъ пообѣщалъ Дорогобужскимъ боярамъ и вдовѣ предшественника некасаться имѣній ихъ, уговаривая передать волость въ его руки; но едва получилъ ее, какъ пограбилъ имѣніе умершаго князя и вдову съ тѣломъ заставилъ удалиться изъ города. Несчастная принуждена была сопровождать печальные останки своего мужа въ Кіевъ; но Давидъ Вышгородскій, опасаясь, дабы она не попалась въ руки Мстислава, угрожавшаго въ то время Кіеву, непустилъ ее и въ этотъ городъ. За тѣломъ усопшаго князя незахотѣла слѣдовать и дружина его по причинамъ, изъясненнымъ нами выше; Давидъ не пустилъ и своихъ воиновъ, приготовляясь къ войнѣ съ Мстиславомъ. Небыло кому ни стяга нести (несть знамя), ни вести коня за тѣломъ Владиміра Андреевича. «Его стягъ и почести отошли вмѣстѣ съ душею» (мертвые непуждаются ни въ знаменахъ, ни въ почестяхъ), сказалъ князь Давидъ Вышгородскій игумену Поликарпу (Печерскому), который самъ проводилъ тѣло усопшаго князя въ Кіевъ. «Кияне, говоритъ лѣтопись, съ благо-«дареніемъ положили его въ монастырь св. Андрея февр. «въ 21 день, въ первую недѣлю поста, въ субботу». (въ 1170 г.).

Владиміръ Мстиславичъ недолго господствовалъ въ Дорогобужѣ. Будучи долгое время изгнанникомъ и скитальцемъ (лѣтопись говоритъ, что онъ бѣгалъ то въ Галичъ, то въ Венгрію, то въ Рязань, то къ Половцамъ

(1) Шумскъ—мѣстечко въ Кремпенцкомъ уѣздѣ.

(2) Нынѣ мѣстечко Полонное въ Новоградволынскомъ уѣздѣ.

и все повинѣ своей, потому что былъ «втрлнвъ», т. е. вѣроломнымъ), Владиміръ въ послѣднее время своей жизни получилъ Дорогобужскую волость, и скоро послѣ того позванъ, по смерти Глѣба Юрьевича, въ 1171 г., на княженіе въ Кіевъ, какъ старѣйшій въ родѣ. Оставляя Дорогобужъ, онъ отдалъ эту волость сыну своему Мстиславу, котораго скоро послѣ того находимъ въ Триполѣ (1).

Вотъ важнѣйшіе факты, касающіеся исторіи бывшаго Дорогобужскаго княжества.

Но съ окончаніемъ исторіи Дорогобужскаго княжества не оканчивается исторія Дорогобужа—населенія. Чтоже намъ извѣстно на счетъ послѣдующей судьбы его? Очень немногое, и то основывается, большею частью, на догадкахъ и сближеніяхъ. Такъ можно предполагать, что Дорогобужъ въ XIII столѣтіи зависѣлъ или отъ князей Шумскихъ, или Дубровицкихъ (2)—потомковъ (Владиміра св., изъ коихъ, въ эпоху перваго нашествія на русь Монголовъ, въ 1224 г., упоминаются Святославъ Шумскій и Александръ Дубровицкій; а эти города (теперь мѣстечки), лежали почти на одинаковомъ разстояніи отъ Дорогобужа, только въ разныхъ, и притомъ противуположныхъ, направленіяхъ,—первый на югъ, а второй на сѣверъ. Еще съ большею вѣроятностію можно допустить, что Дорогобужъ зависѣлъ отъ Пересопницы, которая, въ первой половинѣ XIII-го вѣка, принадлежала Мстиславу —Нѣмому Ярославичу; перешедшему, по смерти брата своего Ингваря, въ Луцкъ. Этотъ Мстиславъ, умирая, поручилъ сына своего Ивана и вотчину Даніилу Галицкому. Князь Иванъ скоро послѣ того умеръ, а Луцкомъ овладѣлъ было двоюродный братъ Мстиславовъ Ярославъ Ингваревичъ; но принужденъ былъ передать этотъ городъ Даніилу. Этотъ—послѣдній отдалъ Луцко—пересоп-

(1) Триполь—теперь въ Кіевской губерніи.

(2) Дубровица, или Домбровица, мѣстечко въ Ровенскомъ уѣздѣ.

ницкую волость брату своему Василько Владимірскому; но, по смерти Даніила, находимъ Луцкъ въ рукахъ сына его Мстислава. Итакъ, если Дорогобужъ принадлежалъ Пересопницкой волости, то онъ, составляя наслѣдіе Мстислава Нѣмаго, подвергался тѣмъ же перемѣнамъ, коимъ подпадала Луцко—Пересопницкая волость. Быть можетъ, Дорогобужъ принадлежалъ, въ это время, князьямъ Степанскимъ (1), изъ коихъ въ XIII вѣкѣ упоминается о Глѣбѣ, сынѣ его Иванѣ и внукѣ Владимірѣ. Но все это предположенія,—неболѣе.

Въ уставной грамотѣ великаго князя Литовскаго и короля польскаго Александра 1501 г., коею подтверждаемы были всѣ права и вольности всей Волынской земли, предоставленныя привилегіею короля Казиміра, находимъ, что владыка Владимірскій и владыка Луцкій, князья, паны, земяне и шляхта Волынской земли, между прочимъ, жаловались великому князю Александру, что княжескій староста даетъ своимъ намѣстникамъ ярмарки Дорогобужскіе держать впродолженіи цѣлаго года; причемъ тѣ намѣстники пользовались правомъ суда какъ надъ ними самыми, такъ и людьми ихъ, и пользуются судебными пенями. Великій князь Александръ, оставляя, по прежнему, въ рукахъ намѣстниковъ старостъ тѣ ярмарки, ограничилъ права ихъ, въ отношеніи къ судопроизводству, нѣкоторыми постановленіями (2). Такъ какъ намъ извѣстно, что въ королевствѣ польскомъ обязанность старостъ состояла въ блюденіи королевскихъ замковъ, производствѣ въ нихъ суда и собираніи королев-

(1) Степань—тамъ же мѣстечко, при р Горыни. Есть деревня, или село Степань—городъ въ Луцкомъ уѣздѣ; любопытно былобы на мѣстѣ узнать, что подало поводъ назвать это населеніе подобнымъ именемъ. На счетъ Степанскихъ князей смотр. Исторію Соловьева, томъ III, Москва, 1862, стран. 234 и 262.

(2) Акты относящ. къ исторіи южной и западной Россіи, т. I, Спбургѣ 1863, грам. 36 стр. 27—28,

скихъ доходовъ, то изъ вышеприведеннаго акта можно вывести заключенія: 1-е что еще въ XV и началѣ XVI столѣтія оставалось въ Дорогобужѣ укрѣпленіе, считавшееся княжескимъ, или, какъ тогда называли, королевскимъ, которымъ поэтому и завѣдывалъ княжескій староста; вѣдѣнію его принадлежали судъ и доходы королевскіе—отъ суда, ярмарокъ; и 2-е, видно, тогда Дорогобужъ былъ еще городомъ, или, покрайней мѣрѣ, существовали остатки города, когда въ немъ водились ярмарки: извѣстно, что послѣднія, большею частью, бываютъ по городамъ, или мѣстечкамъ, и рѣдко по селамъ, за исключеніемъ тѣхъ, въ коихъ бываетъ большое стеченіе народа, поповоду присутствія общеуважаемыхъ святынь, особенно чудотворныхъ иконъ. Правда, въ Дорогобужѣ впослѣдствіи находимъ монастырь, а до того, какъ можно заключать изъ нѣкоторыхъ намековъ преданія, существовала церковь; но монастырь основаніемъ своимъ обязанъ князю жившему во второй половинѣ XVI и началѣ XVII столѣтія; а то обстоятельство, что церковь, оставшаяся по упраздненію его, весьма бѣдна украшеніями и утварью, показываетъ, что къ ней едвали приходило много народу; иначе, онъ обогатилъ бы ее своими вкладами и приношеніями.

Во второй половинѣ XVI и началѣ XVII-го столѣтія видно Дорогобужъ составлялъ собственность Острожскихъ князей. Къ такому заключенію приводитъ насъ указаніе, что Острожскій князь Константинъ II Константиновичъ († 1608) основалъ въ Дорогобужѣ монастырь: безъ сомнѣнія, изъ уваженія къ древности мѣста, а равно и потому, что оно находилось въ его имѣніяхъ; другія, болѣе вѣроятныя, побужденія представить трудно. По прекращеніи дома князей Острожскихъ Дорогобужъ могъ имѣть разныхъ владѣтелей, подобно прочимъ владѣніямъ этихъ знаменитыхъ князей Волыни. Въ настоящемъ столѣтіи находимъ одну, меньшую часть Дорогобужа, принадлежащею монастырю, а другую, большую, частнымъ владѣльцамъ, очевидно, первая была записана кѣмъ-либо

изъ владѣльцевъ Дорогобужа въ пользу обители, которая пользовалась своею принадлежностію до позднѣйшихъ временъ.

Поищемъ теперь между принадлежностями нынѣшняго Дорогобужа остатковъ старины, или, покрайней мѣрѣ, особенностей, достойныхъ замѣчанія.

Подъѣзжая къ Дорогобужу со стороны села Расникъ, прежде всего останавливаемъ взоръ свой на зданіи каменной православной церкви, бывшей нѣкогда монастырскою. Дорога идетъ у подошвы возвышенностей, оторочивающихъ лугъ, по которому протекаетъ р. Горынь. Проѣхавъ версты двѣ-три изъ Расникъ, находимъ себя предъ плотиною; на лѣво замѣчаемъ низменность и по ней вьющуюся рѣку, на право—прудъ и за нимъ возвышеніе съ господскимъ домомъ. За прудомъ, тоже на возвышеніи, приподнимающемся съ нѣкоторою постепенностію,—каменная церковь, не слишкомъ старой постройки, съ каменными, небольшими корпусами, носящими печальный видъ разрушенія. Вотъ—за плотиною, поворачиваемъ, направо, по берегу пруда, при подошвѣ возвышенія, у коего господскій домъ, къ церкви, чрезъ мѣсто топкое, неудобное для проѣзда, особенно въ мокрое, непастное осеннее, или весеннее время. Съ значительнымъ усиліемъ лошади выбираются здѣсь изъ болота; проѣхавъ это трудное для переѣзда мѣсто, приподнимаемся по довольно крутой, узенькой дорожкѣ, на коей едва-едва видны слѣды проѣзда, на гору. Вотъ наконецъ мы на самой горѣ,—здѣсь находимъ церковь съ двумя, по сторонамъ, небольшими корпусами, составлявшими нѣкогда монастырь; предъ нами—колокольня на 4-хъ деревяныхъ столбахъ, едва прикрытыхъ обветшалыми досками; на ней 3 небольшихъ колокола, изъ коихъ, въ самомъ большемъ, будетъ пудовъ около 5-ти вѣсу, а можетъ быть и меньше того. Чрезъ корридоръ одного изъ бывшихъ монастырскихъ корпусовъ, пристроенныхъ одною стороною къ церкви, переходимъ на главную площадь церковнаго погоста; среди его—на пьедесталѣ каменная статуя Божьей Ма-

тери, далѣе—церковь, обращенная алтарною частью къ сѣверу; направо—одинъ небольшой корпусъ, на лѣво—другой, совсѣмъ похожій на первый; оба въ 2 этажа, пристроенные къ церкви и отдѣлявшіеся отъ нея только узенькими коридорцами. Въ правомъ, въ нижнемъ этажѣ, 4 келіи, очень маленькія съ очень толстыми стѣнами, на верхнемъ—столькоже. На коридорѣ верхняго этажа, на который нужно взбираться по самой дурной лѣстницѣ, рискуя оступиться на выдвигающихся ступеняхъ и сломать себѣ шею, не находимъ даже пола; съ большою опасностью перебираемся по доскамъ, положеннымъ подъ стѣною, въ келіи, все опасаясь за свою жизнь, потому—что доски шатаются подъ ногами, по ветхости, могутъ обломаться и тогда намъ придется падать со втораго этажа на кирпичный помостъ перваго. На верхнемъ этажѣ въ кельяхъ нѣтъ оконъ, печекъ и, кажется, половъ; все это разбито, разломано, разобрано. Въ нижнемъ этажѣ двѣ комнаты заняты дьячкомъ; другія двѣ маленькія, темныя, похожія на капурки—церковно-приходскою школою. Въ лѣвомъ корпусѣ, построенномъ поодному плану съ правымъ, три комнаты, довольно просторныя, устроены въ нижнемъ этажѣ, и столько же въ верхнемъ (впрочемъ утверждаютъ, что въ верхнемъ всего было двѣ комнаты). Передняя часть погоста имѣетъ каменную ограду; такая же, вѣроятно, нѣкогда окружала все пространство его, теперь съ прочихъ сторонъ открытое. Площадь, лежащая передъ лицевою стороною церкви, имѣетъ множество ямъ или впадинъ, образовавшихся, можетъ быть, вслѣдствіе обвала здѣсь существовавшихъ погребовъ; по разсказамъ мѣстныхъ жителей, недавно тутъ же земля обвалилась въ двухъ мѣстахъ и образовала поэтому новыя ямы. Затѣмъ, поперекъ всего этого пространства, отъ одного оврага къ другому, которые охватываютъ съ двухъ сторонъ бывшій монастырскій погостъ, лежитъ углубленіе, похожее на ровъ; мѣстные жители говорятъ, что здѣсь шла дорога изъ одной части деревни—владѣльческой въ другую—казенную, бывшую нѣкогда монастырскою. Можно

однакожъ предполагать, что дорога проходила здѣсь чрезъ ровъ, отдѣлявшій возвышенную площадь, занятую бывшимъ монастыремъ, отъ сосѣдственнаго ровнаго пространства, на коемъ тоже находится множество впадинъ; за нимъ расположенъ монастырскій садъ. Эти послѣднія впадины произошли, по мѣстнымъ разсказамъ, оттого, что для кирпичнаго завода, здѣсь существовавшаго, брали тутъ землю. Обо всемъ этомъ нечего было бы упоминать, если бы преданіе не указывало на существованіе на этомъ мѣстѣ церкви до основанія монастыря.

Нельзя оставить безъ вниманія лежащаго недалеко Дорогобужа населенія *подоляне*. Самое наименованіе показываетъ, что мѣсто, заселенное во время существованія города, такъ называлось вслѣдствіе измѣненнаго своего, въ отношеніи къ городу, положенія. Итакъ отправимся изъ Дорогобужа въ Подоляне. Принявъ, въ своемъ слѣдованіи, восточное направленіе отъ бывшаго монастыря, вдали замѣтимъ что-то похожее на ровъ и валъ, которые отдѣляли часть села съ теперешнею кладбищенскою, прежнею приходскою церковью, отъ сопредѣльнаго оврага. Прибывъ къ самому мѣсту нахожденія этихъ предметовъ, убѣдимся, что глазъ необманулъ насъ: по краямъ оврага дѣйствительно проведенъ ровъ и насыпанъ валъ; повыше ихъ найдемъ другую насыпь у сада землевладѣльца. Съ перваго разу можно принять послѣднюю за ограду сада; но, всмотрѣвшись ближе, найдемъ, что это крѣпостной ровъ съ валомъ. Съ восточной стороны сада, очевидно, былъ также ровъ, служащій теперь вмѣсто ограды, и далѣе, внутри сада, виднѣется еще ровъ. Перешедши это мѣсто понадъ садомъ, находимъ сѣверную, круто приподнятую у прирѣчнаго луга поверхность, которая изрѣзана рвами, параллельно лежащими одинъ обокъ другаго; затѣмъ внизу—дорогу, идущую по берегамъ прирѣчнаго луга. Пойдемъ далѣе по этой дорогѣ, все держась сѣвернаго направленія; поднявшись на возвышеніе и прошедши нѣкоторую часть села, найдемъ, по лѣвой рукѣ, высокій, примыкающій къ лугу и отдѣленный отъ сосѣдственныхъ

мѣстъ большими углубленіями; какъ бы рвами, горбъ, на коемъ находится нѣсколько каменныхъ крестовъ. У крутаго, обрывистаго берега этого горба состороны дороги, вовремя нашей бытности (въ 1865 году) дѣйствительно лежали въ землѣ кости и выдавалось полусогнившее дерево. Всмотрѣвшись ближе, нашли мы въ обрывистой покатости возвышенія выдавшіяся доски гроба, внутри коего, кромѣ земли, ничего не было: все обратилось въ бреніе. Очевидно, здѣсь находилось кладбище, собственно городское. Спустившись съ него на дорогу, отправимся въ Подоляне; вотъ еще одинъ оврагъ перерѣзываетъ нашъ путь, а въ углубленіи того оврага журчитъ ручеекъ; не было-ли и здѣсь городскаго рва? Обогнувъ возвышенности, примыкавшія со стороны Дорогобужа къ ложбинѣ рѣки, увидимъ новое возвышеніе: это жидовское кладбище, по представленію туземцевъ. Значитъ, оно очень древнее, потому—что въ Дорогобужѣ совсѣмъ нѣтъ жидовъ, исключая однихъ арендаторовъ корчемъ съ семействами и, можетъ быть, другихъ, подобныхъ временныхъ жителей еврейскаго племени, которые не принадлежатъ къ коренному населенію этого мѣста. Взобравшись на это возвышеніе, находимъ высокій, круто приподнятый надъ окружающими мѣстами, горбъ, имѣющій пространства въ длину около 10 саженъ и въ ширину около 6-ти. Все это мѣсто покрыто могилами, разбросанными тамъ-и сямъ, какъ обыкновенно случается на старыхъ кладбищахъ; верхняя площадь его окружена небольшимъ, отчасти уже засунувшимся рвомъ, очевидно, вырытымъ для замѣны ограды. Значитъ въ прежнемъ Дорогобужѣ было и еврейское населеніе, но не слишкомъ численное, какъ можно судить по незначительному обьему кладбища, оставленнаго этимъ населеніемъ. Видъ съ этого мѣста прекрасенъ: широкая ложбина рѣки лежащая, у ногъ вашихъ окаймляется селами и деревнями, конхъ мы насчитали до 8-ми. Отсюда можно видѣть и Подоляне съ церковью. Деревня эта, состороны Дорогобужа, дѣйствительно занимаетъ низменное мѣсто; можно предполагать, что нѣкогда она составляла

часть города, подобно теперешнимъ «Подоламъ», находящимся возлѣ нѣкоторыхъ городовъ.

Спустившись внизъ на дорогу, идущую изъ Дорогобужа въ Подоляне, примемъ другое направленіе: не для чего намъ быть въ самой деревни, гдѣ ничего не встрѣчается особеннаго, по отзывамъ нашего проводника. Итакъ станемъ слѣдовать прежде въ южномъ, а потомъ западномъ направленіи, придерживаясь углубленія, похожаго на ровъ у валовой насыпи, которыя здѣсь, вѣроятно, были проведены. Въ деревнѣ прекращаются они, по случаю проходящей тамъ дороги, но, вошедши въ господскую усадьбу, опять находимъ углубленіе, составляющее какъ бы продолженіе прервавшагося было рва; чрезъ это углубленіе теперь перекинутъ каменный мостъ отъ господскаго дома до конюшень и магазиновъ. Далѣе этимъ углубленіемъ спускаетесь въ мѣста уже знакомыя: къ пруду, лежащему между возвышеніями, занимаемыми каменною церковью, господскимъ домомъ и плотиною, которую нашли мы при въѣздѣ въ Дорогобужъ. Стало быть тутъ можемъ прекратить наши изысканія на счетъ мѣстности, занимаемой этимъ топографическимъ пустыремъ; а изъ сдѣланнаго обзора ея постараемся извлечь общіе выводы:

1-е. Главный пунктъ Дорогобужскихъ земляныхъ укрѣпленій, въ коихъ, безъ сомнѣнія, помѣщался княжескій домъ и теремъ, лежитъ въ мѣстности, нынѣ занимаемой господскимъ домомъ и садомъ. Съ сѣвера и запада онъ прилегаетъ къ крутому обрыву, примыкающему къ логовищу рѣки и пруда; съ востока и юга отдѣляется рядомъ рвовъ и земляныхъ валовъ отъ сосѣдственныхъ мѣстъ. Впрочемъ нѣкоторые изъ рвовъ и валовъ или нарочно засыпаны, или засунулись сами-собою.

II. На востокъ отъ этого пункта расположенъ былъ городъ, гдѣ теперь находится село; городъ могъ простираться за нынѣшнее населеніе, называющееся Подолянами; оно, вѣроятно, составляло часть Дорогобужа и получило свое названіе отъ низменнаго положенія поотно-

шенію къ городу. Съ запада городъ примыкалъ къ усадьбѣ княжеской, съ сѣвера къ логовищу рѣки; а съ востока и юга могъ быть укрѣпленъ рвами и валами; поодному изъ нихъ, по всей вѣроятности, идетъ теперь дорога изъ Дорогобужа въ Подоляне. Послѣ того на Подолянъ можно смотрѣть, какъ на позднѣйшую колонію города, составившую предмѣстье, лежавшее внѣ городскихъ укрѣпленій. На двухъ, отдѣльно лежащихъ горахъ, примыкающихъ къ логовищу рѣки, устроены были кладбища—христіанское и еврейское; по незначительному пространству, ими занимаемому, можно заключать, что народонаселеніе тѣхъ частей, коимъ они принадлежали, было не велико.

Вѣроятно, въ этихъ укрѣпленныхъ окопахъ Дорогобужа заключались всѣ принадлежности древняго русскаго города. Можетъ быть въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь домъ владѣльца со службами и садомъ, окруженномъ валами въ нѣсколько рядовъ, былъ городъ «внѣшній», иначе «дѣтинецъ». За тѣмъ въ предѣлахъ нынѣшняго села, окруженныхъ тоже валами, расположенъ былъ городъ «наружный,» называвшійся иначе «окольнымъ» и «кромнымъ,» также «острогомъ.» Быть можетъ, въ окрестностяхъ Дорогобужа, хорошо и теперь населенныхъ, находились «предградія,» или нынѣшнія предмѣстія; на это намекаютъ существующія и теперь, по обѣ стороны рѣки, села и деревни, находящіяся въ виду Дорогобужа, которыхъ можно насчитать 8-мь или 9-ть. Въ дѣтинцѣ, безъ сомнѣнія, находился княжескій домъ съ теремомъ, въ коемъ могъ помѣщаться князь, семья его, «пасынки» и «дѣтскіе» (1). Здѣсь же, равно какъ и въ кромномъ городѣ должна была проживать гридьба (2); что же касается бояръ (3), то тѣ, по всей вѣроятности, имѣли свои дома во всѣхъ частяхъ древняго города и волости.

---

(1) Такъ называлась прислуга князя. (2) Это младшая дружина: молодь, молодые, молодые люди, гридь. (3) Бояре составляли старѣйшую дружину князя.

III. На югозападъ отъ внѣшняго города, на горѣ, примыкающей съ сѣвера къ пруду, съ запада и востока отдѣлявшейся отъ ближайшихъ пространствъ оврагами и отрѣзанной съ юга отъ плоскаго, далеко простирающагося возвышенія, рвомъ, по коему шла дорога изъ владѣльческой части въ казенную, построенъ былъ монастырь, что нынѣ православная приходская церковь. По словамъ приходскаго священника, она построена княземъ Острожскимъ Константиномъ II Константиновичемъ въ XVI или XVII столѣтіи (+ 1608), какъ можно было читать въ надписи, находящейся въ древнемъ—славянскомъ Евангеліи, которое составляло принадлежность монастыря и недавно вытребовано епархіальною властью для препровожденія къ оберъ-прокурору Сѵнода, вслѣдствіе распоряженія Сѵнода же. Въ этой надписи означено имя фундатора, имѣнья и угодія, записанныя имъ монастырю. Древнѣйшая Дорогобужская церковь, существовавшая, можетъ быть, до построенія монастыря, находилась на югъ отъ него, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ позже устроенъ былъ кирпичный заводъ, не далеко монастырскаго сада.

IV. На западъ отъ нынѣшней приходской церкви или прежняго монастыря находились усадьбы крестьянъ, принадлежавшихъ еще въ текущемъ столѣтіи Дорогобужскому монастырю, потомъ обращенныхъ въ казенные и переведенныхъ въ другія мѣста. Отъ монастырскаго погоста онѣ были отдѣлены прудомъ, котораго теперь остаются одни слѣды въ незначительномъ ручьѣ и остаткахъ высокой плотины, задерживавшей нѣкогда воды пруда. Затѣмъ—далѣе на западъ—кладбище, вѣроятно, устроенное было для монастырской части населенія. Далѣе—Замѣчаете на горной покатости кустарникъ и занимъ—два возвышенія, имѣющія видъ двухъ продолговатыхъ плотинъ; они оканчиваются крутымъ спускомъ въ долину и раздѣлены другъ отъ друга постепенно опускающимся углубленіемъ. Если оно и самыя плотины устроены безъ помощи рукъ человѣческихъ самою природою; то это са-

мая причудливая игра ея, потому—что описываемыя возвышенія очень похожи друга на друга; притомъ самое углубленіе, существующее между ними, носитъ характеръ искуственнаго построенія. Кромѣ того на покатости возвышеній, примыкающихъ къ ложбинѣ рѣки, подлѣ дороги, идущей изъ Расникъ въ Дорогобужъ, находится много полосъ, бывшихъ когда-то, по всей вѣроятности, тропинками. Очевидно, въ этихъ мѣстахъ нѣкогда было сильное движеніе, когда такъ глубоко напечатлѣны слѣды его.

V. По мѣстнымъ отзывамъ, вблизи господской усадьбы вырыто было множество коротенькихъ косъ, имѣвшихъ пол-аршина длины; а въ одномъ курганѣ, находящемся недалеко нынѣшняго кладбища, въ южной сторонѣ села (сколько здѣсь кладбищъ! это уже 4-е, считая въ томъ числѣ и жидовское) выкопано большое количество человѣческихъ костей, которыя впрочемъ вездѣ попадаются въ мѣстности, занимаемой Дорогобужемъ. Намъ говорили, что недалеко деревяной церкви, считаемой нынѣ кладбищенскою, а прежде бывшей приходскою, появились впадины въ землѣ, подающіе поводъ подозрѣвать существованіе и на томъ мѣстѣ погребовъ.

VI. Нигдѣ невидно слѣдовъ существованія въ Дорогобужѣ костела. Это значитъ, что Дорогобужъ, какъ можно заключать на основаніи самыхъ письменныхъ источниковъ, игралъ важную роль въ исторіи края до вторженія латино-польскаго элемента, т. е. до XIV-го вѣка. Въ слѣдующую за тѣмъ эпоху Дорогобужъ началъ упадать, и вмѣсто его сталъ возвышаться Острогъ, который впрочемъ появляется въ исторіи почти единовременно съ Дорогобужемъ. Въ Русской исторіи находимъ названіе Погоринскихъ городовъ; къ числу ихъ, вѣроятно, кромѣ Дорогобужа и Острога, причисляли: Тихомль, Гнойницу, Степань, Дубровицу, можетъ быть, Симоновъ, Гощу, Горыньгородъ и проч. Если вышепоказанное нами извѣстіе, на счетъ основанія Дорогобужскаго монастыря княземъ Острожскимъ Константиномъ II Константиновичемъ, вполнѣ справедливо, то онъ построенъ во второй половинѣ

XVI, или въ началѣ XVII-го столѣтія, потому что этотъ князь въ ту пору владѣлъ своимъ наслѣдственнымъ имѣніемъ, скончавшись 1608 г. церковь построена объ. одномъ куполѣ, который утвержденъ на 4-хъ столбахъ, какъ въ Острожской Богоявленской и Мижиричской Свято-Троицкой церквахъ. Хотя въ Дорогобужѣ отъ этихъ столбовъ проведены простѣнки къ главнымъ стѣнамъ храма, но это могло быть устроено позже. Такимъ образомъ Дорогобужская церковь по устроеніи этихъ простѣнковъ, внутри имѣетъ три отдѣльныя части, заисключеніемъ алтаря, составляющаго четвертую, отдѣленную отъ церкви—собственно тоже каменною стѣною; въ послѣдней существуетъ трое дверей, сообразно требованію православнаго иконостаса. Мы неудосужились быть въ церкви во время хода Богослуженія; но намъ кажется, что словъ священника, изъ за этой толстой стѣны, находящимся въ церкви неслышно. Иконостасъ, очевидно, древній и состоитъ изъ намѣстныхъ иконъ Спасителя и Богоматери, царскихъ рѣзныхъ вратъ и иконы Св. Троицы, помѣщенной надъ царскими вратами; ни какихъ другихъ иконъ и изображеній, за исключеніемъ развѣ малаго размѣра, въ иконостасѣ нѣтъ, что, конечно, для глаза, пріобывшаго видѣть благолѣпіе новѣйшихъ православныхъ церквей, какъ-то кажется страшнымъ и непріятнымъ.

Неизвѣстно, когда и какимъ образомъ Дорогобужскій монастырь достался уніатамъ; въ XIX-мъ столѣтіи они еще владѣли имъ. Насчетъ же перехода его снова въ православное вѣдомство въ оффиціальныхъ бумагахъ находимъ слѣдующее:

Греко-уніатская бывшая коллегія, признавая ненужнымъ для уніатскаго духовенства Дорогобужскій монастырь, по собственному побужденію, вошла съ представленіемъ о передачѣ его въ вѣдѣніе православнаго духовенства къ высшему Начальству. Предположеніе это утостоилось Высочайшаго утвержденія. Послѣдовало повелѣніе передать монастырь съ каменною церковью, хозяйственными принадлежностями, движимымъ имуществомъ, а

равно и недвижимымъ (34 ревизскихъ душъ крестьянъ и 15 уволокъ земли) православному духовенству; Св. Синодъ предписалъ въ 1834 г. Волынскому архіепископу представить свое мнѣніе, какъ могутъ существовать и на какое употребленіе обратить зданія, принадлежавшія Дорогобужскому монастырю. Вопросы эти переданы были Волынскою Духовною Консисторіею на разсмотрѣніе одного изъ благочинныхъ Острожскаго уѣзда, умершаго уже священника Іоанна Ревиновича, которому притомъ было предписано принять отъ уніатскаго духовенства, при бытности депутата со стороны его, Дорогобужскій монастырь. За тѣмъ изъ отношенія Греко-уніатской Духовной Консисторіи въ Православную Волынскую видно, что для сдачи Дорогобужскаго монастыря православному духовенству назначенъ былъ завѣдывающій однимъ изъ уніатскихъ монастырей, до его закрытія, іеромонахъ; но какъ тотъ уклонился отъ исполненія даннаго порученія, представляя свое оправданіе будто онъ неполучалъ, на тотъ предметъ, никакого распоряженія отъ своей консисторіи, то уніатскій епископъ предоставилъ передачу Дорогобужскаго монастыря одному изъ іеромонаховъ его, поручивъ, по этому случаю, его вѣдѣнію самую обитель. Распоряженіе это было тѣмъ необходимѣе, что тотъ-же епископъ замѣтилъ, что прежде назначенный для сдачи монастыря іеромонахъ былъ одержимъ болѣзнью и наклонностію къ пьянству; притомъ же ему трудно было сдавать то, чего онъ прежде неимѣлъ въ своемъ завѣдываніи.

Наконецъ назначенныя для сдачи и пріема Дорогобужской обители лица прибыли на мѣсто назначенія и потребовали отъ управлявшаго вѣдомостей о церковномъ и хозяйственномъ имуществѣ и инвентаря. На это требованіе управлявшій іеромонахъ отвѣчалъ, что кромѣ связки какихъ-то бумагъ, которыхъ онъ не пересматривалъ и содержанія ихъ не знаетъ, никакихъ другихъ письменныхъ вѣдомостей представить не можетъ, и въ монастырѣ ихъ неимѣется. Оказалась необходимость приступить къ описанію монастыря самому комитету; по

составленіи таковаго описанія монастырь былъ принятъ отъ уніатскаго духовенства; причемъ принимавшій тотъ монастырь благочинный священникъ Іоаннъ Ревиновичъ выказалъ свою опытность въ дѣлахъ подобнаго рода, прямодушіе и честность, какъ можно судить по самому ходу дѣла. Основываясь на донесеніа его Волынскій архіепископъ въ донесеніи своемъ свят. Синоду пояснилъ, что монастырскую церковь можно обратить въ приходскую Расніко-Дорогобужскаго прихода; а монастырскій корпусъ испрявить для жительства причта; въ 1835 году это предположеніе было утверждено св. Синодомъ и вслѣдъ за тѣмъ приведено въ исполненіе. Въ 1837 году крестьяне бывшаго Дорогобужскаго монастыря отданы Волынскою Духовною Консисторіею въ 12-лѣтнее арендное содержаніе съ тѣмъ, чтобы ежегодно выручаемыя по договору деньги (317 р. с.) употребляемы были на починку церкви; въ 1846 году тѣже крестьяне поступили въ казенное вѣдѣніе. Дальнѣйшая участь ихъ поясняется мѣстнымъ преданіемъ: говорятъ, что они, по поступленіи въ казенное вѣдомство, переведены изъ Дорогобужа въ другія, болѣе многолюдныя казенныя общества. Какъ крестьяне тяготились этимъ переселеніемъ можно судить потому, что, при появленіи подводъ для доставки ихъ въ новыя мѣста жительства, когда пришлось имъ собирать убогіе свои пожитки и проститься съ огнищемъ предковъ, подняты были такіе вопли, стоны и сцены, что отъ всего этого раздиралось сердце постороннихъ зрителей; по народному говору трудно было перенесть это зрѣлище вполнѣ грустное, поражающее, ужасающее! На мѣстѣ прежнихъ крестьянскихъ усадебъ остались однѣ «плачущія» вербы; въ бывшихъ садикахъ—остатки фруктовыхъ деревъ; въ огородахъ, теперь запущенныхъ, ростетъ бурьянъ; они-то служатъ въ этихъ мѣстахъ печальными признаками существованія когда-то жизни и промысла!

Въ архивѣ Волынской Духовной Консисторіи можно найти оффиціальную переписку, изъ коей видно, что, по доставленіи Волынскимъ Архіепископомъ описи Дорого-

бужскаго монастыря, Оберъ-Прокуроръ Синода потребовалъ представленія Евангелія, списаннаго въ 1580 году; по выполненіи этого распоряженія, Св. Синодъ опредѣлилъ Евангеліе, по замѣчательной его древности, оставить въ Синодальной библіотекѣ; въ замѣнъ за него препроводить въ Раснико-Дорогбужскую церковь изъ имѣющихся въ запасѣ при Синодальной типографіи Евангелій экземпляръ лучшаго изданія; что и было сдѣлано.

7. СѢВЕРОЗАПАДНЫЙ УГОЛЪ

Острожскаго уѣзда.

Ознакомимся теперь съ другою половиною описываемой нами полосы—западною. Прежде поднимались мы съ юга на сѣверъ; теперь, наоборотъ, поворотимъ съ сѣвера на югъ. Впрочемъ первое село на пути нашего слѣдованія, Рясники, будетъ лежать на югозападъ отъ Дорогобужа. Село это находится въ ложбинѣ По-горинской низменности; чрезъ Рясники въ прежнее время—до проведенія Кіево-Брестскаго шоссе, шла большая проѣзжая дорога, служившая нитью сообщеній между Луцкомъ, Владиміроволынскомъ и Ковлемъ съ одной стороны, и Корцемъ, Новградволынскомъ, а равно губерн. гор. Житоміромъ—съ другой. Теперь эта дорога, тамъ лишняя, закрыта и подъемный мостъ въ Рясникахъ чрезъ р. Горынь пришелъ въ упадокъ и снятъ. Дорога, о коей говоримъ, между прочимъ проходила чрезъ мѣстечко *Мижирічъ—Корецкій*, нѣкогда славившееся своимъ цвѣтущимъ состояніемъ во всемъ околоткѣ. Въ немъ, на возвышеніи, красовался дворецъ богатаго пана, окруженный тѣнистымъ паркомъ; существовало училище, приравнивавшееся къ гимназическому курсу по объему преподаванія научныхъ предметовъ. Это училище содержимо было латинскими ксендзами — піарами при Мижиричскомъ кляшторѣ; въ 30 тыхъ годахъ текущаго столѣтія оно закрыто вмѣстѣ

съ другими учебными заведеніями западно-русскаго края, которыя были ничѣмъ инымъ, какъ органами латино-польской пропаганды. Тогда же и самое Мижиричское имѣніе было конфисковано по случаю участія владѣльца его въ волненіяхъ, возбужденныхъ въ краѣ польскою инсуррекціею; послѣ того въ дворцѣ была помѣщена писарская школа для обученія дѣтей казенныхъ крестьянъ; теперь она закрыта, или переведена въ другое мѣсто. Всѣ эти перемѣны, равно какъ и пожары, происходившіе въ Мижиричѣ—Корецкомъ, были роковыми ударами для мѣстечка: оно пришло въ упадокъ и теперь составляетъ совершенную глушь.

При въѣздѣ въ Рясники изъ Мижирича, въ былыя времена, прежде всего бросалась въ глаза большая каменная корчма, лежавшая на возвышеніи недалеко рѣки. Меркантилизмъ, господствовавшій въ заведеніяхъ этого рода со всѣми своими грязными, отвратительными проявленіями, возбуждалъ, конечно, впечатлѣнія не слишкомъ пріятныя; но послѣднія тотчасъ же смѣнялись представленіями иными, которыя невольно просились въ душу зрителя при видѣ картиннаго положенія церкви, находящейся въ сторонѣ отъ корчмы. Церковь эта лежитъ на островѣ, окруженномъ водами рѣки Горыни и пруда; перейдите чрезъ мостъ, соединяющій островъ съ материкомъ, и навѣрное—будете поражены таинственною тишиною, окружающею храмъ Господень; ее нарушаютъ развѣ шумъ бури, плескъ волнъ, да шелестъ листьевъ, происходящихъ на деревьяхъ, растущихъ во кругъ церкви,—иногда серебристый голосъ церковнаго колокола, призывающаго православныхъ къ молитвѣ. Мѣсто это чудное! —Рясникская церковь, по показанію клировыхъ вѣдомостей, построена въ 1762 г. иждивеніемъ крестьянъ,—на плоскостяхъ, прилегающихъ къ ложбинѣ рѣки, раскинулись сельскія хижины; изъ-за нихъ вдали виднѣется *Горыныградъ*, расположенный на косогорѣ, покатомъ къ рѣкѣ; Православный храмъ этого населенія и римско-католическій костелъ оживляютъ эту панораму. У Рясниц-

каго выѣзда по Ровенской дорогѣ каменный двухъэтажный домъ землевладѣльца замыкаетъ картину, довольно занимательную среди обыкновеннаго однообразія нашихъ селъ и деревень.

Изъ Рясникъ дорога проходитъ чрезъ живописныя рощицы и поля; среди послѣднихъ нерѣдко расположены села и деревни. Перерѣзавъ Кіево-Брестское шоссе, переѣзжаемъ выдавшійся уголъ Ровенскаго уѣзда и, оставивъ налѣво села *Подлыски* и *Посяву*, достигаемъ *Тайкуръ*.

Село или мѣстечко Тайкуры лежитъ въ котловинѣ, образуемой отрогами Авратынскаго плоскогорья. Со всѣхъ сторонъ это населеніе окружено значительными возвышеніями, изъ коихъ на одномъ лежатъ развалины бывшаго замка; а на небольшой площадкѣ въ косогорѣ другаго — четырехкупульная каменная церковь; тамъ и сямъ, въ сельскомъ безпорядкѣ раскинуты хижины поселянъ. Бывшій замокъ окопанъ рвами, окруженъ валами съ нагорной стороны и оврагами, примыкающими къ косогору, круто-наклоненному къ котловинѣ. У подошвы замковаго возвышенія, орошаемаго незначительнымъ ручьемъ, на небольшой, нѣсколько приподнятой площадкѣ построенъ каменный костелъ.—Названіе Тайкуръ, говорятъ, произошло отъ слова *тай-горы*, или *тайныя горы*. Въ здѣшнихъ горахъ между ущеліями, покрытыми лѣсомъ, по объясненію туземцевъ, находилъ убѣжище народъ во время набѣговъ татарскихъ; оттого произошло и названіе ихъ—тайныя горы или тай-горы (1), по-польски — tay-góry, превратившееся въ Тайкуры. Принявъ это повѣрье за достовѣрное, придется допустить, что поселеніе возникло здѣсь послѣ нашествія Татаръ; иначе—какъ было укрываться народу въ мѣстахъ заселенныхъ и, слѣдовательно, общеизвѣстныхъ? Замокъ Тайкурскій, сгорѣвшій въ настоящемъ столѣтіи и представляющій теперь однѣ развѣ

(1) Славянское *тай* по-русски *тайно*. «Восхотѣ тай пустити ю». Матѳ. гл. I, ст. 19.

липы, можно полагать—построенъ вслѣдствіе грамоты Сигизмунда III, данной въ 1614 г.; этою грамотою предоставлялись права мѣстечка Тайкурскому населенію и укрѣпленія его. Изображеніе Св. Георгія на магистратской печати мѣстечка Тайкуръ, упоминаемое въ тойже Сигизмундовой грамотѣ, показываетъ, что гербъ новому мѣстечку данъ въ честь патрона владѣльца его Юрія Вишневецкаго; слѣдовательно населеніе Тайкуръ до построенія замка было православно-русское, какъ о томъ говорится въ самой граматѣ (1). Основателемъ костела, судя по надписи на правой стѣнѣ его подъ изображеніемъ мущины во весь ростъ съ польскою физіономіею и въ польскомъ костюмѣ, былъ одинъ изъ владѣтелей Тайкуръ *Пепловскій*, скончавшійся въ первой половинѣ XVIII вѣка. Православная церковь построена, можно предполагать, позже; мѣстное преданіе приписываетъ построеніе ея сыну фундатора костела. Это слышали мы отъ Тайкурскаго жителя, который при томъ прибавилъ, что портретъ основателя церкви находится на стѣнѣ въ костелѣ противъ портрета отца. На лѣвой стѣнѣ костела точно есть изображеніе мущины во весь ростъ; надпись поясняетъ, что тотъ, чей портретъ представляетъ изображеніе, жилъ въ XVII-мъ вѣкѣ и былъ католическимъ бискупомъ, слѣдовательно не могъ быть сыномъ Пепловскаго, да и едва ли былъ фундаторомъ Тайкурской церкви. Гораздо правильнѣе мнѣніе тѣхъ, кои считаютъ основательницею церкви Тайкурской помѣщицу Миссіонову, которая построила и Краевскую церковь. Мнѣніе это мы принимаемъ за правдоподобное потому, что въ архитектурѣ и внутреннихъ украшеніяхъ церквей Тайкурской и Краевской много общаго, такъ-что одну можно считать снимкомъ другой, хотя Тайкурская обширнѣе Краевской. Нельзя незамѣтить, что костелъ въ Тайкурахъ лишнее учрежденіе: въ этомъ мѣстечкѣ или селѣ всего 7-мъ дворовъ съ населеніемъ римско-католическаго исповѣда-

(1) Starożytna Polska, Warszawa, 1845, Tom II.

нія; мѣстный землевладѣлецъ и его оффиціалисты имѣютъ жительство въ другихъ мѣстахъ. Заслуживаетъ замѣчанія и то, что Магдебургское право, дарованное Тайкурскимъ мѣщанамъ Сигизмундомъ III, вѣроятно, никогда небыло введено; а если и существовало, то весьма короткое время, потому-что жители Тайкуръ были крестьянами, работавшими въ пользу пана барщину, въ послѣднее время существованія ея въ краѣ. Теперь—по уничтоженіи крѣпостнаго права—появилась опять грамота Сигизмунда III; вѣроятно, съ тѣмъ намѣреніемъ она сдѣлала общеизвѣстною, чтобы землевладѣльцу пріобрѣсть исключительное право на пропинаціонные доходы! Вотъ почему мы колеблемся въ названіи Тайкуръ—селомъ, или мѣстечкомъ.

Изъ Тайкуръ переѣдемъ въ село *Новомильскъ*, находящееся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ перваго. Новомильскъ, какъ почти всѣ другія села и деревни Волыни, состоитъ изъ бѣдныхъ крестьянскихъ хижинъ; но въ немъ заслуживаетъ вниманія церковь, хотя деревяная, но довольно большая и хорошей архитектуры. Къ сожалѣнію, эта церковь неимѣетъ соотвѣтственно виду своему внутренняго украшенія: иконостасъ бѣденъ, иконъ на стѣнахъ мало. Новомильскій православный приходъ незначителенъ по числу народонаселенія, а потому и церковное зданіе могло быть поменьше нынѣшняго. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ можно было бы сберечь при постройкѣ зданія значительныя денежныя суммы и употребить ихъ на внутреннее убранство храма. Говорятъ, не чѣмъ будетъ поддерживать теперешняго зданія: крестьяне бѣдны, а казна, на счетъ коей оно воздвигнуто, едвали признаетъ нужнымъ отпускать новыя суммы на ремонтъ его.

Къ Новомильскому приходу принадлежитъ деревушка *Старый Мильскъ*. Она имѣетъ всего 5 крестьянскихъ дворовъ и, по всей вѣроятности, составляетъ топографическій пустырь. Въ лѣтописи говорится, что Андрей Боголюбскій, будучи еще Переяславскимъ княземъ, спѣша къ

Владимірку Галицкому по зову его, сидя у *Мильска* (1); тутъ, очевидно, указывается на мѣстность, занимаемую Старымъ и Новымъ Мильскомъ, которые находятся на разстояніи одной версты съ лишнимъ одинъ отъ другаго. Къ сожалѣнію мы проѣзжали чрезъ эту мѣстность въ ночное время и немогли видѣть ничего, хотя можетъ быть многое здѣсь заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Недалеко Новомильска лежитъ село *Здолбица*, или *Здовбыца*. Мы были въ немъ въ зимнее время, и потому не могли составить полнаго и вполнѣ отчетливаго представленія на счетъ мѣстоположенія Здолбицы. Но, судя повсему, можно было заключать, что Здолбица занимаетъ низменное мѣсто; что проложенныя чрезъ нее дороги и улицы, бывъ обсажены деревьями, даютъ въ лѣтнее время пріятную тѣнь и хорошіе виды. Въ Здолбицѣ есть православная церковь и костелъ; изъ-за деревьевъ виднѣется и домъ землевладѣльца, кажущійся издали довольно хорошимъ. Но чтобы вполнѣ убѣдиться въ правильности этихъ замѣчаній необходимо посѣтить Здолбицу лѣтомъ.

Оставивъ на лѣво *Ивачковъ*, *Копытково*, *Коростовую* и *Плоскую*, переѣзжаемъ чрезъ *Урвенную* въ *Гульчу*.

Крестьяне называютъ Гульчу селомъ, а мѣстные землевладѣльцы мѣстечкомъ. Опять вопросъ идетъ на счетъ пропинаціоннаго дохода, такъ же-какъ въ Тайкурахъ, Михалполѣ и другихъ мѣстахъ, состоявшихъ въ одинаковой съ Гульчею категоріи. Пора бы положить конецъ этимъ сословнымъ столкновеніямъ въ правахъ пользованія питейными доходами: этимъ устранена была бы одна изъ причинъ взаимной недовѣрчивости и вражды между землевладѣльцами—дворянами и крестьянами.

Гульча расположена почти на ровной поверхности; только съ Острожскаго пріѣзда есть возвышенія; но онѣ незначительны. Почтовую дорогу, идущую изъ г. Острога въ г. Дубно, въ Гульчѣ перерѣзываетъ прудъ, чрезъ ко-

(1) Кіевская лѣтопись. Смот. Исторію госуд. Россійскаго, Карамзина, Томъ II, замѣч. 332.

торый устроена плотина. По берегамъ пруда, съ Дубенской стороны, расположено описываемое село, въ коемъ параллельно пруду протянута улица по направленію къ мѣстечку *Мизочу* и деревнѣ *Лебедямъ*; въ концѣ этой улицы находится теперь безприходный костелъ.—До воссоединенія края съ Россіею въ зданіи, занимаемомъ нынѣ костеломъ, помѣщалась уніатская церковь; по случаю возвращенія прихожанъ ея—Гульчанскихъ крестьянъ на лоно праматери своей—Православной церкви, зданіе это, очевидно, должно было перейдти въ завѣдываніе Православнаго духовенства; но бывшій въ Гульчѣ въ то время помѣщикъ—уніатъ по вѣроисповѣданію впослѣдствіи перешедшій въ латинство—успѣлъ помѣстить въ прежней уніатской церкви латинскій костелъ, а для мѣстной православной церкви обѣщалъ построить новое зданіе. Обѣщаніе было исполнено; но замѣна произведена съ невыгодами для православныхъ: прежняя уніатская церковь находилась вблизи помѣщичьяго дома, усадьбы священника, въ пунктѣ самомъ заселенномъ въ селѣ; новую построили внѣ селенія, на мѣстѣ грязномъ и притомъ грубой архитектуры. Время отчасти исправило эти недостатки: большой Острожско-Дубенскій почтовый трактъ, проведенный вблизи Православной церкви,—усадьбы крестьянъ, построенныя за нею со стороны поля,—домъ почтовой станціи, занимаемый теперь становою квартирою, сообщили этой мѣстности характеръ сельскаго средоточія. Прибавьте къ тому *Урочище святителя Николая*, находящееся на другомъ концѣ плотины, которая начинается у становой квартиры, и въ немъ *часовню свят. Николая*—святыню, къ коей питаетъ особенное благоговѣніе народъ Гульчанскій и окрестныхъ мѣстъ,—и вы будете имѣть картину села Гульчи. Особенно живописно положеніе урочища св. Николая; кто хоть разъ видѣлъ это прекрасное мѣсто, тотъ, вѣрно, въ каждый проѣздъ вблизи его, зайдетъ въ часовню. свят. Николая и для принесенія подобающаго поклоненія приснопамятному святителю—ходатаю и заступнику земли русскія, предъ престоломъ Всевышняго и для

услажденія взоровъ своихъ живописными картинами, въ урочищѣ представляющимися.

У выѣзда изъ Гульчи въ уѣздный городъ Острогъ на лѣво замѣтимъ рощу, огороженную со стороны почтовой дороги, дикимъ необтесаннымъ камнемъ. Это и есть урочище святителя Николая, которое также называютъ гротомъ свят. Николая, и коему католики хотѣли дать названіе грота св. Яна. Съ этимъ пунктомъ мы ознакомимся, какъ можно, ближе; онъ заслуживаетъ нашего вниманія во многихъ отношеніяхъ.

Потрудитесь перейдти чрезъ проходъ въ оградѣ урочища на площадку, имѣющую въ своей обстановкѣ что-то особенное. Вступивъ на площадку, вы замѣтите предъ собою налѣво небольшой бассейнъ; налѣво за бассейномъ—не большую хижину; на право—круто отлогую покатость возвышенія, поднимающагося вверхъ саженъ на нѣсколько въ видѣ полукружія, поросшую деревьями и кустами. Прямо предъ вами у подошвы возвышенія лежитъ искусственно образованная пещера или гротъ (1) въ глубинѣ котораго висятъ иконы; виднѣется и теплящаяся предъ ними лампада. Гротъ имѣетъ видъ арки, сложенной изъ обтесанныхъ камней; входъ въ него закрывается желѣзными рѣшетчатыми дверями, вблизи которыхъ повѣшенъ ящикъ для сбора доброхотныхъ подаяній. Внутри грота, въ верхней части главной стѣны, въ углубленіи виситъ икона святителя Николая, греческаго письма, съ поднятой вверхъ благословляющею рукой и славянскою надписью: съ одной стороны—«Святитель Николай» а съ другой—«Отецъ нашъ». Есть еще нѣсколько другихъ иконъ; предъ ними теплится лампадка. Вмѣсто пола въ гротѣ замѣчаете чистую ключевую воду, которая вытекаетъ у подошвы

(1) Подъ именемъ грота разумѣютъ собственно небольшое углубленіе въ земной поверхности; пещерою же называютъ значительное протяженіе такого же углубленія. Если мы гульчанскій гротъ называемъ искусственною пещерою, то это для объясненія вида его и образованія.

вышепомянутаго возвышенія, сквозь два отверстія, имѣющія видъ устья, которое нѣкогда устраивали въ печкахъ, оттапливаемыхъ изъ сѣней. Изъ грота вода истекаетъ сквозь узенькій каналъ, обложенный камнями, въ бассейнъ, а изъ послѣдняго въ сосѣдній ручей, идущій изъ гульчанскаго пруда.

Благочестивые посѣтители съ умиленіемъ возносятъ здѣсь молитвы, опускаютъ посильное приношеніе въ ящикъ и освѣжаютъ себя свѣжею здоровою, ключевою водою. Другіе промываютъ себѣ глаза, иные—окачиваютъ голову этой водой; и даже погружаются въ оную. Налюбовавшись видомъ струившихся водъ родника, свѣжестію зелени, тамъ-и-сямъ покрывавшихъ поверхность описанной площадки, скромностію, устроеннаго для сторожа, домика, прикрываемаго вѣтвями стоящихъ вблизи его, большихъ деревьевъ,—дикостію вида, образуемаго крутыми покатостями горки, которыя утыканы растущими тутъ деревьями, вы чувствуете непреодолимое влеченіе взобраться на верхъ послѣдней, чтобы насладиться открывающимися на окрестности видами и погулять въ раскинутой на ней рощицѣ, и это желаніе легко приводите въ исполненіе. Предъ вашими глазами находятся, ведущія на верхъ возвышенія, тропинки; онѣ состоятъ отчасти изъ вдвинутыхъ въ земли небольшихъ камней и расположены въ разныхъ изгибахъ и направленіяхъ для избѣжанія крутизны подъёма; камни вдвинуты одною стороною въ землю такъ, что образуютъ родъ лѣстницы. Взобравшись по нимъ на горку, вы находите предъ собою рощицу изъ разныхъ лиственныхъ и отчасти хвойныхъ деревьевъ; въ ней, вдоль и поперекъ, проложено было нѣсколько аллей и находилось что-то въ родѣ бесѣдки, обложенной древесною корою и покрытой соломою. Ограничившись осмотромъ одной наружности бесѣдки, мы, въ былыя времена, съ удовольствіемъ дѣлали нѣсколько поворотовъ по аллеямъ рощицы. По окраинамъ ея, съ каждой стороны, открывается другой ландшафтъ: съ одной—поросшій камышемъ прудъ, съ другой—вдоль береговъ луга, огороды и усадьбы крестьянъ, съ осталь-

ныхъ—открытыя пашни. Мѣсто это само по себѣ живописно; въ ясный день, говорятъ, можно видѣть недалеко находящійся отъ Гульчи Дермапскій монастырь, что увеличивало разнообразіе картины. Но главное въ этой мѣстности составляетъ пещера св. Николая, находящаяся у подошвы возвышенія, и протекающіе чрезъ нее водныя струи. Съ существованіемъ ея соединяется рядъ событій, выражающихъ, въ общемъ ходѣ, судьбу русскаго юго-западнаго края и, въ миніатюрѣ, представляющихъ тѣ ухищренныя дѣйствія пропаганды, посредствомъ коихъ она силилась перенатурализировать его; обратить здѣшній православно-русскій міръ въ латинопольскій. Мы имѣли въ своихъ рукахъ дѣла двухъ присутственныхъ мѣстъ; въ этихъ дѣлахъ можно было найдти всю исторію урочища св. Николая. Оставляя въ сторонѣ подробности, ничего невыражающія, мы, въ своемъ описаніи, коснемся главнаго, составляющаго основу этой исторіи, по содержанію своему, довольно любопытной (1).

Давнее преданіе гласитъ, что, предъ появленіемъ въ нашемъ краѣ уніи, лѣтъ за полтораста и болѣе, Гульча была занята однимъ православнымъ населеніемъ, между коимъ небыло ни одного католика. Этотъ народъ имѣлъ свою православную церковь, коей принадлежала деревянная часовня (каплица), находившаяся на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ впослѣдствіи устроенъ гротъ, или искусственная пещера св. Николая. По показанію нѣкоторыхъ, съ незапамятныхъ временъ находилась въ той часовнѣ икона св. Николая, которая теперь составляетъ предметъ народнаго чествованія; но есть слѣды въ дѣлѣ, что эта

(1) Мы видали описанную рощу въ 30 годахъ нынѣшняго столѣтія и—послѣ перехода въ руки крестьянъ, на основаніи выкупнаго права. Само собою разумѣется, что въ послѣднее время роща пришла въ безпорядокъ, а бесѣдка въ запустѣніе, когда владѣніе было въ переходномъ состояніи и ни помѣщикъ, ни крестьяне неупотребляли особенныхъ усилій къ поддержанію ея.

икона перенесена въ часовню изъ мѣстной приходской церкви въ исходѣ прошедшаго столѣтія, по поводу обветшалости прежней церкви, одинъ изъ князей Сангушко построилъ новую, въ которую поступали пожертвованія, собираемыя въ часовнѣ св. Николая. Строитель Гульчанской церкви, или другой изъ князей Сангушко желалъ воздвигнуть въ рощѣ, находившейся возлѣ часовни св. Николая, монастырь и сталъ подготовлять нужный для того матеріалъ; но намѣреніе это, неизвѣстно, по какимъ причинамъ, осталось безъ исполненія. Мѣсто, самое по себѣ очень живописное, выиграло бы еще болѣе, если бы было увѣнчало христіанскимъ храмомъ и оглашалось бы мелодическими заунывными звуками колоколовъ, коихъ гулъ далеко расходился бы особенно по ровной поверхности вблизи лежащаго пруда.

Такъ говоритъ въ своемъ письмѣ мѣстный приходскій священникъ къ мировому посреднику, производившему на мѣстѣ изслѣдованіе о томъ, кому долженъ принадлежать гротъ: помѣщику ли, или оспаривавшимъ у него право владѣнія крестьянамъ. Крестьяне изъ окрестныхъ селъ, въ числѣ 32-хъ человѣкъ, были спрошены на счетъ принадлежности грота, сказали гораздо болѣе приходскаго священника. По ихъ словамъ, «гротъ св. Николая, или, лучше сказать, молитвенный пріютъ, существовавшій на мѣстѣ грота, до построенія его, отъ временъ незапамятныхъ составлялъ предметъ благоговѣйнаго обращенія къ Угоднику Божію какъ жителей м. Гульчи, такъ и окрестныхъ мѣстъ. Православный помѣщикъ не предъявлялъ никакихъ притязаній на владѣніе этою мѣстностію, уважая вѣковое достояніе крѣпостнаго своего населенія, освященное давностію... «Но времена измѣнились. Крестьяне почувствовали, что каждый день приносилъ имъ новое горе: «работы ихъ стали тяжелѣе, паны стали богатѣть, а они, «крестьяне, бѣднѣть. Но все еще перѣшались паны посягать на достояніе міра: на мѣстность, окружающую гротъ «святителя, и на самый гротъ... Годы смѣнялись годами; «окатоличившіеся паны становились лютѣе, а православ-

«ные крестьяне, перешедшіе въ ихъ мнѣніи въ *быдло* (домашній рогатый скотъ), безотвѣтнѣе. Паны на все завѣтное, принадлежавшее крестьянамъ, накладывали свою руку; только вѣра въ заступленіе Угодника, икона котораго была предъ глазами крестьянъ, поддерживала ихъ въ убѣжденіи, что настанетъ болѣе отрадная пора; панамъ было это не по вкусу. Оказалось нужнымъ поколебать православный народъ и въ его святой вѣрѣ. Изыскали они, съ своими ксендзами, путь и къ этому беззаконному дѣлу: помѣстили въ гротѣ св. Николая свою католическую статую».—Но обратимся къ другимъ показаніямъ, въ коихъ еще яснѣе изображается дальнѣйшій ходъ этого дѣла.

Унія успѣла водвориться въ м. Гульчѣ на мѣсто *старой вѣры*, какъ называли тогда православіе; какимъ образомъ унія была введена въ Гульчѣ, о томъ неимѣется никакихъ свѣдѣній. Можно предполагать, что она развивалась постепенно; уніаты требовали отъ мѣстнаго православнаго духовенства признанія своей іерархіи, могли замѣнять православныя книги, употреблявшіяся при богослуженіи, уніятскими; послѣ того можно было приступить къ измѣненію внѣшняго вида духовенства, какъ то: бритью бороды, перемѣнѣ костюма и т. д. Въ семейномъ быту уніяты употребляли мѣстный южнорусскій языкъ почти до конца прошлаго столѣтія; слѣдователь, производившій дознаніе на счетъ Гульчанскаго грота, нашелъ метрическія записи при мѣстной приходской церкви, веденныя на этомъ языкѣ до 80-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія (1). Около того времени русскій языкъ начали замѣнять польскимъ; тогда появляется въ м. Гульчѣ и помѣщикъ—уніатъ Игнатій Подгородецкій, у котораго въ услуженіи состоялъ лакей римско-католическаго вѣроисповѣданія; онъ былъ первымъ изъ католиковъ, появившимся въ мѣ-

(1) Въ Ковельскомъ уѣздѣ мы сами видѣли метрическія записи уніатовъ; веденныя на русскомъ языкѣ во второй половинѣ прошлаго столѣтія.

стечкѣ въ упомянутое время среди православнаго населенія.

Помѣщикъ Подгородецкій употребилъ усилія дать всему другое направленіе. По всей вѣроятности, при содѣйствіи своихъ крестьянъ, онъ укрѣпилъ обрывы горы, на которой теперь раскинута роща у грота св. Николая. Вмѣсто деревяной часовни (каплицы) Подгородецкій устраиваетъ каменную, въ видѣ грота, или небольшой пещеры; въ новоустроенномъ гротѣ помѣщаетъ икону св. Николая; приказываетъ обчистить находившійся предъ гротомъ бассейнъ; обложить разнокалиберными камнями протокъ воды, ведущій къ нему отъ грота. Въ самой рощѣ, по показанію однихъ, устраиваетъ гульбище для крестьянъ, а по утвержденію другихъ—мѣсто забавы для своихъ гостей. Вѣроятно, одно соединено было съ другимъ; самые крестьяне говорятъ, что въ свѣтлый праздникъ они собирались въ рощѣ, находящейся при гротѣ, для гулянья. Судя по тому, что тамъ устроены были аллеи, чисто содержимыя, и существовала бесѣдка, которой стѣны были покрыты надписями посѣтителей, можно допустить, что въ рощѣ собирались и гости помѣщика, тѣмъ болѣе, что она была открыта для гулянья каждаго проѣзжаго.

Когда этотъ край, по мановенію Всевышняго, возвращенъ былъ на лоно Россіи, древняго своего отечества, то въ народѣ пронеслись глухіе толки и о другихъ перемѣнахъ, ожидающихъ край въ будущемъ. Въ чемъ должны были состоять эти перемѣны, легко могли предъугадывать помѣщики, незнакомые съ политикою и исторіею страны. Прежде всего нужно было ожидать религіознаго возстановленія; въ ожиданіи этой катастрофы, Подгородецкій подготовляетъ, съ своей стороны, противудѣйствіе ей, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, должно было послужить началомъ новому порядку въ Гульчѣ. Подгородецкій приказываетъ сдѣлать деревяную статую Яна Непомуцена, уважаемаго святаго римско-католическою цер-

ковью, и, ночью, при свѣтѣ факеловъ, на суднѣ,—чрезъ прудъ, провожаетъ эту статую въ знакомое намъ урочище св. Николая, гдѣ помѣщаетъ въ новоустроенномъ гротѣ, на первыхъ порахъ, у западной стѣны, недалеко отъ иконы святителя Николая. У желѣзныхъ рѣшетчатыхъ дверей грота устроенъ былъ и ящикъ для помѣщенія добровольныхъ приношеній. Подлѣ ящика могли быть привѣшиваемы и разныя вещи, которыя, по обычаю, жертвовали мѣстные и иногородные люди. Гротъ находился, попрежнему, въ завѣдываніи мѣстнаго уніятскаго пароха, или приходскаго священника, завѣдывавшаго Гульчанскою, въ то время, уніатскою церковью.

Въ 1795 году, между 22 днемъ марта и 21 іюня, какъ доноситъ Минскому и Изяславскому Архіепископу Виктору временно исправлявшій должность благочиннаго, Здолбицкій священникъ, Іосифъ Княжицкій (1), принялъ православіе, вмѣстѣ съ другими священниками и «Гольшицкій», то-есть, Гульчанскій Іоаннъ Сагайдаковскій (2). Есть въ дѣлѣ на счетъ этого священника извѣстіе, что онъ былъ упорнымъ уніятомъ, что приводитъ къ заключенію, что перешелъ въ православіе не безъ сопротивленія. Потерявъ опору въ священникѣ Сагайдаковскомъ Подгородецкій рѣшился дѣйствовать въ пользу католиче-

---

(1) Часть нынѣшней Волынской губерніи, по возвращеніи края Россіи, названа была губерніею Изяславскою, по имени нынѣ уѣзднаго города *Изяславля*, или *Зислава* и состояла, въ церковномъ отношеніи, въ завѣдываніи Минскаго Архіепископа, называвшагося и Изяславскимъ. —Село Здолбица находится теперь въ Острожскомъ уѣздѣ, недалеко Гульчи.

(2) Въ одно время съ Гульчанскимъ священникомъ приняли православіе, по донесенію тогоже благочиннаго, священники селъ: Бугрина Іосифъ Томашевскій, Расникъ Іоаннъ Теодоровичъ, Лупинина (не Глупанина ли?) Гавріилъ Должанскій и нѣкоторые другіе изъ сосѣдственныхъ уѣздовъ.

ского элемента непосредственно. *Во-первыхъ*, самъ Подгородецкій перешелъ отъ уніи къ латинской церкви; *во-вторыхъ*, просилъ (3) оставить въ его рукахъ Гульчанскую уніатскую церковь, построенную на подобіе костела; а для крестьянъ своихъ обѣщался построить другую въ Греко-восточномъ вкусѣ. Такимъ образомъ, какъ замѣчаетъ приходскій священникъ м. Гульчи, зданіе уніатской церкви хорошо построенное, на видномъ мѣстѣ и приличной архитектуры, отошло подъ костелъ; а вновь

(3) Это видно изъ показанія мѣстнаго приходскаго священника. Относительно того же самаго предмета говоритъ въ своемъ донесеніи Архіепископу Виктору благочинный—священникъ Княжинскій слѣдующее: Владѣлецъ м. Гольчи, волынскій подчашій и ордена св Станислава кавалеръ Игнатій Подгородецкій, построивъ въ своей резиденціи для костела храмъ, возносилъ въ немъ моленія вмѣстѣ съ подданными; когда же послѣдніе перешли къ православной церкви, Подгородецкій обѣщался построить въ Гульчѣ другое зданіе по образцу Греко-восточныхъ храмовъ ради духовной пользы своихъ подданныхъ. На это Подгородецкій испрашивалъ благословенія архіерейскаго; получилъ ли онъ это благословеніе, неизвѣстно. Въ этомъ донесеніи окружнаго благочиннаго и священника сосѣдственнаго села Подгородецкій именуется строителемъ уніатской церкви, бывшей, до возстановленія въ Гульчѣ православія, приходскою. Но прежде мы говорили, основываясь на показаніяхъ, имѣющихся въ дѣлѣ, что построеніе Гульчанской приходской уніатской церкви приписывается одному изъ князей Сангушко. Это противорѣчіе можно согласить такимъ образомъ. По преданію, Подгородецкій былъ въ родствѣ съ фамиліею Сангушко и могъ владѣть Гульчею въ качествѣ сподручника кн. Сангушко; тогда онъ могъ построить, по волѣ своего патрона, Гульчанскую церковь; почему и постройка ея приписывается одними кн. Сангушко, а другими Подгородецкимъ.

*

отстроенное, незавидной архитектуры и топорной работы, помѣщенное между корчмами, Залужей и мѣстечкомъ,— прибавимъ мы—съ своей стороны, назначено для православной церкви. Урочище св. Николая осталось за новооткрытымъ въ м. Гульчѣ костеломъ на томъ основаніи, что къ этому зданію оно относилось прежде, во время существованія уніи въ м. Гульчѣ. Тогда же Подгородецкій захватилъ изъ церковныхъ угодій два сада, часть пахатной и сѣнокосной земли. *Въ третьихъ.* Подгородецкій обратилъ въ католицизмъ нѣсколько крестьянъ изъ своей прислуги, и такимъ образомъ, по замѣчанію приходскаго священника, положилъ основаніе будущей Гольчанской римско-католической общинѣ, долженствовавшей современемъ составить приходъ новообразованнаго костела. Вначалѣ она была незначительною по количеству своихъ членовъ; но можно было надѣяться, что современемъ увеличится и въ данной мѣстности образуетъ разсадникъ латинопольскаго образованія. При благопріятныхъ обстоятельствахъ община эта могла возрастать, увеличиваться и потѣснить господствующее, по количеству и правамъ церкви, православное населеніе.

Само собою разумѣется, что, съ отчисленіемъ урочища св. Николая къ Гульчанскому костелу, доходы, собираемые у грота, должны были поступать въ пользу того же костела. Но есть въ дѣлѣ показанія, что,—при жизни Подгородецкаго, они поступали частью въ костелъ, а частью въ православную церковь. Иначе и быть немогло: «католики умѣютъ вести дѣла свои послѣдовательно и понимаютъ, что значитъ выдержка; обративъ всѣ доходы отъ грота въ свою пользу, они раздражили бы мѣстнаго православнаго священника, который, обжаловавъ ихъ предъ правительствомъ, могъ бы прекратить ихъ начинанія. Нѣтъ,» «конецъ дѣлу вѣнецъ», "finis coronat opus„ девизъ пропаганды. По этому она вначалѣ довольствуется частью дохода, собираемаго у грота; другая остается, разумѣется до извѣстнаго времени, за православнымъ священникомъ. Послѣдній, воспитанный въ уніятскомъ

духѣ и извѣстный тѣмъ, что, по замѣчаніямъ нынѣшняго приходскаго священника, долго не соглашался на присоединеніе къ православной церкви, довольствовался уступкою, сдѣланною въ его пользу и молчалъ предъ правительствомъ на счетъ присвоенія католиками достоянія мѣстной приходской церкви; даже не внесъ въ опись церковныхъ принадлежностей—какъ урочища св. Николая, такъ и земли, захваченной помѣщикомъ въ пользу Гульчанскаго костела. Впрочемъ описи церковнаго имущества Гульчанской православной приходской церкви до 1806 года не было; можетъ быть она и была составлена, да пропала.

Обративъ вниманіе на тогдашнія отношенія православнаго на Волыни духовенства къ помѣщикамъ, другаго образа дѣйствій отъ Гульчанскаго приходскаго священника нельзя было ожидать. Здѣсь мы допустимъ небольшое отступленіе отъ главнаго предмета, необходимое для надлежащаго пониманія судебъ прошедшаго времени, коимъ подвергался гротъ св. Николая.—Духовенство возсоединенной Волынской церкви составилось, большею частью, изъ принявшихъ православіе, уніятскихъ священниковъ, воспитанныхъ во времена уніи и подъ вліяніемъ ея; многіе изъ нихъ перешли къ господствующей церкви въ видахъ удержанія за собою занимаемыхъ ими приходовъ, коихъ приходилось лишиться съ поступленіемъ прихожанъ въ составъ той церкви. Другіе, посамостоятельнѣе характеромъ, долго колебались и перешли къ вѣрѣ своихъ предковъ потому, что слышали вокругъ себя отзывы, что возсозидаемый порядокъ существовалъ въ краѣ искони и истребленъ былъ послѣ упорной борьбы и насильственнымъ образомъ. Такихъ личностей, какъ протоіереи: Кременецкій Павелъ Громачевскій, Заславскій Варѳоломей Тороканъ—Тхоржевскій и Лабунскій Василій Гловачевскій, было немного (1). Правда, въ со-

(1) Кременецкій Протоіерей Павелъ Громачевскій, происхожденіемъ полякъ, воспитывался въ Кременецкихъ

ставъ православнаго Волынскаго духовенства вошло много лицъ, прибывшихъ изъ Малороссіи, каковыми были

и Луцкихъ іезуитскихъ школахъ, самъ преподавалъ реторику въ Подкаменецкихъ. Будучи рукоположенъ во священники, состоялъ капелланомъ при каѳедрѣ уніятскаго бискупа генеральнымъ инстигаторомъ и Кременецкимъ дѣканомъ. Находясь въ уніятствѣ, Громачевскій подпалъ аресту и заключенію въ Варшавѣ по поводу подозрѣнія въ участіи никогда не существовавшаго, выдуманнаго шляхтою заговора, который будто составило русское духовенство (православное и уніятское) съ пріѣзжавшими изъ Россіи маркитантами для истребленія поляковъ и жидовъ (смот. widok przemocy na słabą niewinność srogo wywartey, историч. записки Ѳеодосія Бродовича, архи-пресвитера Греч. уніят. капитула Луцкого о событіяхъ на Волыни и Подолью въ 1789 году, изд. второе, Львовъ, 1861. Въ этомъ сочиненіи 1 части, на стр. 77 и 112 упоминается о заключеніи J. m. x. Gromaczewskiego, dziekana Krzemieneckiego). По освобожденіи изъ заключенія, польскій король наградилъ Громачевскаго золотою медалью за невинное страданіе въ заключеніи, которую тотъ носилъ на шеѣ, на голубой лентѣ. Принявъ православіе, о. Громачевскій содѣйствовалъ обращенію къ вѣрѣ праотцевъ почти всего Кременецкаго уѣзда, сдѣланъ первоприсутствующимъ Кременецкаго духовнаго правленія и наконецъ произведенъ былъ въ протоіереи.—Говорятъ на счетъ его, что, будучи въ одно время позванъ къ извѣстному польскому меценату, образователю Кременецкаго лицея, Ѳ. Чацкому, на вопросъ: «отчего православное духовенство никѣмъ нелюбимо?» отвѣчалъ словами Спасителя: «аще отъ міра бысте были, міръ убо свое любилъ бы; «якоже отъ міра нѣсте, но азъ избрахъ вы отъ міра, «сего ради ненавидитъ васъ міръ».

Заславскій протоіерей *Варѳоломей Горокашъ Тхоржевскій* изъ дворянъ, обучался въ Любарскихъ школахъ, народныхъ Острожскихъ и Львовскомъ коллегіумѣ. По

протоіереи: Михаилъ Веледницкій, Стефанъ Симоновичъ, Николай Савлучинскій и другіе. По подобныхъ пришель-

---

окончаніи образованія состоялъ при Луцкомъ уніятскомъ бискупѣ и обучалъ желавшихъ поступить въ духовный санъ. Рукоположенъ во священники во время существованія уніи; носилъ званіе апостольскаго нотарія, имѣлъ золотой перстень отъ Папы Пія VI; былъ генеральнымъ экзаменаторомъ Острожской Епархіи, Лабунскимъ и Полонскимъ дзѣканомъ (dekanus, десятиначальникъ). Принявъ православіе по возвращеніи края Россіи, посвященъ епископомъ Варлаамомъ въ протоіереи и открылъ доступъ православію въ Луцкомъ уѣздѣ, къ которому присоединилъ тамъ 48 приходовъ. Открылъ Заславское Духовное Правленіе, за тѣмъ назначенъ присутствующимъ въ Волынскую Духовную Консисторію, позже первоприсутствующимъ Дубенскаго духовнаго правленія и наконецъ первоприсутствующимъ же Заславскаго духовнаго Правленія и благочиннымъ.

Протоіерей Лабунскій (Лабунь—мѣстечко въ Заславскомъ уѣздѣ) *Василій Гловачевскій*, полякъ и шляхтичъ по происхожденію, рукоположенъ во священники во времена уніи; былъ инстигаторомъ Лабунскаго дзѣканата (благочиннической округа) и общимъ духовникомъ съ правомъ разрѣшенія грѣховъ, епископу принадлежащимъ. Принявъ православіе, о. Гловачевскій участвовалъ въ присоединеніи къ нему другихъ уніатовъ и обратилъ въ православіе половину Лабунскаго уѣзда. По открытіи Лабунскаго духовнаго правленія, былъ первоприсутствующимъ въ немъ до упраздненія. Въ послѣднее время своего служенія былъ произведенъ въ протоіереи.

Подобныхъ дѣятелей въ дѣлѣ присоединенія западнорусскаго народа къ православію въ исходѣ прошлаго столѣтія, вѣроятно, было и больше; но мы здѣсь упомянули о тѣхъ, коихъ формулярные списки попались намъ въ руки. Впрочемъ мы имѣли формулярные списки духовенства одной Волынской епархіи.

цевъ было немного; а потому они не вполнѣ могли вліять на Волынское православное духовенство въ исходѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Неудивительно поэтому, что многіе изъ священниковъ описываемаго времени едвали надлежащимъ образомъ понимали свои святыя обязанности и тѣмъ менѣе могли возвышаться до самоотверженія при выполненіи и отстаиваніи правъ возсоединенной церкви. Правду сказать, въ былое время трудно было отстаивать свои права православнымъ священникамъ по причинѣ трудныхъ и запутанныхъ отношеній къ владѣльческому сословію. Хотя это духовенство имѣло тогда, какъ и теперь, собственное управленіе и, по дѣламъ церковнымъ, судъ; но всё же должно было подпасть, если не прямой, то косвенной зависимости отъ помѣщиковъ и ихъ клевретовъ вслѣдствіе тогдашнихъ хозяйственно-экономическихъ отношеній. Поляки—помѣщики не могли простить православному духовенству югозападной Руси того, что оно ускользнуло отъ ихъ непосредственнаго господства, которому подчинялось уніятское духовенство во время зависимости этого края отъ Польши. Въ ту пору не могъ получить прихода уніятскій пароxъ или приходскій священникъ, не имѣя отъ помѣщика одобрительнаго свидѣтельства (prezenty); получивъ аттестацію отъ помѣщика и затѣмъ приходъ отъ епископа, священникъ становился первымъ изъ подданныхъ своего пана. Pop-chłop, — вотъ лозунгъ, опредѣлявшій права пана въ отношеніи къ пароху его села во время господства Польши. Сыновей пароха брали въ военную службу; какъ ихъ, такъ и дочерей его призывали въ мѣстную экономію къ отвѣту, подвергали наказаніямъ, даже тѣлеснымъ, по случаю обвиненія. Пашни, луга церковные замѣняли паны другими землями, или обращали въ свою собственность, по произволу; при первой прихоти выгоняли пароховъ изъ приходовъ, замѣняли ихъ другими, по усмотрѣнію. То, что выражено въ проэктѣ извѣстнаго іезуита объ истребленіи уніонной Руси, поданномъ польскому сейму въ 1786 году (Proiekt na zniszczenie rusi zjednoczoney, roku 1786 przez

pewnego X. Jezuitę do stanów podany) списано съ натуры: дѣйствительно паны XVIII вѣка, будучи воспитанниками іезуитовъ, напитавшись духомъ своихъ наставниковъ, руководствовались началами, изложенными въ томъ проэктѣ по отношенію къ тогдашнему уніатскому духовенству. Возсоединеніе его съ праматерью своею—Греко Восточною церковью по возвращеніи края Россіи, высвободило это духовенство изъ подъ гнёта непосредственной панской власти,—и этого-то паны никакъ не могли ему простить. Они дали ему почувствовать свою тяжелую руку, воспользовавшись благопріятными для себя обстоятельствами. Священники того времени не имѣли ни откуда жалованья подобно тому, какъ теперь получаютъ жалованье отъ Правительства; состоя на своихъ приходахъ, имѣли содержаніе отъ хозяйства, обработывая церковныя поля, собирая сѣно, сбывая приплодъ отъ домашняго скота, птицы и т. д. Для занятій хозяйственныхъ и полевыхъ работъ необходимы люди;—гдѣ можно было найдти ихъ, когда весь рабочій народъ былъ занятъ барщиною? Случалось священнику упросить прихожанина отпустить котораго—нибудь изъ домочадцевъ въ служители; если это былъ парень, то помѣщикъ отдавалъ его въ военную службу при первомъ рекрутскомъ наборѣ, какъ человѣка безполезнаго для него и общества. Иногда удавалось священнику упросить людей помочь въ работахъ полевыхъ;—посланные отъ пана, или его экономa насильно сгоняли нанятыхъ людей съ церковнаго поля на барщину, которую работали, впродолженіи цѣлой недѣли, всѣ крестьяне, цѣлыми семьями, заисключеніемъ немощныхъ старцевъ и безсильныхъ дѣтей, да не поднимавшихся съ ложа больныхъ. Доходы, получаемые за исправленіе требъ и частныя молитвы, были, въ то время, ничтожны, какъ потому, что они подвергались контролю помѣщика, такъ и по причинѣ бѣдности прихожанъ. Случалось, домашній скотъ, птицы, принадлежащіе священнику, касались хлѣба, пашней, сѣнокосовъ помѣщичьихъ; ихъ тот-часъ брали въ экономію и возвращали хозяину по взысканіи съ него

за «спасъ,» или потраву, и то послѣ усильныхъ просьбъ, соединявшагося съ уничиженіемъ просителя, издѣвательства надъ нимъ помѣщики, или его экономы. Домы для жительства священно-и-церковно-служителей, хозяйственныя строенія ихъ воздвигались вновь и исправлялись обытшавшіе на счетъ хозяевъ. Но гдѣ же было достать дерева, кирпича и всякаго другаго матеріала для постройекъ? Необходимо было просить всего у помѣщика; даже дровъ на отопленіе дома никто немогъ имѣть, неполучивъ отъ владѣльца «квитка», или письменной марки, которая предъявляема была полѣсовщикамъ для обозначенія числа вывозимыхъ фуръ. Прибавьте къ тому, что арендаторъ корчемъ, обыкновенно, жидъ, пріобрѣталъ отъ владѣльца право исключительной продажи напитковъ въ извѣстной мѣстности. Этому праву старались подчинить и священника и церковнослужителей. Случалось, что арендаторъ узнавалъ о привозѣ кѣмъ нибудь изъ нихъ водки «со стороны» для хозяйственныхъ потребностей; арендаторъ бралъ съ собою крестьянъ, насильственно нападалъ на домъ обвиненнаго, конфисковалъ водку, не рѣдко грабилъ хлѣбъ, скотъ и все, что попадалось подъ руку, за нарушеніе правъ откупа; наносилъ побои, обиды и оскорбленія всякаго рода священно-и церковно-служителямъ и ихъ семействамъ, не обращая вниманія ни на полъ, ни на возрастъ. Если заводимъ былъ процессъ по случаю этихъ притѣсненій, то помѣщикъ принималъ вину на себя и объяснялъ дѣло такъ: хотя священникъ и дьячекъ лично не подчиняются правамъ откупа; но какъ они поятъ водкою крестьянъ помѣщика, находящихся у нихъ въ услуженіи, или занимающихся полевою работою, то эти послѣдніе, какъ крѣпостные, на грунтѣ своего владѣльца, обязаны пить только его водку; слѣдовательно арендаторъ конфисковалъ только то, что составляло вѣрную контрабанду и сопрягалось съ нарушеніемъ правъ откупа. Само собою разумѣется, что подобныя притѣсненія усиливались въ отношеніи къ священнику, оскорбившему чѣмъ нибудь помѣщика, оффиціалистовъ его, даже лакеевъ

и вообще ихъ прислугу. Прижимки получали тогда характеръ системы и дѣлались такъ тяжелыми, что притѣсняемые принуждены были перемѣщаться на другіе приходы, хотя это соединялось съ разореніемъ ихъ хозяйства и большими хлопотами. Это положеніе священно-и-церковно-служителей на Волыни было всеобщимъ; если же случались исключенія, то они были рѣдки и служили признакомъ, что покровительствуемый измѣнялъ своему долгу и интересамъ сословія. Нужно было дерева для починки строеній, или на дрова, нуждался кто въ служителѣ, служанкѣ, рабочихъ, горячемъ винѣ лучшаго сорта, не упоминая уже о возведеніи новыхъ построекъ, починкѣ церковныхъ зданій, — священно-и-церковно-служители принуждены были обращаться съ просьбою къ самому помѣщику—въ помѣстьяхъ мелкихъ, или къ офиціалистамъ въ имѣніяхъ крупныхъ, каковы: Браницкаго, Сапѣгинскихъ и т. п. — Выбравъ время, опредѣленное для пріема просителей, нужно было въ передпихъ пановъ, въ толпѣ другихъ просителей—крестьянъ, жидовъ и мелкихъ офиціалистовъ, поджидать пастырю церкви милостивой аудіенціи, и, дождавшись ее, на ногахъ, не отходя отъ порога, смиренно испрашивать у вельможнаго той, или другой милости, нерѣдко подвергаясь насмѣшливымъ улыбкамъ, а иногда и колкимъ намекамъ, кои касались не личности просителя, а носимаго имъ званія. И если вельможный, умилясь таковымъ подобострастіемъ и самоуничиженіемъ, гордо, закручивая въ самодовольствѣ, усы, удовлетворялъ просителя и въ добавокъ, въ качествѣ особенной «łaski», громогласно приказывалъ «wydać xiędzu na święta polbeczułek piwa» (выдать священнику для праздниковъ полубочекъ пива—цѣна 50 к.), то это было признакомъ особеннаго расположенія и возбуждало въ знакомыхъ околотка зависть къ облагодѣтельствованному. Если давалось право на полученіе дровъ, то, на извѣстное время года, отпускалось извѣстное количество фуръ, проситель получалъ записку, или «квитокъ», въ которомъ число возовъ обозначалось *кулями;* при вывозѣ неграмот-

пый полѣсовщикъ прокалывалъ иглою столько нулей, сколько вывозилось фуръ. Поэтому каждый вращавшійся около пана и подпанковъ, игралъ извѣстную роль въ составѣ администраціи помѣщика; каждаго нужно было задабривать, такъ-какъ онъ, въ своемъ мѣстѣ, имѣлъ извѣстное значеніе; нужно было ласкать самыхъ лакеевъ, допускавшихъ просителей къ милостивому пану. Слѣдовательно—pop-chłop имѣло въ устахъ вельможнаго не одно ругательное значеніе (1), а ему старались придать дѣйствительный смыслъ, приложить къ самой жизни, осуществить на самомъ дѣлѣ. Нужно ли удивляться, что, при подобной обстановкѣ, Гульчанскій приходскій священникъ, первый изъ возсоединенныхъ, по преданію — упорный уніатъ, не оспаривалъ у помѣщика права владѣнія урочищемъ св. Николая и получаемыми у грота доходами, равно какъ и другими церковными принадлежностями, захваченными Подгородецкимъ вмѣстѣ со зданіемъ бывшей приходской уніятской церкви? При тогдашнемъ положеніи дѣлъ подобный поступокъ со стороны священника показывалъ только въ немъ кроткаго, мирнаго, незатѣйливаго сосѣда; напротивъ того всякое требованіе, обусловливаемое обязанностію пастыря, подавало поводъ обносить его человѣкомъ задорнымъ, безпокойнымъ; тогда помѣщикъ прижимками своими могъ довести обжаловавшаго его до необходимости перейти на другой приходъ. По всѣмъ этимъ причинамъ могъ Гульчанскій священникъ, перешедшій изъ уніи въ православіе, молчать насчетъ присвоеній сдѣланныхъ Подгородецкимъ въ пользу католицизма;

«(1) Пропаганда обратила это названіе, самое почетное по значенію, въ ругательное. Почему она не распространяетъ въ народѣ понятія, что слова «*попъ*» и «*папа*» происходятъ отъ одного и того же корня—греческаго «*πάππας*, что значитъ *отецъ*. Пора бы православно-русскому духовенству не гнушаться, а гордиться этимъ названіемъ; тогда бы противники почувствовали себя обезоруженными».

да и преемники этого священника не осмѣливались идти противъ помѣщиковъ явно, а развѣ косвенно,—старались *повліять* для исправленія неправильнаго положенія дѣлъ, и этой системѣ поведенія слѣдовали священно-и-церковнослужители въ Гульчѣ до наступленія временъ лучшихъ.

Но были попытки, предпринимаемыя другими, возвратить урочище Св. Николая православной церкви, какъ исконную ея принадлежность. Такъ, при священникѣ Давидѣ Сагайдановскомъ, сынѣ Іоанна Сагайдаковскаго, въ третьемъ десятилѣтіи текущаго вѣка, заведено было дѣло въ Волынской духовной Консисторіи на счетъ владѣнія урочищемъ Св. Николая и уменшенія земли Гульчанской приходской церкви. Дѣло было начато окружнымъ благочиннымъ Лазаремъ Гловацкимъ; но онъ скоро поступилъ въ полковые священники, а начатая имъ переписка въ Волынской духовной консисторіи такъ хорошо припрятана, что слѣды ея остались по однѣмъ описямъ. Въ дѣлѣ имѣется показаніе, что преемникъ Подгородецкаго помѣщикъ Порчинскій послалъ одному вліятельному лицу въ Консисторіи 40 корцевъ овса (корецъ—обыкновенный имѣетъ 36 гарцевъ); и такимъ образомъ, по выраженію одного изъ благочинныхъ, преемниковъ Лазаря Гловацкаго, *засыпалъ овсомъ гротъ* св. Николая. Для наблюденія за этимъ гротомъ, а равно и доходами, у него собираемыми, еще во время жизни Подгородецкаго построенъ былъ, вблизи бассейна, домикъ для сторожа; послѣдній всегда былъ избираемъ изъ крестьянъ, составлявшихъ православное населеніе Гульчи. По смерти Подгородецкаго (1) доходы,

---

(1) На счетъ этого Подгородецкаго разсказываютъ, что его посѣтилъ одинъ изъ православныхъ епископовъ, имѣвшихъ, въ то время, пребываніе въ г. Острогѣ. Тогда существовалъ обычай вербовки въ военную службу. Гостепріимный хозяинъ успѣлъ занять своего посѣтителя, а вербовщики начали съ усердіемъ ухаживать возлѣ людей его и тѣ очутились въ рукахъ ихъ; думаютъ, что это случилось не безъ тайнаго участія хозяина. Когда настало

собираемые у грота св. Николая поступали уже не въ кассу православной приходской церкви, а въ пользу многочисленныхъ преемниковъ его; есть показаніе, что тѣ допускали очищать ящикъ, висѣвшій у грота, своимъ кредиторамъ—жидамъ. Доходы эти ежегодно простирались отъ 150 до 200 рублей; не удивительно по этому, что мѣстная владѣльческая администрація употребляла всѣ усилія удержать гротъ въ своихъ рукахъ. Такъ въ 50 годахъ нынѣшняго столѣтія оказалось нужнымъ соорудить колокольню и ограду при нынѣшней приходской церкви, и окружный благочинный Дверницкій указалъ епархіальному начальству на доходы, собираемые у грота св. Николая, какъ на принадлежность православной церкви; на счетъ этихъ доходовъ можно было построить недостающія принадлежности ея. Тогда администраторъ гульчанскаго имѣнія поспѣшилъ построить колокольню и ограду на собственный счетъ; послѣ чего переписка объ урочищѣ опять была оставлена. Однакожъ крестьяне м. Гульчи снова возобновили ее, какъ показываетъ мѣстный приходскій священникъ. Въ 40—годахъ нынѣшняго столѣтія они вступили съ прошеніемъ, едвали не къ гражданскимъ властямъ, на счетъ урочища св. Николая; но прошеніе это, какими-то *невѣдомыми путями*, перешло въ руки помѣщика Порчинскаго (тогдашняго узурпатора урочища), который и объявилъ подписавшимся на ономъ прихожанамъ —своимъ крестьянамъ «свою резолюцію.» Въ 50 годахъ, какъ можно заключать по показаніямъ крестьянъ сосѣднихъ селеній, самое обереженіе урочища было отнято у православныхъ и поручено сторожу изъ католиковъ. Этотъ поступокъ помѣщика представляется крестьянами въ качествѣ окончательнаго акта для устраненія ихъ отъ владѣнія урочищемъ, такъ-какъ этимъ дѣйствіемъ они лишены были

время преосвященному воротиться домой и пришлось подать экипажъ, то при немъ не оказалось никого. Великодушный хозяинъ, замѣтивъ это, отправилъ домой владыку съ своими людьми.

возможности завѣдывать святынею и ея принадлежностями. —Устроенный въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ жилыхъ мѣстъ, гротъ св. Николая, не смотря на близкое нахожденіе сторожеваго домика, неоднократно обворовываемъ былъ неизвѣстными людьми. Завѣдывавшіе имъ помѣщики не доносили о томъ правительству, вѣроятно, изъ опасенія оффиціально сдѣлать извѣстнымъ свое узурпаторство. Но въ 1852 году полиціею задержанъ былъ военный дезертиръ, показавшій на себя, что обобралъ ящикъ, привѣшенный у грота въ Гульчѣ. Подробности, производившагося по этому поводу изслѣдованія, равно какъ исходъ самаго дѣла намъ неизвѣстны. Ниже увидимъ, что сдѣлано было какое-то распоряженіе, неизвѣстно—кѣмъ и когда, наблюдать ксендзу—настоятелю Острожскаго костела за ящикомъ, находившимся у часто поминаемаго грота. Догадываемся, что поводомъ къ подобному распоряженію могло послужить вышепоказанное дѣло. Очевидно, распоряженіе сдѣлано было противъ воли владѣльцевъ м. Гульчи; всё же они съумѣли предотвратить раскрытіе своихъ злоупотребленій относительно доходовъ грота и, можно полагать, воспользовались представившимся случаемъ закрѣпить за католическимъ духовенствомъ какъ гротъ св. Николая, такъ и доходы его, бывшіе до того времени, въ ихъ рукахъ. Видно, по поводу сдѣланныхъ воромъ показаній о похищеніи у грота, уѣздныя полицейскія власти, занимавшіеся слѣдопроизводствомъ (Эти власти, въ то время, нерѣдко состояли изъ чиновниковъ римско-католическаго исповѣданія), спросили Гульчанскую администрацію (мѣстную экономію владѣльца), на счетъ пропажи, случившейся у грота въ Гульчѣ, и въ чьемъ онъ состоитъ вѣдѣніи. Администрація могла отвѣтить, что гротъ Яна (такъ называетъ его впослѣдствіи уполномоченный помѣщицы родной братъ ея Яловицкій въ своей жалобѣ, поданной становому приставу) дѣйствительно обобранъ неизвѣстно кѣмъ—въ такое-то время; что устроенная въ гротѣ каплица должна состоять въ вѣдѣніи настоятеля Острожскаго костела, такъ-какъ этотъ настоятель завѣдываетъ

Гульчанскимъ костеломъ и парафіею (приходомъ). Вслѣдствіе того Острожскія полицейскія власти, для предотвращенія, на будущее время, подобныхъ покражъ у грота, могли войти въ сношенія съ католическою епархіальною властію о снабженіи настоятеля Острожскаго костела приходорасходными книгами для записыванія приношеній, собираемыхъ у грота Яна въ Гульчѣ. Положимъ, это догадка, но весьма правдоподобная. По крайней мѣрѣ, нигдѣ невидно, чтобы это дѣло было извѣстно даже начальнику губерніи; тѣмъ менѣе оно могло находиться въ разсмотрѣніи *высшихъ властей, признавшихъ гротъ св. Яна, попрежнему, католическимъ*, какъ поясняетъ въ своей жалобѣ Яловицкій. Какъ бы то ни было, но, вслѣдствіе поясненнаго нами хода дѣлъ, Острожскій клиръ выигралъ весьма много: не имѣя до того времени никакаго права назавѣдываніе гротомъ въ Гульчѣ и пользованіе доходами его, онъ вдругъ пріобрѣлъ и то и другое и притомъ офиціальнымъ путемъ. До того времени клиръ этотъ хладнокровно смотрѣлъ на узурпаторство своихъ прихожанъ, помѣщиковъ м. Гульчи, пользовавшихся доходами святыни, и не предъявлялъ своихъ собственныхъ притязаній потому, что не находилъ никакаго основанія ни въ своихъ письменныхъ актахъ, ни въ народномъ преданіи, тѣмъ болѣе, что послѣднее отстаивало права Гульчанской православной приходской церкви. Теперь этотъ гротъ достался ему въ руки безъ всякихъ, съ его стороны, особенныхъ усилій. Для укрѣпленія грота за собою пропагандѣ оставалось удалить изъ него икону свят. Николая—безмолвнаго свидѣтеля принадлежности Гульчанской православной церкви, потому—что какъбы не объяснялись католики, а грековосточный характеръ живописи и славянская надпись, обыкновенно употребляемая славянорусскою церковью, ясно показывали, откуда досталась икона и къ какому вѣроисповѣданію относился народъ, образовавшій эту святыню. Удаленіе изъ грота иконы св. Николая могло казаться тѣмъ необходимѣе, что, по случаю начавшагося въ 1853-мъ году дѣла о починкѣ Гульчанскаго безпри-

ходнаго костела на счетъ подаяній собираемыхъ у часто-поминаемаго грота, Волынская духовная православная консисторія возобновила переписку о принадлежности какъ самаго грота, такъ и доходовъ его мѣстной православной церкви. При этомъ случаѣ Консисторія желала найдти переписку, заведенную благочиннымъ Лазаремъ Гловацкимъ, на счетъ которой говорили мы прежде; но никакихъ листковъ ея не открыла ни у себя, ни въ бывшемъ Острожскомъ духовномъ правленіи, ни у окружныхъ благочинныхъ, коихъ вѣдѣнію могла принадлежать, въ прежніе годы, Гульчанская православная церковь. Для исполненія своихъ замысловъ пропаганда выбрала время, какъ казалось, самое удобное—1863 годъ, когда край былъ взволнованъ безпорядками, сю же самою возбужденными и произведенными; мѣстный православный народъ подавленъ перспективою неизвѣстнаго будущаго; русскіе чиновники запуганы терроромъ, который старался произвести въ краѣ Варшавскій подпольный комитетъ; покрайней мѣрѣ такъ могла представлять въ своихъ грезахъ это время латино-польская партія. Но ей пришлось жестоко поплатиться за свои мечты и произведенныя волненія.

31-го октября 1863 года, какъ видно изъ донесенія приходскаго священника м. Гульчи Волынскому архіепископу, мастеровые, по приказанію уполномоченнаго помѣщицы Омецинской, брата ея Геприха Яловицкаго, вынули икону свят. Николая изъ мѣста, до того времени въ гротѣ занимаемаго, вынесли изъ него и помѣстили въ хатѣ (хижинѣ) сторожа; самое же мѣсто въ гротѣ, которое та икона занимала, закрыли зеркаломъ. Замѣна эта—замѣтимъ и мы, съ своей стороны—совершенно въ духѣ римско-католической церкви, допускающей убранство своихъ храмовъ зеркалами.—Въ тоже время поступило къ архіепископу прошеніе отъ Гульчанскихъ крестьянъ, въ коемъ, подтверждая донесеніе своего приходскаго священника, просители умоляли Правительство учинить распоряженіе, дабы икона св. Николая была поставлена на прежнее мѣсто въ гротѣ съ подобающею честью; чтобы

и самый гротъ, какъ исконная принадлежность Гульчанской православной приходской церкви, былъ возвращенъ ей.—Тогда же уполномоченный помѣщицы Омецинской, родной братъ ея, Генрихъ Яловицкій вошелъ къ мѣстному становому приставу съ донесеніемъ, въ коемъ поразительно обрисовывается типъ іезуитскаго текста: безсовѣстныя хитросплетни, наглый обманъ, глубокое лукавство и безстыдная софистика. Мы передадимъ здѣсь содержаніе этого донесенія или, лучше сказать, жалобы, стараясь, по возможности, поддѣлаться подъ текстъ подлинника. «Онъ, Яловицкій, усердно заботился объ украшеніи Гульчанской римско-католической каплицы (капеллы) св. Іоанна (это названіе, сколько запомнимъ, въ первый разъ, въ дѣловыхъ бумагахъ здѣсь намъ встрѣтилось), находящейся у большой дороги. У изголовья статуи св. Іоанна устроено въ стѣнѣ мѣсто, которое нѣкогда украшено было зеркаломъ. «Нѣсколькопадцать лѣтъ» (1) тому назадъ сторожъ грота Козловскій, по распоряженію настоятеля Острожскаго костела, поставилъ въ томъ углубленіи икону св. Николая. Онъ Яловицкій приказалъ тамъ помѣстить новое зеркало, а икону св. Николая повѣсить возлѣ него; дотогоже времени икона была вынесена изъ грота, по поводу очистки его, и помѣщена въ избѣ сторожа. Тогда крестьяне м. Гульчи, руководимые неизвѣстнымъ подстрекателемъ, начали волноваться, будучи недовольны поруганіемъ, нанесеннымъ, какъ думали они, православной иконѣ; стали затѣмъ собираться у грота, ругаться надъ статуей св Яна и обѣщали разбить зеркало, что и было исполнено 8-го ноября, неизвѣстно кѣмъ. Такимъ образомъ, продолжаетъ Яловицкій, была поругана святыня; потому проситъ онъ открыть виновныхъ и предать уголовному суду со взысканіемъ расходовъ, понесенныхъ на покупку зеркала, теперь разбитаго; между тѣмъ онъ Яловицкій украситъ гротъ новымъ зеркаломъ. При этомъ случаѣ, замѣчаетъ тотъ же Яловицкій, св. Николай уважа-

(1) Слова, взятыя изъ подлинника.

ется нетолько Восточною, но и Западною Церковью, и у католиковъ *всегда изображается въ славянскомъ облачении* (?), *съ славянскою надписью;* и что на счетъ Гульчанскаго было уже *подобное послательство*, но, по произведенному изслѣдованію, онъ *признанъ высшею властью* (?), *по прежнему, римско-католическимъ;* а настоятель Острожскаго костела снабженъ шнуровыми книгами для записыванія поступающихъ приношеній.

Вслѣдствіе сношеній духовной власти со свѣтскою произведено было, по порученію начальника губерніи, особымъ чиновникомъ относительно грота дознаніе памѣстѣ. Изъ донесенія этого чиновника нельзя заключить, чтобы жалоба Яловицкаго подтвердилась въ главныхъ чертахъ, исключая показанія его, что самовольный поступокъ его-же съ иконою св. Николая дѣйствительно произвелъ волненіе между Гульчанскими крестьянами. Оказалось при изслѣдованіи еще и то, что икона свят. Николая, можетъ быть, вслѣдствіе этого волненія, дѣйствительно помѣщена опять въ гротѣ, но не на прежнемъ мѣстѣ, а на другомъ и притомъ повѣшена такъ, что благословляющая рука святителя и славянская надпись закрывалась другою иконою Ченстоховской Божьей Матери. Изъ дальнѣйшей, поэтому дѣлу, переписки видно, что правительство дѣйствовало не только съ умѣренностью, но и уступчивостью въ отношеніи къ иноземному элементу. Такъ начальникъ губерніи на отношеніе архіепископа, защищавшаго интересы господствующей церкви, отвѣчалъ, что онъ, начальникъ губерніи, не можетъ удовлетворить гульчанскихъ прихожанъ на счетъ возвращенія приходской ихъ церкви грота св. Николая, какъ принадлежности ея отъ временъ незапамятныхъ, по непредставленію на то юридическихъ доказательствъ; но легко согласиться на перенесеніе иконы свят. Николая, бывшей въ гротѣ, въ мѣстную приходскую церковь.

Да будетъ позволено сказать и намъ нѣсколько словъ, по поводу этого отзыва, при отсутствіи юридическихъ актовъ и вообще письменныхъ источниковъ, принимаются

*

въ качествѣ достовѣрнаго свидѣтельства о прошедшемъ, изустныя преданія, если они выдерживаютъ здравую критику. Правило это принято наукою, столь серьозною, какъ исторія; неужели оно можетъ быть отвергнуто администраціею? Православные прихожане Гульчанской церкви, конечно, не могутъ представить юридическихъ актовъ, какъ напримѣръ, дарственныя грамоты, формальныя записи, судебные приговоры, правительственныя показанія, на счетъ принадлежности имъ урочища св. Николая; но они сами и ихъ сосѣди, жители окрестныхъ деревень и селъ помнятъ то время, въ которое это урочище находилось въ вѣдѣніи Гульчанской приходской церкви. Положимъ, эта церковь была тогда уніятскою; но унія, вопервыхъ возникла и утвердилась, въ этомъ краѣ, на развалинахъ православія—фактъ не подлежащій сомнѣнію; вовторыхъ, съ возсоединеніемъ съ православною церковью Гульчанскихъ прихожанъ и священника должно было всецѣло перейти въ вѣдѣніе ея и то, что составляло несомнѣнную принадлежность приходской ихъ церкви, а тѣмъ болѣе зданія, въ коихъ она помѣщалась; если же эти зданія уступлены кому-нибудь въ качествѣ заимѣны «то въ эту категорію никакъ не могутъ войти принадлежности ихъ, какъ напримѣръ; угодія; а это послѣднее надобно сказать на счетъ урочища свят. Николая, стало-быть и грота находящагося въ томъ урочищѣ. Съ другой стороны немѣшаетъ принять во вниманіе и то, что католики нетолько неимѣютъ за собою преданія, но позднѣйшіе письменные акты явно говорятъ противъ нихъ, показываютъ, что они присвоивали себѣ урочище свят. Николая съ правильною постепенностью и послѣдовательностію. Если католики были исконными обладателями урочища, то для чего было все это? Притомъ, если католиковъ въ прежнія времена совсѣмъ небыло въ Гульчѣ, то для когоже тамъ существовало католическое церковное учрежденіе, и кто имъ завѣдывалъ? Все это такіе вопросы, на которые никто не въ состояніи дать удовлетворительнаго отвѣта. Изъ переписки, заведенной по этому предмету,

ствуетъ, что православные постоянно отстаивали права свои на владѣніе часто поминаемымъ урочищемъ, никогда отъ него неотказывались, хотя и затихали на время, замѣчая, что противники «заплели» во кругъ себя «густую сѣть», чрезъ которую имъ невозможно «протянуть рукъ» для полученія защиты (1). По самому ходу дѣла можно заключать, на чьей сторонѣ правота: православные дѣйствуютъ холодно, чуждаются страстныхъ увлеченій, ожидаютъ исхода завязавшихся дѣлъ по пѣлымъ годамъ, дѣйствуютъ прямодушно; напротивъ того въ поведеніи противниковъ ихъ замѣчается какая-то скрытность, тайна, которая нелюбитъ свѣта. Исходомъ послѣдней служитъ вѣрный успѣхъ, ведущій съ правильною послѣдовательностью и постепенностью къ предположенной цѣли. Видно, что католики дѣйствуютъ подъ руководствомъ какой то невидимой, тайной силы, которая для достиженія преслѣдуемыхъ цѣлей не перебираетъ средствъ, употребляетъ и подкупы и насиліе и обманъ; очевидно, эта сила ставитъ политику на первомъ, нравственность на второмъ планѣ. Предоставляемъ послѣ того судить каждому, на чьей сторонѣ правота?

Неудивительно, что этотъ вопросъ, эта терпѣливая, такъ сказать, оборонительная система дѣйствованія съ одной стороны; постоянное, наглое и, подъ оболочкой самозащищенія, безсовѣстное нападеніе съ другой, вызвали печатныя статьи, появившіяся въ повременныхъ изданіяхъ и сдѣлавшія дѣло это гласнымъ. Поэтому и Волынскій архіепископъ въ другомъ отношеніи, на счетъ урочища св. Николая, къ начальнику губерніи, между прочимъ, замѣтилъ, что вопросъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ въ литературномъ мірѣ. Тогда начальникъ губерніи, не желая долѣе задерживать хода дѣла, представилъ его на усмотрѣніе начальнику края. Послѣдній съ разу понялъ

(1) Мысль эта, а равно и слова, обставленныя кавычками, взяты изъ показанія крестьянъ сосѣдственныхъ мѣстъ, о принадлежности урочища св. Николая.

значеніе задачи (1): дѣйствуя энергически, хотя съ осторожностью, онъ поставилъ вопросъ, покамѣстъ, въ то положеніе, въ какомъ онъ состоялъ до 31 октября 1863 года: сдѣлалъ распоряженіе торжественно — помѣстить икону свят. Николая въ Гульчанскомъ гротѣ на то мѣсто, которое она занимала до этого времени. Возстановленіе это произведено было гласно и съ полною торжественностію: 1-го сентября 1864 года икона свят. Николая перенесена была передъ богослуженіемъ въ приходскую церковь; по совершеніи его отнесена въ гротъ въ торжественной процессіи многочисленнаго народа, военнаго и гражданскаго чина, и затѣмъ помѣщена въ прежнемъ своемъ мѣстѣ. Въ процессіи участвовали уѣздный протоіерей и собравшееся изъ уѣзда духовенство.

Этимъ дѣйствіемъ, несмотря на его торжественность, небылъ однакожъ рѣшенъ вопросъ о принадлежности грота православному, или католическому духовенству. Если открытъ былъ доступъ въ гротъ Гульчанскому приходскому священнику, по поводу нахожденія въ гротѣ иконы св. Николая, то небылъ онъ закрытымъ и для пробста (по мѣстному, пробоща) Острожскаго костела, доколѣ въ гротѣ стояла статуя Яна Непомуцена и висѣлъ ящикъ для денежнаго сбора. Но могла ли продолжаться эта двойственность при существующемъ различіи церквей: Восточной и Западной? Очевидно, немогла. Съ одной стороны, право на пѣмѣщеніе иконы свят. Николая въ гротѣ признано непреложнымъ высшею административною властью въ краѣ; съ другой — правдивый, неподлежавшій пререканіямъ большинства, говоръ народный признавали урочище свят. Николая исконною принадлежностью Гульчанской приходской церкви. Но какъ было совмѣстить, на одномъ и томъ же мѣстѣ, поклоненіе православной иконѣ и чествованіе статуй, допускаемое католическою, но отвергаемое православною церковью? Послѣдняя пользуется правами господствующей въ краѣ и государствѣ; за нее

(1) Покойный Безакъ.

стоитъ исторія страны и большинство народонаселенія даже въ данной мѣстности, не только государства; католицизмъ же продолжаетъ въ нихъ свое существованіе вслѣдствіе общепринятыхъ началъ вѣротерпимости. Ни власти духовныя, коихъ обязанность заключается въ поддержаніи и распространеніи въ народѣ чистоты религіозныхъ вѣрованій, ни власти гражданскія, обязанныя охранять законный порядокъ и права преимущественно—отечественной церкви, немогли оставить въ прежнемъ положеніи грота на дальнѣйшее время. Потому бывшій волынскій архіепископъ Антоній, во время проѣзда своего изъ Почаева въ Житоміръ чрезъ м. Гульчу, посѣтилъ пещеру св. Николая и замѣтилъ земскому исправнику Острожскаго уѣзда, что статуѣ Яна не прилично оставаться тамъ, гдѣ воздается публичное поклоненіе, преимущественно простымъ народомъ, православной иконѣ; причемъ могъ прибавить, что народъ, при подобной обстановкѣ, можетъ составить неправильное понятіе объ уставахъ православной церкви. Вслѣдствіе этого обращенія преосвященнаго, управлявшаго Волынскою епархіею, начальникъ Острожскаго уѣзда распорядился объ отправкѣ статуи Яна и денежнаго ящика въ мѣстный костелъ; о чемъ составилъ актъ 20 марта 1865 года и отправилъ для свѣдѣнія, куда слѣдовало.

Этимъ дѣйствіемъ возстановленъ „status quo“ второй половины прошлаго столѣтія, когда урочище свят. Николая находилось въ завѣдываніи мѣстнаго приходскаго священника и статуи Яна въ гротѣ небыло.

Не смотря на эти успѣхи, существованіе грота свят. Николая подвергалось большой опасности, если бы земля, на которой онъ находился, осталась собственностью землевладѣльца—католика. Притомъ и бесѣдка, устроенная въ рощѣ на возвышеніи, у подошвы котораго находился гротъ, пользовалась дурною славою: ее покрывали посѣтители надписями всякаго рода. Между этими надписями были и противу—нравственныя; чего крестьяне стерпѣть немогли, опасаясь дурнаго вліянія на юные умы и сердца

своихъ дѣтей, начавшихъ ознакомливаться съ грамотою; что и выразили крестьяне въ одной изъ офиціальныхъ бумагъ. Мало того: латинопольская пропаганда сдѣлала эту бесѣдку мѣстомъ своей рекламы, въ которомъ вздумала парализировать своихъ оппонентовъ; такъ на бесѣдкѣ, между прочимъ, оказалась надпись слѣдующаго содержанія: «становый приставъ № (вѣрный слуга Государя, какъ говорятъ крестьяне) будетъ повѣшенъ». Все это, разумѣется, профанировало находящуюся вблизи народную святыню и могло демонализировать вращающійся у нея народъ. Къ счастью Гульчанскіе крестьяне, искони пріобыкшіе питать благоговѣйное уваженіе къ иконѣ свят. Николая, предъявили свои права на владѣніе урочищемъ свят. Николая, т. е., площадкою, на коей устроена искуственная пещера или гротъ, рощицею, расположенною на горкѣ, и прилегающимъ лугомъ, по коему проходитъ вытекающій изъ родника пещеры ручей. Свои требованія крестьяне выразили на мірскомъ сходѣ, потомъ заявили Острожскому мировому съѣзду при повѣркѣ уставныхъ грамотъ. Права крестьянъ были изслѣдованы однимъ изъ членовъ этого съѣзда и опредѣлены въ особомъ актѣ, составленномъ по этому поводу;—словами этого акта воспользовались и мы, приведши въ этой статьи часть показанія 22 крестьянъ—свидѣтелей, жителей ближайшихъ къ Гульчѣ селеній. Уѣздный мировый съѣздъ призналъ права Гульчанскихъ крестьянъ на владѣніе урочищемъ свят. Николая дѣйствительными и поточу включилъ это урочище въ составъ земли, подлежащей крестьянскому выкупу; послѣ чего одѣночная плата за нее утверждена начальникомъ края. Правда опредѣленіе Острожскаго мироваго съѣзда обжаловано было въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, по случаю поступленія туда выкупныхъ актовъ на разсмотрѣніе; но это присутствіе признало «безусловно вѣрнымъ и неподлежащимъ оспариванію» опредѣленіе относительно урочища св. Николая; а главное выкупное учрежденіе утвердило акты выкупной земли крестьянъ м. Гульчи, безъ измѣненія.

Урочище это, какъ показано въ планѣ инвентарной выкупной части крестьянъ собственниковъ м. Гульчи, занимаетъ 2 десятины, 275 саженъ; за него крестьяне до извѣстнаго срока, обязаны, ежегодно, вносить выкупнаго платежа 3 рубля съ копѣйками. Теперь только можно сказать, что вопросъ на счетъ урочища свят. Николая въ Гульчѣ поставленъ въ положеніе прочное.

---

8. ВОСТОЧНАЯ ПОЛОСА ПО Р. ГОРЫНИ
въ Острожскомъ уѣздѣ.

Восточный берегъ р. Горыни въ Острожскомъ уѣздѣ представляетъ весьма живописную мѣстность. Онъ также, какъ и западный, усѣянъ, селами и деревнями, довольно густо расположенными, начиная отъ г. Острога, гдѣ Горынь поворачиваетъ на сѣверъ до Дорогобужа и Расники; за этимъ селомъ рѣка входитъ въ Ровенскій уѣздъ. Западный берегъ р. Горыни мы отчасти описали въ статьи нашей—сѣверозападный уголъ Острогскаго уѣзда; ознакомимся теперь съ восточнымъ, занявъ при обозрѣніи всю восточную полосу рѣки, или пространство между этою рѣкою и почтовымъ трактомъ, идущимъ изъ г. Острога до Гущанской станціи, лежащей на Кіево-Брестскомъ шоссе.

На этотъ разъ проѣдемъ г. Острогъ не останавливаясь и откроемъ дальнѣйшій путь по почтовому тракту, сейчасъ нами упомянутому и ведущему въ м Корецъ и г. Новоградволынскъ. По выѣздѣ изъ города тотъ—часъ очутимся на такъ называемой Вельбовской плотинѣ, перекинутой чрезъ ложбину рѣки Горыни и впадающей въ нее Вилію. Плотина эта соединяетъ два противуположныя берега ложбины на пространствѣ 4-хъ верстъ и во всю свою длину, по обѣ стороны, усажена вербами, тополями и другими деревьями. Въ сухое время она представляетъ довольно пріятное мѣсто для загородной прогулки—

среди луговъ, покрытыхъ высокою травою и отчасти кустарниками. По лугамъ раскинуты ленты протекающихъ рѣкъ и рукавовъ ихъ, которые перерѣзываютъ ложбину и плотину во многихъ мѣстахъ; чрезъ послѣднюю, разумѣется, перекинуты мосты, гдѣ того требовала необходимость. Во время же весеннихъ и лѣтнихъ разливовъ, когда таютъ снѣга и идутъ большіе дожди, сообщеніе тутъ прерывается: вся ложбина представляетъ одну обширную, сплошную рѣку, по которой выдаются кое—гдѣ деревья, оторачивающія плотину и растущія индѣ среди самыхъ луговъ. Тогда проѣздъ здѣсь не возможенъ и сообщеніе уѣзднаго города съ восточною половиною уѣзда и губерніи производится или почтовою дорогою чрезъ Ровно; или частною-чрезъ Краевъ, Вильгоръ, Бугринъ въ Горбаковъ-по западному берегу рѣки; или тоже почтовою дорогою чрезъ г. Заславль. Не знаю, какъ теперь; а прежде были паромы въ деревнѣ Черняховѣ и селѣ Бугринѣ; но едва ли возможенъ проѣздъ чрезъ рѣку посредствомъ нихъ въ полую воду. Одной весной мы поспѣшали на почтовыхъ къ Свѣтлому Празднику въ Житомиръ, желая повидаться съ семействомъ, съ которымъ находились въ разлукѣ около трехъ мѣсяцевъ. Былъ вечеръ Великой Пятницы, когда мы прибыли въ Острогъ, въ которомъ знакомые предупредили, что сообщеніе съ противуположнымъ берегомъ рѣки Горыни, чрезъ Вельбовскую плотину, почти прекращено. Мы предполагали, что препятствій къ проѣзду на почтовыхъ не представится, и потому потребовали на почтовой станціи лошадей; но жестоко обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Станціонный смотритель объявилъ, что проѣзда по прямому пути къ г. Житомиру—нѣтъ; что онъ можетъ снабдить насъ лошадьми развѣ на Верховскую станцію, для проѣзда къ шоссе въ г. Ровно. На всѣ представленія, что весеннія воды уже сошли и вездѣ дороги, по коимъ мы проѣзжали, просохли, смотритель отвѣчалъ, что вода произвела такія промоины въ Вельбовской плотинѣ, что чрезъ нихъ кое-какъ можно было бы переправиться днемъ, а ночью—трудъ-

но, если не невозможно; и что онъ смотритель не рѣшится погубить ямщика съ лошадьми, выполнивъ наши требованія. Мы должны были уступить и праздникъ пришлось провести вдали отъ дома и семьи, бывъ увѣрены, что сдѣлавъ крюкъ на Ровно, не поспѣемъ къ Свѣтлому дню въ Житомиръ.—Особенно хорошо смотрѣть на эту широкую рѣку съ Острогскихъ возвышенностей, по коимъ расположены: бывшій Княжескій замокъ, опустѣлая Богоявленская, нынѣшняя Соборная, и бывшая Николаевская церкви; а также, съ такъ называемой, Красной горы.

Лѣтомъ, когда стекаютъ весеннія воды, открывается широкій прирѣчный лугъ, который покрывается высокою травою. Лугъ этотъ дугою охватываетъ городъ и, по скошеніи травы, уставливается несмѣтнымъ множествомъ стоговъ сѣна. Если къ тому прибавимъ, что на югъ и югозападъ окрестности города, верстъ на двадцать, покрыты сосновыми и лиственными лѣсами, что гряда проходящихъ здѣсь Карпатовъ доставляетъ прекрасный тесовый песчаникъ и превосходнаго качества раковистый известнякъ; что почва здѣшняя чрезвычайно плодородна, что поля послѣ жатвы покрываются безчисленнымъ множествомъ копенъ ржи, пшеницы, гречихи, ячменя, овса и другаго хлѣба, тогда поймемъ, какую счастливую, по богатству произведеній, мѣстность занимаетъ городъ Острогъ. Послѣ того для насъ уяснится вопросъ, какимъ образомъ въ г. Острогѣ—этомъ захолустьи Волыни, держатся изъ мѣстныхъ евреевъ купцы первой гильдіи. Они производятъ торговые обороты преимущественно деревомъ, которое скупаютъ въ сосѣднихъ лѣсахъ и сплавливаютъ по р. Горыни въ Припеть и далѣе, гдѣ находятъ запросъ на этотъ предметъ. Главная почтовая и торговая дорога, по устроеніи шоссе чрезъ г. Ровно, переведена изъ г. Острога въ другіе пункты Волыни; почтовая дорога отъ шоссе и другая такая же отъ Староконстантинова, Заславля, чрезъ Острогъ, въ Дубно имѣютъ предметомъ только сообщеніе между этими пунктами. Кромѣ того, здѣсь проходитъ проѣзжая обыкновенная дорога изъ

Кременца въ м. Корецъ и г. Новоградволынскъ; говорятъ чрезъ Острогъ проходитъ скотной трактъ; именно изъ мѣстъ степныхъ-южныхъ перегоняютъ рогатый скотъ и, свиней, въ Царство Польское. Не смотря на все это, усиленнаго торговаго движенія какъ по этой, такъ и по всѣмъ другимъ трактамъ, идущимъ чрезъ Острогъ, вообще говоря, не замѣтно.

Но если бы провести здѣсь хорошія искуственныя дороги, то совсѣмъ въ иное состояніе была бы поставлена здѣшняя торговля, улучшалась бы, вслѣдствіе облегченія сбыта, мѣстная производительность, и безъ того довольно значительная. Изъ окрестностей Острогскихъ было бы вывозимо много-очень много всякаго рода хлѣба для внѣшняго сбыта; въ лѣтнее время здѣсь собирается множество фруктовъ, кои продаются за безцѣнокъ; не мало ихъ остается на деревьяхъ несобранныхъ и пропадаютъ безвозвратно; а этого не былобы при лучшемъ устройствѣ путей сообщенія. Не мало приготовляется, въ окрестностяхъ города, нѣмецкими колонистами голландскаго сыру; а сколько могло бы быть добыто известняка изъ проходящихъ, вблизи Острога, отраслей Подольско-Волынскаго плоскогорья и выдѣлано пережженой извести!—Въ деревнѣ Каменкѣ, въ недальномъ разстояніи отъ города (верстъ 20 или около того), получается тесовый песчаникъ, который легко обдѣлывается для карнизовъ, надгробныхъ памятниковъ и разныхъ архитектурныхъ орнаментовъ. Продуктъ этотъ, въ обдѣланномъ видѣ, продается весьма дешево; намъ говорили, что устроеная было въ Дерманскомъ монастырѣ, деревянная лѣстница дороже стоила, чѣмъ замѣнившая ее, выдѣланная на заводѣ въ Каменкѣ, каменная. Недалеко Острога, въ лѣсистыхъ мѣстахъ, приготовляютъ множество телегъ, которыя отправляютъ въ степныя мѣстности для продажи. Наконецъ въ деревнѣ Бѣлотинѣ, лежащей по дорогѣ въ Заславль, приготовляется фарфоровая посуда и, кажется, изразцы. И такъ проведеніе желѣзной дороги въ здѣшнихъ мѣстахъ былобы дѣломъ, въ высшей степени, полезнымъ.

Спрашивается только: въ какую сторону и чрезъ какія мѣстности выгодно было бы провести этотъ искуственый путь? Намъ извѣстно, что отъ Кіево-Одесской дороги предполагается проложить двѣ вѣтви въ окрестности Волынской губерніи: одну чрезъ Волочискъ, за границу, а другую, мимо Житоміра въ Пинскъ, и за тѣмъ продолжить къ Бѣлостоку, или Бресту-Литовскому Вмѣсто этой послѣдней, по нашему мнѣнію, лучше былобы протянуть желѣзную линію изъ Винницы чрезъ Старокостантиновъ, мимо Заславля, въ Острогъ, мимо Дубна, Луцка, чрезъ Рожище (мѣстечко луцкаго уѣзда), Ковель, Ратно (Ковельскаго уѣзда) въ Бѣлостокъ; или Брестъ-Литовскъ. Этотъ искуственный путь доставилъ бы весьма важныя выгоды: онъ соединилъ бы двѣ главныя полосы нашей губерніи: сѣверную—лѣсистую съ южною степною и хлѣбородною, перерѣзалъ бы почти всѣ наши сплавныя рѣки: Случь въ Старокостантиновѣ, Горынь возлѣ Заславля, Стырь—въ Рожищахъ, Турію—въ Ковлѣ; наконецъ Припеть и Западно-Бужскую систему, по дорогѣ въ Бѣлостокъ или Брестъ-Литовскъ. Такимъ образомъ южная и югозападная часть нашей губерніи, извѣстныя своимъ хлѣбородіемъ, пріобрѣли бы возможность сбывать въ сѣверной хлѣбъ; а сѣверовосточная и сѣверная—свои лѣсные продукты въ южной; и все это доставлялось бы къ желѣзной дорогѣ изъ самыхъ далекихъ пунктовъ губерніи посредствомъ сплавныхъ рѣкъ. Наши мануфактурныя мѣста, какъ то: Красиловъ (мѣстечко Старокостантиновскаго уѣзда), извѣстный выдѣлкою кожъ, Славута (Заславскаго уѣзда)—Волынскій Бирмингамъ, Манчестеръ и Лидсъ, Рожище (Луцкаго уѣз.), въ которомъ нѣмецкіе колонисты выработываютъ сукна, легко и выгодно сбывали бы свои продукты и оттого производство ихъ усилилось бы еще болѣе. Такъ-какъ проведенная чрезъ Волынскую губернію желѣзная дорога, въ выше поясненомъ нами направленіи соединила бы Петербурго-Варшавскую съ Одесско-Кіевскою,—притомъ существуетъ проэктъ построить желѣзную нить сообщенія между Поти и Баку

—восточными Чернаго и западными берегами Каспійскаго морей,— то результаты вышли бы еще шире: Петербургъ, Варшава пришли бы въ соприкосновеніе съ Одессою: сѣверное пространство Россіи, богатое лѣсами, пушными звѣрями и рыбою, вступило бы въ сношенія съ южными —степными и хлѣбородными областями, лежащими у береговъ Чернаго моря, съ областями Закавказскими, способными къ производству самыхъ нѣжныхъ-произрастеній, произведеній жаркаго климата, съ необозримыми степями и огромнѣйшими пустынями средней Азіи. Это произвело бы переворотъ въ ходѣ всемірной торговли, сблизивъ сѣверную, Западную и Среднюю Европу, а равно торговыя Американскія государства съ Среднею Азіею, которая до сего времени почти закрыта для цивилизованнаго міра. Вотъ-что произошло-бы отъ построенія желѣзной дороги вдоль Волынской губерніи по указанному нами направленію!

Такія, или подобныя имъ, по содержанію, мысли могутъ тѣсниться въ головѣ каждаго человѣка, сколько нибудь образованнаго и знакомаго съ характеромъ мѣстности, во время проѣзда чрезъ длинную Вельбовскую плотину. Послѣ переправы чрезъ р. Горынь, по мосту, чрезъ нее перекинутому, стоитъ обратить взоры направо: тамъ, вблизи впаденія Вилiи, находится холмъ, заросшій сосновымъ лѣсомъ. Мы уже сказали что лугъ, среди котораго находится это возвышеніе, занимаетъ поперечное пространство между городомъ Острогомъ и селомъ Вельбовно имѣющее длины какихъ нибудь версты 4. Въ сухое время лугъ этотъ покрывается травою, а въ эпоху наводненій лежитъ подъ водою, которая затопляетъ и плотину; но холмъ и тогда неподвергается затопленію. Мѣсто это называютъ *городищемъ;* можно предполагать, оно составляло нѣкогда славянскій городокъ.

Вотъ мы въ селѣ Вельбовно. Неизвѣстно отчего произошло это названіе. Гдѣ-то мы читали, помнится на географической картѣ, вмѣсто этого, другое, нѣсколько измѣненное, названіе—*Вельбуйно.* Если это не описка, то

слово Вельбуйно можно производить отъ *вельми* (славянское, соотвѣтствующее польскому wiele) и *буйно*. Можетъ быть когда нибудь народонаселеніе Вельбовно или Вельбуйно страдало этимъ нравственнымъ недугомъ; но теперь, насъ увѣряли, здѣшній народъ кротокъ и послушенъ. Есть впрочемъ другіе недостатки, развившіеся вслѣдствіе частаго соприкосновенія съ горожанами и внѣшней жизненной обстановки. Такъ у Вельбовцевъ подъ рукою лѣсъ, луга, дающіе много сѣна, не малыя воды, въ которыхъ легко ловить рыбу. Пользуясь таковыми угодіями, житель Вельбовно, набравъ связку дровъ, или сѣна, взваливъ то или другое на спину, или наловивъ рыбы, отправляется въ городъ, въ которомъ легко сбываетъ свой товаръ. Вся эта работа, очевидно, не трудна, и между тѣмъ доставляетъ вѣрную копѣйку. Оттого-то жители Вельбовно неохотно занимаются земледѣліемъ и къ пьянству наклонны. Вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ жидами, они сдѣлались хитры, увлончивы, пронырливы, лживы, склонны къ плутовству. Многіе занимаются выдѣлкою горшковъ: подъѣзжая вечеромъ къ деревнѣ, замѣчаете по крестьянскимъ огородамъ огни, какъ бы находящихся въ дѣйствіи кузнечныхъ горновъ,—это огни, выходящіе изъ печекъ, устроенныхъ для обжиганія горшковъ. Къ приходской Вельбовской церкви принадлежитъ приписная села Нетишина. Послѣднее заселилось на берегахъ Горыни въ недавнія времена; еще помнятъ и теперь указываютъ мѣсто, которое занималъ первый поселившійся здѣсь житель.

Почтовая дорога изъ Вельбовно или Вельбуйно, по Кіево Брестскому шоссе, въ дальнѣйшемъ направленіи, идетъ чрезъ лѣсъ, по сыпучему песку. До проведенія этого шоссе, она шла на сѣверовостокъ, чрезъ м. Анно-поль, въ Корецъ и Новоградволынскъ; теперь проложена новая нить, прямо на сѣверъ, къ м. Гущѣ и Гущанской станціи, находящейся на шоссейномъ пути. Хотя можно ѣздить и по прямой дорогѣ, прежней почтовой, но мы не желаемъ пробраться въ Корецъ или Новоградволынскъ, а имѣемъ въ предметѣ осмотрѣть восточную полосу р. Го-

рыни въ Острогскомъ уѣздѣ; почему и примемъ направленіе по теперешнему почтовому пути, ведущему къ шоссе.

Дорога лѣсомъ, по песку, разумѣется тяжела; но вотъ, послѣ поворота на лѣво, песку меньше. Наконецъ лѣсъ оканчивается, открывается чистое пространство; мѣстоположеніе тутъ ровное, со всѣхъ сторонъ открытое; дорога въ сухое время легче и пріятнѣе, чѣмъ по шоссе, на которомъ щебень какъ бы нибылъ укатанъ, все же издаетъ непріятный визгъ, вслѣдствіе неустающаго тренія по немъ обитыхъ желѣзными полосами колесъ. Мы свернемъ съ почтовой дороги въ сторону—на лѣво, чтобы заглянуть въ село Волосковцы, замѣчательное по своему мѣстоположенію. Помѣстившись у церкви, которая лежитъ на возвышеніи довольно живописномъ, увидимъ: внизу, на плоскости, усѣянной рощицами, луга, по коимъ за лѣсомъ протекаетъ Горынь; на право—Мышковцы топографическій пустырь; ближе къ церкви разсѣянно раскинутыя хижины поселянъ. Мышковцы составляютъ урочище, на которомъ, по преданію, находилось село, разоренное Татарами. Урочище это лежитъ въ ложбинѣ, по которой протекаетъ незначительный ручеекъ; мѣстные жители разсказываютъ, что тамъ находили топоры, ножи и разныя земледѣльческія орудія.

Отъ Волосковецъ и Мышковецъ недалеко Могиляны, довольно значительное село, лежащее на правомъ берегу р. Горыни, противъ Бродова, расположеннаго на лѣвомъ. Названіе Могилянъ происходитъ отъ его мѣстоположенія: будучи окружено возвышенностями, оно находится, какъ бы, въ ямѣ, которой одна только сторона открыта, обращенная къ рѣкѣ. Такъ говорятъ одни; но другіе объясняютъ это названіе иначе. Село Розважъ, деревня Курганы и Могиляны лежатъ у береговъ р. Горыни по одному направленію, и какъ бы указываютъ на битвы, здѣсь происходившія. Названіе Курганъ и Могилянъ—тождественны; и въ самомъ дѣлѣ, холмовъ или кургановъ тутъ, говорятъ, много, какъ вообще по берегамъ Горыни

въ Острогскомъ уѣздѣ; а эти курганы могли быть насыпаны на могилахъ падшихъ воиновъ.

Почему бы въ этихъ именно мѣстахъ могли происходить частыя битвы? Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, стоитъ обратиться къ исторіи. Въ нашихъ лѣтописяхъ прямо говорится, что переправа чрезъ Горынь была устроена въ Дорогобужѣ, который находится отсюда верстахъ въ 40, или около того. «Изяславу же прійде вѣсть, «яже Володимиръ Галицкій и Андрей Юргевичъ и Волод«димиръ Андреевичъ пришли къ Дорогобужу съ силою ве«ликою и правятся (переправляются) черезъ Горыню» и проч. У Дорогобужа были построены мосты чрезъ Горынь, какъ это видно изъ другаго мѣста лѣтописи: «А «онъ (Владимиръ Мстиславичъ) бѣже (побѣжалъ) къ Дорого«бужу; ту бо бѣ и жена его бѣ побѣжала передъ нимъ. «Андреевичъ же (Владиміръ) перемета (разобралъ) моста «на Горыни и не пусти его» (1). Чрезъ Дорогобужъ, безъ сомнѣнія, шла главная дорога изъ Кіева во Владиміръ-Волынскій. Изъ исторіи борьбы Изяслава Мстиславича съ Юріемъ Долгорукимъ можно заключать, что эта дорога шла на Луцкъ, Пересопницу, Дорогобужъ, Корческъ, Ушескъ (на рѣкѣ Уши)—Мичьскъ (вблизи Тетерева), Бѣлгородъ. Припомнимъ, что, до проведенія нынѣшняго кіевобрестскаго шоссе, главная нить сообщенія, существовавшая между Кіевомъ и Владиміромъ, проходила почти чрезъ эти мѣста: Бѣлогородку (мѣстечко вблизи Кіева, прежній Бѣлогородъ), Житомиръ, Новоградволынскъ, Корецъ (прежній Корческъ), Межиричъ Корецкій, возлѣ Дорогобужа (онъ виднѣлся на возвышеніи, отдѣленномъ отъ дороги русломъ Горыни), чрезъ Ровно, Ясенничи, Пересопницу (которой замковое возвышеніе съ нѣсколькими стоявшими деревьями и заселенныя окрестности мимо-

(1) Исторія Государства Россійскаго, Карамзина, изд. 5-е Эйкерлинга, С.-Петербургъ 1842. Примѣч. 332 и 117 къ 11-му тому.

вольно поражали путника), чрезъ Олыку, Луцкъ во Владиміръ-Волынскій. Правда почтовой трактъ поворачивалъ изъ Корца, чрезъ Аннополь, въ Острогъ, Дубно къ Луцку; но это послѣднее направленіе нолько сильнѣе поддерживаетъ выводъ, къ которому паровимъ свою рѣчь:—что въ описываемыхъ мѣстахъ проходила главная нить сообщеній между старѣйшимъ городомъ старой Руси и стольнымъ городомъ Владиміро Волынскаго удѣла. Вообще же замѣтимъ, что первый путь—изъ Корца, мимо Дорогобужа, чрезъ Ровно, Пересопницу, Олыку въ Луцкъ былъ торговымъ и служилъ для обыкновенныхъ сношеній,—а второй, чрезъ Острогъ и Дубно, былъ болѣе официальнымъ, проложеннымъ въ видахъ административныхъ, для облегченія сношеній между уѣздными городами Волыни. Теперь же, съ устроеніемъ шоссе, оба эти условія соединены на одной линіи, отъ которой проложены побочные вѣтви къ ближайшимъ уѣзднымъ городамъ. Слѣдовательно позднѣйшій торговой трактъ подтверждаетъ существованіе прежняго, по которому должны были проходить, во время своихъ военныхъ екскурсій, русскіе князья. Сообщеніе же Кіева съ Червенскими городами (Перемышлемъ и Теребовлемъ) могло проходить чрезъ Волынь двумя линіями; первою: чрезъ древніе города—Бѣлградъ, Котельницу (мѣстечко Котельня въ Житомірскомъ уѣздѣ), Полонный (мѣстечко Полонное въ Новоградволынскомъ уѣздѣ), Изяславль (нынѣшній Заславль), Гнойницу и Тихомль (теперь села въ Острогскомъ уѣздѣ; послѣднее при рѣкѣ Горыни, по другой сторонѣ которой лежитъ мѣстечко Ямполь Кременецкаго уѣзда) Кременецъ; вторая же линія могла идти по пути Владиміро-волынскому до Дорогобужа, а оттуда, вѣроятно поворочивала на городъ Острогъ, Шумскъ (нынѣ мѣстечко кременецкаго уѣзда), въ Кременецъ. Наконецъ припомнимъ, что погоринскіе старые русскіе города на Волыни, бывшіе столами удѣльныхъ князей—Дубровица, Степань сообщались съ Червоною Русью чрезъ Дорогобужъ, Острогъ, Шумскъ; такъ какъ прямая линія сообщеній проходила именно чрезъ эти пункты. Оче-

видно, военные походы Владиміра великаго, Святополка Изяславича, Владиміра Мономаха, Изяслава Мстиславича, Юрія Долгорукаго, Владиміра Галицкаго, Мстислава Изяславича, Романа Мстиславича, Даніила короля русскаго, неупоминая о князьяхъ, игравшихъ второстепенную роль въ древней русской исторіи, именно должны были совершаться по указаннымъ нами направленіямъ. Понятно послѣ того, что берега рѣки Горыни часто были орошаемы кровью, во время междоусобій княжескихъ; тоже самое должно сказать и о временахъ нашествія Монголовъ, Татаръ крымскихъ и Козацкихъ войнъ. Удивительно ли послѣ того, что такое множество кургановъ на рѣкѣ Горыни, въ которыхъ, можетъ быть, покоятся кости падшихъ воиновъ? По этому можно объяснить характеристическое названіе описываемыхъ населенныхъ пунктовъ: Розважа, Кургановъ, Могилянъ. Впрочемъ есть мнѣніе, что курганы устраивались и для другихъ цѣлей. Говорятъ, что они имѣли горизонтальныя площадки и представляли самыя удобныя мѣста для помѣщенія стражи, которая обязана была наблюдать за набѣгами Татаръ. Вслучаѣ грозившей опасности стража, какъ говоритъ мѣстное преданіе употребляла кусокъ красной матеріи, помѣщенной въ рамкахъ. Эти послѣднія утверждали на длинномъ шестѣ, который, вслучаѣ нечаяннаго нападенія хищниковъ, наклоняли въ ту сторону, съ коей грозила опасность, т. е. откуда шли Татары. Тогда окрестные жители разбѣгались по лѣсамъ, горамъ, оврагамъ и другимъ уютнымъ мѣстамъ, гдѣ предполагали найти убѣжище.

Существуетъ преданіе, относящееся къ возвышенности, лежащей между Могилянами и деревнею Черняховымъ, на разстояніи одной версты отъ Могилянъ. Говорятъ, тамъ была церковь, которая поглощена земнымъ обваломъ съ приносившимъ въ ней молитвы священникомъ и присутствовавшимъ при Богослуженіи народомъ. Эти легенды не мѣшаетъ подмѣчать: можетъ быть, подъ ними сокрывается какой нибудь истинный фактъ, который время откроетъ.

Изъ Могилянъ, по прямому направленію, можно было было бы отправиться чрезъ Михалковцы въ Завизовъ. И въ томъ и другомъ селѣ есть церкви, но самостоятельная въ Завизовѣ, а въ Михалковцахъ приписная. Въ обѣихъ этихъ селахъ нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго; потому мы поворотимъ изъ Могилянъ на право въ село Мощаницу, находящуюся на почтовой дорогѣ. Въ этомъ послѣднемъ есть два окопа: одинъ недалеко почтовой дороги, вблизи корчмы, а другой вблизи экономическаго дома и пруда. Во второмъ окопѣ, говорятъ, есть каменный погребъ, годный и теперь къ употребленію; по угламъ четвероугольной валовой насыпи устроены выступы, какъ бы для башенъ.

Далѣе по почтовой дорогѣ, ведущей къ сѣверу, лежитъ село Малятинъ. Оно довольно большое, растилается поперекъ почтовой дороги, по направленію на западъ къ р. Горыни, и имѣетъ двѣ церкви—одну самостоятельную, а другую приписную.

За тѣмъ, по дальнѣйшей дорогѣ, встрѣтимъ села: Сіяницы и Тесовъ. Своротивъ въ послѣднемъ съ почтоваго тракта на право, положимъ въ Жавровъ или Глубочекъ, найдемъ весьма живописный ландшафтъ; впрочемъ онъ представится таковымъ на обратномъ пути изъ Глубочка и Жаврова въ Тесовъ. Дорога пойдетъ по косогору, вдоль котораго, на всемъ протяженіи, тянутся вереницею хижины и усадьбы мѣстныхъ жителей. На лѣво, во всю длину того же косогора, идетъ логъ, среди коего протекаютъ воды какого-то ручья, или пруда; вдали на послѣднемъ планѣ, виднѣется Тесовъ съ церковью, помѣщенною на окраинѣ возвышенности. По другой сторонѣ лога противуположный покатистый берегъ утыканъ деревьями, придающими этой мѣстности болѣе разнообразія и картинности.

Продолжая нашъ путь, по сѣверному направленію, къ м. Гущѣ, своротимъ, ради разнообразія, съ почтоваго тракта, на лѣво, въ село Симоновъ. Оно лежитъ надъ

рѣкою Горынью и составляетъ резиденцію князей Четвертынскихъ. Намъ говорили, что въ домѣ ихъ есть богатая живописная галерея, и въ ней особенно замѣчательны фамильные портреты князей Четвертинскихъ. Зная, что этотъ родъ происходитъ отъ великаго князя Кіевскаго Святополка Изяславича (1093—1113), что носитъ настоящее названіе отъ мѣстечка Четвертни, въ Луцкомъ уѣздѣ и теперь существующаго; предполагая, что, можетъ быть, эта портретная галерея полна, и что слѣдовательно въ ней по портретамъ, можно прочитать исторію края, мы, послучаю отсутствія владѣльца, обратились къ уполномоченному и просили показать достопримѣчательности княжескаго помѣщенія. Мы думали найти и богатую библіотеку и, можетъ быть, замѣчательный фамильный архивъ. Но всѣ эти ожиданія не сбылись. Кромѣ изображеній Бориса и Глѣба сыновей Владиміра святаго, составляющихъ не портреты, а произведеніе фантазіи позднѣйшаго живописца, портрета Святополка Гедеона, бывшаго православнаго епископа Луцкаго и Острогскаго и наконецъ митрополита Кіевскаго († 1690), да еще нѣсколькихъ лицъ, принадлежащихъ временамъ позднѣйшимъ, ничего болѣе замѣчательнаго, въ историческомъ отношеніи, мы не нашли. Тоже нужно сказать и насчетъ библіотеки, которая вся вмѣщается въ одномъ небольшомъ шкафѣ; объ архивахъ и помину нѣтъ,—покрайней мѣрѣ его не показывали намъ.

Названіе Симонова, по мѣстному преданію, происходитъ отъ имени какого то Симона, бывшаго владѣльца и основателя села. Не далеко отъ Симонова, по дорогѣ въ Гущу, по преданію мѣстныхъ жителей, находятся земляные валы, которые называютъ *Замчискомъ*. Въ окружности, обнимаемой этими валами, есть ямы, въ коихъ находятъ разныя хозяйственныя орудія, какъ-то: ножи, тарелки, миски; попадались и деньги. Мѣстный владѣлецъ буравилъ въ замчискѣ землю, предполагая найти сокрытыя сокровища и нашелъ только мѣдь. Но что тутъ подъ названіемъ мѣди должно разумѣть—деньги, или одну руду, мы не могли добиться отъ разсказчика.

Изъ Симонова переѣдемъ въ м. Гущу на которую обратимъ особенное вниманіе, какъ на мѣсто довольно интересное.